
ПОСЛЕДНИЙ
ЗАКАТ
Роман Самсона Гелхвидзе
18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ПОСЛЕДНИЙ ЗАКАТ – (роман)

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ПОСЛЕДНИЙ ЗАКАТ – (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

«Последний закат» — масштабный историко-мифологический роман о Трое, её героях, любви, политических противоречиях и трагедии войны.Автор смело переосмысливает известные античные предания, создавая собственный художественный мир, в котором за легендарными именами стоят живые люди со своими чувствами, сомнениями, надеждами и нравственным выбором. Особое внимание уделено человеческим судьбам, семейным узам, борьбе за власть, ответственности правителей и хрупкости мира.Главная сила произведения — стремление показать Троянскую войну не только как столкновение великих воинов и царств, но и как трагедию целого народа, расплачивающегося за амбиции и решения властителей.«Последний закат» — это повествование о величии и падении древнего города, о любви и верности, о цене славы и неизбежности исторической памяти.Это роман о том, что города могут погибнуть, но человеческие судьбы и память о них переживают века.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ПОСЛЕДНИЙ ЗАКАТ – (роман)

ПОСЛЕДНИЙ ЗАКАТ – (роман)

Историко-мифологический роман

Пролог. Город перед последним закатом

В тот вечер море было необыкновенно спокойным.

Оно лежало за стенами Трои огромным тёмно-синим зеркалом, и лишь у далёкого горизонта, там, где вода сливалась с небом, медленно разгоралось багровое сияние. Солнце опускалось за море, окрашивая золотые купола дворцов, высокие башни и зубчатые стены города в цвет расплавленной меди.

С высоты казалось, что Троя горит, но она ещё не пока горела.

На одной из башен стоял старый человек. Его звали Иларион, и никто уже не помнил, сколько лет он служил при дворце. Когда-то он сопровождал царских посланников, присутствовал на переговорах, записывал распоряжения Приама и хранил таблички с договорами, именами послов и свидетельствами давно забытых событий. Теперь его обязанности были куда скромнее. Он следил за дворцовым архивом и помогал молодым писцам разбирать старые записи.

Впрочем, сам Иларион считал, что именно теперь его служба стала важнее прежнего.

Он слишком долго жил, чтобы верить, будто государства рушатся только от удара чужого меча.

— Ты опять смотришь на море, — раздался за его спиной молодой женский голос.

Иларион обернулся. У входа на башню стояла девушка лет семнадцати. Её звали Мирина. Она была дочерью одного из дворцовых мастеров и уже второй год помогала старому архивариусу разбирать глиняные таблички. Девушка обладала редким для своего возраста терпением и ещё более редким качеством: она умела слушать, не перебивая.

— А куда же мне ещё смотреть? — ответил старик. — На город я насмотрелся за свою жизнь.

— Говорят, сегодня снова видели корабли ахейцев.

— Корабли видят уже много лет.

— Но сегодня их было больше.

Иларион ничего не ответил. Он снова повернулся к морю.

— Ты боишься, отец Иларион?

Старик усмехнулся.

— Человек, который говорит, что ничего не боится, либо лжёт, либо ещё не понял, чего ему следует опасаться.

Мирина подошла ближе.

— Наши стены неприступны. Отец говорит, что их строили боги.

— Возможно, — произнёс Иларион. — Но даже боги, если верить рассказам жрецов, не всегда умеют строить отношения между людьми.

Девушка улыбнулась, решив, что старик опять говорит загадками.

Внизу, на улицах, продолжалась обычная вечерняя жизнь. Торговцы убирали товар, женщины возвращались с рынков, мальчишки гоняли по площади деревянный обруч, а из открытых окон доносились голоса и музыка. В порту разгружали последние корабли. Где-то лаяла собака. Над храмами поднимался тонкий дым жертвенных костров.

Троя жила.

И именно это больше всего тревожило старого архивариуса.

— Мирина, — сказал он после долгого молчания, — ты когда-нибудь задумывалась, почему люди так любят рассказывать о героях?

— Потому что они совершают великие подвиги.

— А о тех, кто погиб рядом с ними?

— О них тоже рассказывают.

— Нет, девочка. О них вспоминают гораздо реже. А ведь именно из таких людей и состоит город. Не из царей, не из воинов и не из победителей. Из тех, кто каждое утро открывает двери своего дома, зажигает очаг, ждёт возвращения близких и надеется, что завтра будет похоже на сегодня.

Он помолчал и добавил:

— Когда-нибудь кто-то напишет историю Трои. Он расскажет о Приаме, Гекторе, Ахилле, Одиссее и деревянном коне. Возможно, даже о богах, которые вмешивались в человеческие дела. Но я хочу, чтобы ты запомнила другое: в этом городе жили люди. Настоящие. И каждый из них считал, что его жизнь ещё только начинается.

Мирина посмотрела на старика. В его голосе впервые прозвучало что-то такое, от чего ей стало не по себе.

— Ты думаешь, Троя погибнет?

Иларион долго не отвечал.

Затем посмотрел на запад, где солнце уже почти коснулось воды.

— Я думаю, что однажды даже самые крепкие стены перестают защищать город. И тогда выясняется, что его настоящая защита находилась совсем не там, где её искали.

— А где же?

Старик не успел ответить.

Снизу, со стороны дворца, раздался торопливый голос гонца. Кто-то звал Илариона по имени. Через несколько мгновений на лестнице послышались быстрые шаги.

— Отец Иларион! — крикнул запыхавшийся юноша. — Вас срочно требуют к царю!

Старик нахмурился.

— Что случилось?

— Из дворца прибыл посланник. Он привёз известия о царевиче Парисе.

Иларион медленно повернулся к девушке.

Солнце исчезало за горизонтом, и последние лучи ложились на стены города. Внизу продолжали смеяться дети, закрывались лавки, возвращались домой рыбаки. Никто ещё не знал, что одно известие, одна встреча и одно человеческое решение вскоре изменят судьбу не только царского дома, но и всего мира, который называл себя Троей.

Старик спустился с башни, а море за стенами города оставалось пока спокойным.

Часть первая. Город, которому не было равных

Глава первая. Дом царя Приама

Дворец Приама просыпался раньше самого города.

Ещё не успевали первые лучи солнца коснуться высоких башен, а во внутренних покоях уже зажигали светильники, слуги приносили воду, раздвигали тяжёлые занавеси и открывали двери в прохладные галереи. Из кухонных помещений доносился запах свежего хлеба, пряных трав и горячего масла. В конюшнях кормили царских лошадей, а во дворе оружейники принимались за работу, проверяя наконечники копий и натягивая тетивы луков.

Дворец был похож на небольшой город, живущий по собственным законам. Здесь были свои распорядители, писцы, стражники, жрецы, посланники и многочисленные родственники царского дома, каждый из которых имел собственные представления о порядке вещей и собственное мнение о том, как следовало управлять Троей.

Но главным человеком в этом мире оставался Приам.

Он уже давно перестал быть молодым царём, каким его помнили старейшины. В его волосах преобладала седина, движения стали осторожнее, а лицо приобрело ту неподвижность, которая появляется у людей, привыкших скрывать тревогу даже от самых близких. Однако в его взгляде по-прежнему сохранялась властность. Он не любил повторять приказов и ещё меньше любил, когда его заставляли ждать.

В то утро царь сидел у открытого окна и рассматривал город.

С высоты дворцовых покоев Троя казалась почти безупречной. Широкие улицы расходились от центральной площади, крыши домов постепенно спускались к гавани, а за жилыми кварталами начинались сады и виноградники. Дальше поднимались холмы, за которыми скрывались дороги, ведущие к другим городам Малой Азии.

Приам любил этот вид. Он любил город не только как правитель, но и как человек, который когда-то сам бегал по его улицам мальчишкой, не подозревая, что однажды ему предстоит отвечать за судьбы тысяч людей.

— Ты опять не спал всю ночь?

Голос Гекубы заставил его обернуться.

Царица стояла у входа в покои. На ней было простое светлое платье, волосы собраны под тонкой тканью, а на лице угадывалась усталость.

— Спал, — ответил Приам.

— Ты всегда так говоришь, когда не спал.

— Значит, ты слишком хорошо меня знаешь.

— К сожалению, — улыбнулась она. — Иначе давно поверила бы тебе.

Приам протянул ей руку. Гекуба подошла и села рядом.

Они прожили вместе много лет. За это время в их жизни было всё: радость рождения детей, горечь утрат, семейные споры, победы и поражения. Их брак давно перестал быть той историей, которую воспевают молодые поэты. Но между ними сохранилось нечто более прочное — привычка доверять друг другу даже тогда, когда они не соглашались.

— Вчера вечером мне сообщили о кораблях, — произнёс Приам.

Гекуба не сразу ответила.

— Я слышала.

— Их становится больше.

— А ты всё ещё надеешься, что это обычные торговые суда?

— Нет. Но пока у меня нет причин объявлять тревогу.

— Причины появляются не тогда, когда их объявляет царь, — тихо заметила она. — Они появляются тогда, когда люди начинают бояться.

Приам посмотрел на жену.

— Ты считаешь, что город уже боится?

— Я считаю, что дворец слишком долго притворяется, будто ничего не происходит.

Царь поднялся и подошёл к окну.

— Гекуба, ты хочешь, чтобы я собрал совет, закрыл гавань и приказал усилить стражу? Чтобы торговцы начали прятать товар, а соседние правители решили, что Троя готовится к войне? Иногда неосторожный приказ опаснее молчания.

— А иногда молчание становится приглашением к беде.

Он повернулся к ней, но не нашёлся с ответом.

В этот момент в покоях появился распорядитель дворца.

— Государь, царевич Гектор ожидает вас в малом зале. Он просил передать, что дело не терпит отлагательства.

— Пусть войдёт.

Гекуба поднялась.

— Я оставлю вас.

— Нет, останься, — попросил Приам. — Думаю, тебе тоже следует услышать, что он скажет.

Через несколько мгновений появился Гектор.

Он вошёл без спешки, поприветствовал родителей и остановился перед отцом. В отличие от многих молодых воинов, Гектор не стремился подчёркивать свою силу. Он был высок, широкоплеч, сдержан в движениях и обладал той спокойной уверенностью, которая внушала доверие даже людям, не любившим царскую семью.

Приам гордился старшим сыном, хотя редко говорил ему об этом.

— Ты хотел меня видеть? — спросил царь.

— Да, отец. Сегодня утром я объехал западные укрепления. Стража заметила движение у побережья.

— Снова корабли?

— Несколько судов. Они держатся далеко от берега, но направляются на север.

— Торговцы?

— Возможно. Однако они не подняли торговых знаков.

Приам нахмурился.

— Ты послал разведчиков?

— Уже послал. К вечеру должны вернуться.

Гекуба внимательно смотрела на сына.

— А что думают военачальники?

— Они считают, что следует увеличить число дозорных и проверить запасы оружия.

— Разумно, — произнёс Приам. — Но пока никаких публичных распоряжений. Не хочу тревожить город раньше времени.

Гектор кивнул, однако уходить не спешил.

— Есть ещё одно обстоятельство.

— Какое?

— Я получил сообщение из дворцовой канцелярии. Парис возвращается.

Гекуба заметно оживилась.

— Наконец-то! Когда?

— Сегодня. Его корабль вошёл в наши воды ещё ночью.

Приам медленно опустился в кресло.

— И почему мне не сообщили раньше?

— Гонец прибыл незадолго до рассвета. Я решил сначала проверить сведения.

— Он один?

— Нет. С ним сопровождающие, несколько слуг и люди, которых я прежде не видел.

Гекуба посмотрела на мужа.

— Наш сын возвращается домой. Разве это не повод для радости?

— Конечно, — ответил Приам. — Но почему он не предупредил нас заранее?

Гектор слегка улыбнулся.

— Ты же знаешь Париса, отец. Он редко делает что-либо так, как от него ожидают.

— Именно это меня и беспокоит.

Гекуба подошла к окну.

— Он был слишком долго вдали от дома. Возможно, ему просто хочется вернуться.

Приам ничего не ответил.

Он вспомнил, каким Парис был в детстве. Красивый, беспокойный, самолюбивый, способный очаровать человека одним взглядом и рассердить его следующей фразой. В отличие от Гектора, который рано научился отвечать за свои поступки, Парис всегда предпочитал идти туда, куда его влекло сердце. Иногда это приводило к удивительным открытиям. Иногда — к неприятностям, которые приходилось исправлять другим.

Но он оставался его сыном.

— Когда он прибудет во дворец, — сказал Приам, — я хочу увидеть его прежде, чем он начнёт рассказывать о своих путешествиях всему городу.

— Ты собираешься устроить ему допрос? — спросила Гекуба.

— Я собираюсь поговорить с ним как отец.

— Тогда постарайся не забыть об этом, когда он войдёт в зал.

Гектор сдержанно улыбнулся.

— Я передам распоряжение.

Когда он вышел, Приам некоторое время смотрел ему вслед.

— Ты заметила? — произнёс он.

— Что именно?

— Он говорит о Парисе так, будто уже готов отвечать за его поступки.

Гекуба вздохнула.

— Гектор всегда был таким.

— Слишком ответственным для своего возраста.

— А Парис, напротив, слишком свободным.

Царица подошла к мужу и положила руку ему на плечо.

— Но ведь именно поэтому они братья. Один удерживает дом, другой напоминает ему, что за его стенами существует жизнь.

Приам улыбнулся, хотя тревога не исчезла.

Он ещё не знал, что возвращение Париса принесёт во дворец не просто радость встречи. Вместе с ним приближалась история, которая заставит царей выбирать между честью и выгодой, воинов — между долгом и любовью, а целый город — между надеждой на спасение и верой в собственное бессмертие.

И пока Приам пытался понять, какие вести привезёт сын, на далёком берегу человек, которому ещё предстояло сыграть важную роль в судьбе Трои, впервые произнёс имя царевича вслух.

Но это будет уже другая история.

Глава вторая. Возвращение царевича

К полудню гавань Трои наполнилась необычным оживлением.

Ещё издали было заметно, что к причалам приближается корабль, отличавшийся от обычных торговых судов. Его высокий нос украшала деревянная голова морского коня, парус был окрашен в тёмно-красный цвет, а вдоль бортов располагались щиты с изображением золотого солнца. Корабль шёл уверенно, словно капитан не сомневался, что его возвращению будут рады.

На пристани уже собралась небольшая толпа. Среди встречающих были слуги дворца, несколько молодых воинов, купцы, знавшие царевича по прежним путешествиям, и любопытные горожане. О возвращении Париса успели узнать даже те, кому царская семья была совершенно безразлична.

— Говорят, он привёз невиданные сокровища, — сказал один торговец.

— А я слышал, что он заключил договор с правителем островов, — возразил другой.

— А мне сказали, что он собирается жениться.

Последняя фраза вызвала оживление.

— На ком?

— Этого никто не знает.

— Тогда откуда ты знаешь, что он собирается жениться?

— Потому что человек не возвращается из долгого путешествия с таким количеством сопровождающих, если ему нечего рассказать.

Толпа рассмеялась.

Наконец корабль приблизился к причалу. Матросы бросили канаты, и несколько человек принялись закреплять судно. На палубе появился молодой мужчина в светлом плаще, с непокрытой головой и длинными тёмными волосами, которые ветер перебрасывал через плечо.

Это был Парис.

Он несколько мгновений смотрел на родной город. Его взгляд задержался на стенах, дворцовых башнях и храме Афины, возвышавшемся над кварталами. Потом он улыбнулся.

— Всё такое же, — произнёс он.

— Даже лучше, чем вы помнили, царевич, — заметил стоявший рядом капитан.

Парис покачал головой.

— Нет, старый друг. Просто теперь я знаю, что есть города, которые красивы издали, и города, в которых хочется остаться.

— А Троя?

— Троя — единственное место, откуда мне всегда хочется уехать и куда я всё равно возвращаюсь.

Капитан рассмеялся.

— Ваш отец, вероятно, не оценит такую философию.

— Отец вообще редко оценивает мои философские рассуждения.

Парис спустился по трапу. Его приветствовали, склоняли головы, кто-то протянул ему цветы. Он отвечал улыбками, узнавал знакомых, задавал вопросы и шутил. Казалось, за время путешествия он ничуть не изменился.

Но один человек не спешил присоединяться к встречающим.

У дальнего края пристани стоял мужчина лет сорока пяти, одетый в дорожную одежду без каких-либо знаков принадлежности к царскому дому. Он наблюдал за Парисом с таким вниманием, будто пытался запомнить каждое его движение.

Когда царевич заметил его, улыбка на мгновение исчезла.

— Кто этот человек? — спросил Парис у капитана.

Тот оглянулся.

— Не знаю. Он появился здесь ещё до нашего прибытия.

— Он смотрит на меня.

— Возможно, ожидает кого-то другого.

— Нет, — тихо ответил Парис. — Именно меня.

Незнакомец не подошёл. Он лишь слегка наклонил голову, после чего растворился в толпе.

Парис проводил его взглядом.

— Вы его знаете? — спросил капитан.

— Нет. Но мне кажется, что я уже видел его лицо.

— Где?

— Если бы я помнил, то сказал бы.

Царевич отмахнулся от этой мысли и направился к приготовленной колеснице.

Однако незнакомец не исчез из его памяти.

В царском дворце Париса ждали родители и Гектор.

Приам сидел в большом зале на невысоком троне. Рядом находилась Гекуба, а немного поодаль стоял старший сын. Царь не любил пышных церемоний, поэтому встреча была устроена без многочисленной свиты.

Когда Парис вошёл, Гекуба поднялась первой.

— Наконец-то!

Она обняла сына и долго не отпускала.

— Ты стал ещё худее, — сказала она, рассматривая его лицо.

— А ты стала ещё красивее, мать.

— Не пытайся отвлечь меня комплиментами.

— Тогда придётся признаться, что я скучал.

— Это уже больше похоже на правду.

Гектор подошёл к брату и крепко пожал ему руку.

— Рад, что ты вернулся.

— А я рад, что ты всё ещё стоишь на ногах. Значит, враги пока не добрались до Трои.

— Они ещё не знают, что ты вернулся.

— Тогда им лучше поторопиться. Я привёз с собой достаточно неприятностей, чтобы занять их на несколько лет.

Гектор посмотрел на него внимательнее.

— Надеюсь, ты шутишь.

— Как всегда.

Но Приам не улыбнулся.

— Подойди, Парис.

Царевич приблизился к отцу.

— Ты долго отсутствовал.

— Дольше, чем собирался.

— И вернулся без предупреждения.

— Я хотел сделать вам сюрприз.

— Сюрпризы хороши тогда, когда не заставляют царя отправлять разведчиков на поиски собственного сына.

Парис опустил глаза, но в его улыбке ещё оставалась прежняя беспечность.

— Прости меня, отец.

— Я прощу, если ты объяснишь, где был и что привёз.

— Я посетил несколько городов на побережье, побывал на островах, встречался с купцами и правителями. Узнал кое-что о торговых путях, новых союзах и настроениях наших соседей.

— Это полезно. А теперь скажи, почему ты вернулся именно сейчас?

Парис на мгновение задумался.

— Потому что понял: некоторые вещи нельзя решить, оставаясь вдали от дома.

— Какие именно?

— Семейные, отец.

Гекуба внимательно посмотрела на сына.

— У тебя неприятности?

— Пока нет.

— А что будет потом?

— Это зависит от того, насколько гостеприимно вы примете мою следующую новость.

Приам выпрямился.

— Говори.

Парис снял с руки перстень и положил его на стол перед отцом.

— Я познакомился с человеком, который предложил мне принять участие в переговорах между несколькими правителями. Он считает, что Троя может стать центром нового союза в Эгейском море.

— Кто этот человек?

— Его зовут Эней.

Гектор нахмурился.

— Эней из Дардании?

— Тот самый.

Приам взял перстень и повертел его в пальцах.

— Он родственник нашего дома. Почему же он не обратился ко мне напрямую?

— Потому что сначала хотел узнать моё мнение.

— И ты согласился?

— Я выслушал его.

— Это не одно и то же.

— Я знаю, отец.

В разговор вмешался Гектор:

— А что именно он предлагает?

Парис посмотрел на брата.

— Союз городов, объединённый торговлей и взаимной защитой. Не военный поход, не завоевание, а соглашение, которое сделает наши берега безопаснее.

— Звучит разумно, — заметила Гекуба.

Приам не разделял её спокойствия.

— А кто должен возглавить этот союз?

— Вот этого Эней пока не решил.

— Или не захотел сказать?

Парис пожал плечами.

— Возможно.

Царь отложил перстень.

— Ты привёз много слов, сын. Но я хочу услышать о кораблях, которые видели наши дозорные.

Парис перестал улыбаться.

— Я тоже заметил их ещё в море.

— Кто они?

— Ахейцы.

В зале стало тихо.

Гектор шагнул ближе.

— Ты уверен?

— На некоторых парусах были знаки, которые я видел раньше. Они держатся на расстоянии, но наблюдают за побережьем.

— Сколько кораблей?

— Не менее десяти. Возможно, больше.

Приам медленно поднялся.

— Почему ты не сообщил об этом сразу?

— Я хотел сначала поговорить с тобой.

— О чём?

Парис посмотрел на отца.

— О том, что я слышал от людей, которые давно наблюдают за ахейцами. Они собираются не просто торговать. Некоторые из их правителей считают, что Троя слишком богата и слишком самостоятельна.

Гектор сжал кулаки.

— Значит, им нужна война?

— Возможно. Но я не уверен, что все они согласны друг с другом.

Приам задумался.

— Война начинается не тогда, когда один царь объявляет её другому. Она начинается гораздо раньше. Когда люди перестают искать причины для мира.

Он подошёл к окну.

— Гектор, завтра собери военный совет. Парис, ты будешь присутствовать. И больше никаких путешествий без моего разрешения.

— Как прикажешь, отец.

Но царь уже не слушал. Его мысли были далеко за пределами дворца.

Вечером Парис вышел в сад.

Он давно не бывал здесь. Между кипарисами и цветущими кустарниками стояли мраморные скамьи, а вдоль дорожек журчали небольшие фонтаны. Когда-то он проводил здесь целые дни, прятался от наставников, читал стихи и спорил с Гектором о том, что важнее для человека — долг или счастье.

Сейчас сад казался ему почти чужим.

Парис остановился у старого дерева, под которым в детстве любил сидеть его младший брат Деифоб. Потом вспомнил, как Гектор однажды вытащил его из дворцового пруда, куда он свалился, пытаясь поймать золотую рыбу.

Он улыбнулся.

Странно, подумал он, как быстро забываются события, которые когда-то казались самыми важными.

— Ты всегда выбирал это место.

Парис обернулся.

Перед ним стояла молодая женщина в тёмно-синем платье. Её звали Кассандра. Она была его сестрой, хотя между ними существовала разница не только в возрасте, но и в отношении к жизни.

Кассандра обладала необыкновенной наблюдательностью. Она замечала то, мимо чего другие проходили равнодушно, и часто произносила вещи, которые окружающим казались неприятными или странными.

— Ты меня напугала, — сказал Парис.

— Неужели? Я думала, ты привык к неожиданностям.

— Я привык к приятным неожиданностям.

— Тогда тебе предстоит разочарование.

Парис рассмеялся.

— Ты всё такая же.

— А ты изменился.

— В чём?

Кассандра подошла ближе и внимательно посмотрела на него.

— Ты привёз с собой чужую тревогу.

— Это называется путешествием, сестра.

— Нет. Путешествия привозят усталость, новые вещи и рассказы. А тревогу привозят люди, которые знают, что сделали что-то, о чём ещё не решились рассказать.

Парис перестал улыбаться.

— Ты опять говоришь загадками.

— Я говорю то, что вижу.

— И что же ты видишь?

Кассандра посмотрела на тёмные деревья за фонтаном.

— Я вижу человека, который вернулся домой, но ещё не решил, хочет ли остаться.

Парис отвернулся.

— Возможно, ты права.

— А ещё я вижу, что однажды ты попросишь у этого города прощения.

Он резко повернулся к ней.

— За что?

Кассандра не ответила.

Вместо этого она коснулась его руки и тихо произнесла:

— Только не заставляй Гектора выбирать между тобой и Троей.

Парис долго смотрел на сестру.

— Ты говоришь так, будто уже знаешь, что произойдёт.

— Нет, брат. Я лишь знаю, что люди часто сами приближают то, чего больше всего боятся.

Она ушла, оставив его одного.

В саду стало совсем темно. Где-то за дворцовыми стенами раздался звук трубы, возвещавшей о смене караула.

Парис поднял голову к небу.

Он ещё не знал, что через некоторое время судьба сведёт его с женщиной, имя которой станет причиной величайшей войны древнего мира. И что однажды ему придётся выбирать между любовью, честью и жизнью целого народа.

Но в эту минуту он думал совсем о другом.

О человеке на пристани.

О том, почему незнакомец смотрел на него так, словно давно ждал именно этого возвращения.

И впервые за много лет Парис почувствовал, что прошлое, от которого он пытался убежать, возможно, уже нашло его.

Глава третья. Женщина, которую ждали боги

В те дни, когда Парис возвращался в Трою, далеко на юге, за морем, в Спарте, происходило событие, которому ещё предстояло изменить судьбы многих людей.

Спарта не походила на Трою. Здесь не было её шумных торговых площадей, великолепных дворцов и богатых гаваней. Город казался суровым даже в самые ясные дни. Его жители ценили воинскую выправку, умение владеть оружием и способность переносить лишения. Здесь не слишком доверяли красивым словам, зато уважали человека, который умел держать данное обещание.

Однако за этой суровой внешностью скрывался двор, в котором кипели не менее опасные страсти, чем в любом другом царском доме.

Менелай, царь Спарты, был человеком властным и самолюбивым. Он не обладал той беспечной щедростью, которая располагала к нему окружающих, но умел добиваться своего и редко забывал нанесённые ему обиды. Его жена Елена была совсем другой. Она не стремилась к власти, не любила придворных интриг и не находила особого удовольствия в бесконечных разговорах о военных походах. Её красота давно стала предметом легенд, но мало кто задумывался, насколько тяжело самой Елене было жить под постоянным вниманием чужих глаз.

В то утро она сидела в саду, возле небольшого бассейна, и наблюдала, как на поверхности воды распускаются отражения цветущих деревьев.

Рядом стояла её служанка Мирто, девушка лет двадцати, которая сопровождала царицу ещё до её замужества.

— Ты опять не завтракала, госпожа, — заметила она.

— Я не голодна.

— Царь будет недоволен.

— Царь часто бывает недоволен.

Мирто улыбнулась.

— Но сегодня он особенно торопился. Его ждут посланники из Микен.

Елена подняла голову.

— Агамемнон?

— Кажется, да. Его прибытие держат в тайне, но во дворце уже готовят гостевые покои.

Елена отвернулась к воде.

— Когда собираются два царя, кому-нибудь обязательно приходится уступать.

— Ты говоришь о Менелае?

— Я говорю о мужчинах, которые считают, что мир существует для того, чтобы они могли спорить о его разделе.

Мирто рассмеялась, но Елена не поддержала её веселья.

Она знала, что за последние месяцы отношения между Спартой и Микенами стали особенно напряжёнными. Агамемнон, старший брат Менелая, всё чаще говорил о необходимости объединить ахейские города под единой властью. Его раздражало, что каждый правитель заботился прежде всего о собственных интересах. Он мечтал о большой военной державе, а для этого ему требовались союзники, корабли и, разумеется, поводы для походов.

Менелай относился к подобным планам с осторожностью. Он не желал становиться подчинённым брату, хотя прекрасно понимал, что без его поддержки Спарта не сможет соперничать с Микенами.

— Госпожа, — осторожно произнесла Мирто, — а правда, что к нам скоро прибудут гости с востока?

Елена посмотрела на неё.

— Кто тебе это сказал?

— Слышала разговор во дворце. Будто какой-то троянский царевич собирается посетить Спарту.

Елена задумалась.

— Троянский?

— Да. Кажется, его зовут Парис.

Имя показалось ей знакомым, хотя она не могла вспомнить, где слышала его прежде.

— И зачем ему приезжать сюда?

— Этого никто не знает.

Елена снова посмотрела на воду. В её отражении лицо казалось спокойным, почти безмятежным, но внутри уже шевельнулось необъяснимое беспокойство.

Она ещё не знала Париса. Не знала его характера, привычек и взглядов. Не знала, что он любит море, музыку и долгие разговоры, что способен часами спорить о предназначении человека, а затем внезапно забыть обо всём ради красивого заката. Но имя его уже вошло в её жизнь, словно кто-то незаметно приоткрыл дверь, за которой начиналась неизвестность.

В большом зале дворца Менелай принимал своего брата.

Агамемнон был старше, выше и заметно массивнее. Его лицо не отличалось красотой, но в нём было что-то властное, заставлявшее собеседника невольно собираться. Он носил бороду, коротко подстриженную по обычаю воинов, а на правой руке — массивный золотой перстень с изображением льва.

— Ты слишком долго собирался, — сказал Менелай.

— Я не люблю приезжать туда, где меня не ждут.

— Ты мой брат.

— Именно поэтому я могу позволить себе говорить прямо.

Менелай усмехнулся и приказал слугам подать вино.

— Что на этот раз?

Агамемнон сделал глоток.

— На побережье появились новые известия. Троя усиливает торговые связи с городами Малой Азии. Её корабли всё чаще появляются в наших водах.

— Торговля не является преступлением.

— Нет. Но богатство, не подкреплённое уважением к соседям, рано или поздно превращается в угрозу.

— Ты говоришь так, будто Приам уже объявил нам войну.

— Приам стареет. А его сыновья слишком разные. Один думает о защите города, другой — о собственных удовольствиях. Это не самая надёжная основа для государства.

Менелай поставил кубок на стол.

— Ты хочешь, чтобы я поддержал твои планы против Трои?

— Я хочу, чтобы ты понимал, что происходит. Ахейские правители слишком долго соперничают друг с другом. Пока мы спорим, Троя богатеет.

— И что ты предлагаешь?

Агамемнон наклонился вперёд.

— Сначала союз. Потом общий совет. А если потребуется, и общая армия.

Менелай молчал.

— Ты боишься, что я стану главным? — спросил брат.

— Я опасаюсь, что ты слишком любишь быть главным.

Агамемнон рассмеялся, но глаза его остались холодными.

— Вот поэтому нам и нужен общий интерес. Он должен быть сильнее личных обид.

В этот момент двери открылись, и в зал вошла Елена.

Она приветствовала Агамемнона и села рядом с мужем. Старший брат задержал на ней взгляд. В его выражении промелькнуло нечто похожее на удовлетворение.

— Елена, — произнёс он, — ты всё так же прекрасна. Иногда мне кажется, что твоя красота приносит нашему дому больше славы, чем все наши победы.

— Тогда вам следует чаще заниматься победами, — спокойно ответила она. — Красота не умеет защищать города.

Менелай улыбнулся. Агамемнон внимательно посмотрел на неё, словно пытался понять, была ли эта фраза простой шуткой или скрытым упрёком.

— Ты права, — наконец сказал он. — Но иногда красота может объединить людей там, где оружие оказывается бессильным.

— А иногда, — ответила Елена, — заставляет их забыть обо всём остальном.

На несколько мгновений в зале воцарилось молчание.

Агамемнон первым отвёл взгляд.

Вечером, когда гости разошлись, Елена долго не могла уснуть. Она вышла на террасу, откуда открывался вид на город. Внизу горели огни домов, за стенами темнели поля, а над горами поднималась большая луна.

Менелай находился в соседнем покое. Он просматривал письма и распоряжения, которые привезли его посланники. Елена не хотела ему мешать.

Она думала о словах Агамемнона. Особенно о том, что красота способна объединять людей. Ей не нравилось, когда её воспринимали как драгоценность, которую можно передать из рук в руки ради выгодного соглашения. Она слишком хорошо знала, что подобные разговоры ведутся не только о ней, но и о женщинах других царских домов.

В какой-то момент за спиной послышались шаги.

— Ты не спишь? — спросил Менелай.

— Нет.

Он подошёл к ней и положил руки на перила.

— Агамемнон собирается устроить большой пир. Пригласить правителей нескольких городов. Он хочет, чтобы Спарта стала одним из центров будущего союза.

— И ты согласился?

— Я ещё думаю.

— Ты всегда думаешь, когда речь идёт о власти.

Менелай посмотрел на неё.

— А ты всегда говоришь так, будто власть тебя не касается.

— Меня касается всё, что решаете вы, мужчины. Только меня обычно не спрашивают.

Он хотел возразить, но передумал.

— Возможно, скоро у нас появятся гости, — произнёс он. — Из Трои.

Елена повернулась.

— Из Трои?

— Да. Один из сыновей Приама собирается посетить несколько ахейских дворов. Кажется, Парис.

Она вспомнила утренний разговор с Мирто.

— И ты пригласишь его?

— Если Агамемнон сочтёт это полезным.

Елена снова посмотрела на город.

— Странно, — сказала она. — Сегодня я уже слышала это имя.

— И что же?

— Ничего. Просто совпадение.

Менелай пожал плечами и вернулся в покои.

Елена осталась на террасе. Ей казалось, что в воздухе происходит нечто едва заметное, словно перед далёкой грозой, когда ещё нет ни грома, ни ветра, но птицы уже начинают беспокойно кружить над деревьями.

Она не знала, что далеко на востоке Парис в эту самую минуту тоже смотрит на луну. И что вскоре между ними окажется не только море, но и множество человеческих решений, обещаний и страхов.

А ещё она не знала, что в ту ночь в одном из храмов Спарты старый жрец записал на восковой табличке странные слова, услышанные им во время обряда: «Когда прекрасное лицо покинет свой дом, великие стены начнут считать дни».

Жрец долго смотрел на написанное, затем стёр слова ладонью. Он решил, что это всего лишь бессвязный сон.

Но иногда именно такие сны переживают тех, кто пытается их забыть.

Глава четвёртая. Тайна старого храма

На окраине Трои, за последними жилыми кварталами и садами, находился небольшой храм, посвящённый Аполлону. Он не отличался великолепием царских святилищ, не имел позолоченных колонн и не собирал толпы паломников. Его стены были сложены из светлого камня, потемневшего от времени, а над входом висела бронзовая пластина с изображением солнечного бога. Сюда приходили те, кто предпочитал разговаривать с богами без свидетелей.

Храмом заведовал жрец по имени Филон. Он был уже стар, почти ослеп на один глаз и передвигался с помощью деревянного посоха. В молодости Филон сопровождал троянские посольства, знал несколько языков и умел читать древние надписи, смысл которых давно перестали понимать даже образованные люди. Теперь его дни проходили среди свитков, жертвенных чаш и разговоров с редкими посетителями.

В последнее время его всё чаще беспокоили сны.

Они повторялись почти каждую ночь. Сначала он видел огромный город, освещённый красным заревом. Затем появлялись люди, бегущие по улицам, слышались детские крики, звон металла и грохот рушащихся стен. Но страшнее всего было другое: среди этого хаоса стоял человек в золотом шлеме, который смотрел на Филона и произносил одно и то же имя.

Парис.

Старик не понимал, почему именно царевич появлялся в его видениях. Он никогда не был близок к нему, редко видел его в храме и не имел никаких причин связывать его с бедствиями, которые ему снились.

Однажды утром к нему пришёл молодой воин.

— Жрец Филон, — произнёс он, остановившись у входа, — царь желает видеть тебя.

Старик поднял голову.

— Какой именно царь?

Воин удивился.

— Приам, конечно.

— Тогда передай ему, что старый жрец не отказывается от приглашения. Но пусть не ждёт от меня приятных слов.

— Государь не просил приятных слов.

— Вот это уже хорошо.

Филон накинул на плечи плащ, взял посох и вышел из храма.

В царском дворце его приняли в небольшом помещении, где обычно проходили доверительные беседы. Приам находился там один. Перед ним лежали несколько табличек с донесениями от пограничных дозоров.

— Садись, Филон, — сказал царь.

— Благодарю, государь. Хотя в моём возрасте лучше стоять, пока ноги ещё помнят, как это делается.

Приам невольно улыбнулся.

— Ты всегда умел отвечать так, чтобы собеседник забывал, зачем тебя позвал.

— Это полезное качество для старого человека.

Царь указал на таблички.

— Мне сообщили, что в храме ты говорил о дурных знамениях.

Филон помолчал.

— Я говорил о тревожных снах.

— И при чём здесь мой сын?

Старик медленно поднял глаза.

— Значит, тебе уже рассказали.

— Мне не нужны пересказы. Я хочу услышать от тебя, что именно ты видел.

Филон положил посох рядом с креслом.

— Несколько ночей подряд мне снится город. Я не знаю, Троя ли это, но стены похожи на наши. Люди бегут, дворцы горят, а над морем стоит дым. И каждый раз среди этого появляется Парис.

Приам нахмурился.

— Ты обвиняешь моего сына?

— Нет. Я не обвиняю людей за то, что они появляются в чужих снах.

— Тогда зачем ты пришёл?

— Потому что иногда сон не предсказывает событие, а предупреждает о человеческой ошибке.

Приам некоторое время смотрел на старика.

— Ты веришь, что боги вмешиваются в дела людей?

— Я верю, что люди охотно перекладывают на богов ответственность за собственные поступки.

Царь усмехнулся.

— За это тебя, наверное, не слишком любят в храме.

— Зато иногда слушают.

Приам встал и подошёл к окну.

— Парис вернулся из путешествия. Он привёз известия об ахейцах. Я не хочу, чтобы ты пугал его своими снами.

— Я и не собираюсь.

— И не хочу, чтобы ты рассказывал о них Гекубе.

Филон промолчал.

— Ты понял меня?

— Да, государь.

Старик поднялся, опираясь на посох. Уже у двери он остановился.

— Приам, позволь задать тебе один вопрос.

— Говори.

— Если однажды твой сын принесёт в этот дом женщину, которую ты не сможешь принять, что ты сделаешь?

Царь резко обернулся.

— Что за нелепость?

— Я спрашиваю не как жрец. Я спрашиваю как старый человек, который видел, как любовь иногда становится сильнее рассудка.

— Мой сын не настолько безрассуден.

Филон поклонился.

— Пусть боги сохранят твою уверенность.

Он вышел, оставив Приама в задумчивости.

В тот же день Гектор отправился к западным укреплениям.

Он не любил дворцовых разговоров, в которых слишком много времени уделялось словам и слишком мало — делу. Ему было проще самому осмотреть стены, поговорить с начальниками стражи и убедиться, что дозорные действительно выполняют свои обязанности.

На одной из башен его встретил молодой офицер по имени Антей. Он служил в пограничной страже уже несколько лет и пользовался доверием старших воинов.

— Государь, — доложил он, — ночью мы видели огни на море. Они двигались вдоль берега, затем исчезли.

— Сколько?

— Четыре или пять.

— Корабли?

— Похоже на то.

Гектор подошёл к зубчатому краю стены и посмотрел вдаль.

— Почему не сообщили раньше?

— Мы отправили гонца. Но он задержался на южной дороге. Там обнаружили следы неизвестного отряда.

— Вооружённого?

— Судя по следам, да.

Гектор нахмурился.

— Значит, у нас уже не просто корабли.

Антей хотел что-то добавить, но вдруг заметил движение на дороге. Из-за холма показались два всадника. Они двигались быстро, поднимая за собой облако пыли.

— Разведчики, — произнёс офицер.

Всадники приблизились к воротам. Один из них спешился ещё до того, как лошадь остановилась.

— Принц Гектор! — крикнул он. — Мы нашли лагерь чужеземцев!

— Где?

— В нескольких милях к югу. Небольшой отряд. Они не похожи на обычных торговцев.

— Сколько человек?

— Около тридцати. Есть оружие, лошади и повозки.

Гектор обменялся взглядом с Антеем.

— Кто ими командует?

— Мы не смогли приблизиться. Но среди них есть человек, которого называют Агенором.

Гектор задумался. Имя было ему знакомо, но он не мог сразу вспомнить, откуда.

— Возвращайтесь к отряду, — приказал он разведчикам. — Наблюдайте, но не вступайте в столкновение. Я направлю туда людей.

Когда всадники уехали, Антей спросил:

— Думаете, они пришли за нами?

— Пока не знаю. Но если кто-то появляется возле наших стен с оружием и скрывает своё имя, лучше не считать его случайным путником.

Вечером Парис снова встретился с братом.

Гектор застал его в библиотеке. Царевич сидел за столом, рассматривая старую карту побережья. Рядом лежали несколько пергаментных свитков, а на полу стоял открытый дорожный сундук.

— Ты уже начал готовиться к следующему путешествию? — спросил Гектор.

Парис поднял голову.

— Я всего лишь разбираю записи.

— У тебя удивительная способность превращать отдых в подготовку к отъезду.

— А у тебя — превращать любой разговор в военный совет.

Гектор сел напротив.

— Мне сообщили о твоём знакомстве с Энеем.

— Он разумный человек.

— И что он думает об ахейцах?

— Считает, что они могут стать опасными, если объединятся.

— А ты?

Парис отложил карту.

— Я думаю, что мы слишком привыкли считать себя непобедимыми.

Гектор внимательно посмотрел на него.

— Ты говоришь как человек, который увидел что-то, о чём не хочет рассказывать.

Парис помолчал.

— На одном из островов я встретил старого купца. Он торговал с ахейскими городами и знал многих их правителей. Мы разговорились. Он сказал, что Агамемнон собирает вокруг себя воинов и корабли. И что ему нужен повод, который заставит всех ахейцев забыть прежние распри.

— Какой повод?

— Этого он не знал.

Гектор поднялся и прошёлся по комнате.

— Нам нужно сообщить отцу.

— Он уже знает.

— Тогда тем более следует действовать осторожно.

Парис посмотрел на брата.

— Гектор, скажи мне честно: ты веришь, что войну можно предотвратить?

Старший брат остановился.

— Верю, пока есть люди, которые хотят мира.

— А если их окажется слишком мало?

— Тогда придётся защищать тех, кто не желает воевать.

Парис опустил глаза.

— Иногда мне кажется, что мы всю жизнь готовимся к беде, которая ещё не случилась.

— А иногда, — ответил Гектор, — беда случается именно потому, что люди слишком долго убеждают себя, будто её не будет.

Они замолчали.

За окном постепенно темнело. Во дворце зажигали светильники, и где-то вдалеке раздавалась музыка. В этот вечер Троя казалась такой же прекрасной, как всегда. Но за её стенами уже собирались люди, чьи намерения никто не мог объяснить.

А в Спарте Елена получила письмо от неизвестного посланника. На небольшой восковой табличке было всего несколько строк, написанных незнакомой рукой:

«Не всякая встреча бывает случайной. Не всякое обещание следует исполнять. Когда придёт человек из-за моря, вспомни, что однажды ты уже отказалась от собственной судьбы».

Елена перечитала послание дважды. Затем позвала Мирто.

— Кто принёс это?

— Молодой человек из дворцовой стражи. Он сказал, что письмо передали через посланника из Микен.

— А сам посланник?

— Уехал сразу после передачи.

Елена ещё раз посмотрела на табличку.

— Ты знаешь, кто мог написать эти слова?

— Нет, госпожа.

— Тогда никому не рассказывай о письме.

Она положила табличку в небольшой ларец и закрыла крышку.

Ей было неизвестно, кто решил вмешаться в её жизнь и почему упомянул о судьбе, от которой она якобы когда-то отказалась. Но впервые за долгое время Елена почувствовала, что события вокруг неё развиваются по чьему-то чужому замыслу.

И где-то далеко, в Трое, Парис тем временем пытался понять, почему незнакомец на пристани знал его лицо.

Два человека ещё не встретились. Но их судьбы уже начали двигаться навстречу друг другу.

Глава пятая. Человек без прошлого

На следующее утро Парис проснулся раньше обычного. Ночь выдалась беспокойной: ему несколько раз казалось, что кто-то ходит по галерее возле его покоев, останавливается у двери и затем бесшумно удаляется. Подобные ощущения могли быть следствием долгого путешествия, однако царевич не привык доверять случайностям, особенно после возвращения в Трою.

Он позвал слугу, велел принести воды и попросил приготовить коня. Завтракать во дворце он не собирался. Ему хотелось пройтись по городу, увидеть знакомые улицы и, возможно, найти человека, которого заметил на пристани.

Уже через час Парис ехал по северной дороге, сопровождаемый двумя всадниками. Утро было прохладным. Над садами стелился лёгкий туман, а с полей доносился запах влажной земли. Навстречу попадались крестьяне, везшие на рынок овощи и фрукты, пастухи с небольшими стадами и ремесленники, спешившие в городские мастерские.

Парис здоровался со знакомыми, иногда останавливался, чтобы перекинуться несколькими словами. Он любил такие поездки. В отличие от дворцовых залов, где каждый разговор имел скрытый смысл, здесь люди говорили о простых вещах и не пытались угадать, чего от них ждёт царевич.

Когда дорога повернула к старому мосту, Парис заметил человека, стоявшего возле каменного ограждения. На нём был тёмный плащ, а голову покрывал капюшон. Он смотрел на проезжавших всадников, но, увидев Париса, сделал шаг вперёд.

— Остановись! — приказал царевич сопровождающим.

Человек снял капюшон.

Это был тот самый незнакомец с пристани.

— Мы уже встречались, — произнёс Парис.

— Я на это рассчитывал.

— Кто ты?

— Меня зовут Ликон.

— Это имя мне ничего не говорит.

— Неудивительно. Я никогда не жил в Трое.

Парис спешился.

— Тогда зачем ты следишь за мной?

Ликон посмотрел на двух воинов, ожидавших неподалёку.

— Я хотел поговорить с тобой без свидетелей.

— Ты ошибся, если думаешь, что я отправлю своих людей куда-нибудь только потому, что незнакомец попросил об этом.

— Я и не прошу. Просто предупреждаю: то, что я собираюсь рассказать, может заинтересовать не только тебя.

Парис сделал знак сопровождающим отъехать на несколько шагов.

— Говори.

Ликон некоторое время молчал, словно подбирал слова.

— Несколько лет назад я служил при дворе одного из правителей островов. Тогда мне поручили сопровождать торговое посольство в Микены. Там я впервые услышал о человеке по имени Агенор.

— Ты знаешь его?

— Я знаю, что он не тот, за кого себя выдаёт.

Парис нахмурился.

— При чём здесь Агенор?

— Твои разведчики сообщили, что недавно видели возле южных дорог отряд, которым командует человек с таким именем.

— Откуда тебе известно о разведчиках?

Ликон не ответил.

Парис приблизился к нему.

— Послушай, я не люблю загадок. Если ты хочешь предупредить меня об опасности, говори прямо. Если же пытаешься втянуть меня в чью-то игру, лучше уйди с дороги.

— Ты слишком похож на своего отца, когда сердишься.

— Ты знал Приама?

— Нет. Но я знал твоего старшего брата, когда он ещё был совсем молодым.

Парис замер.

— Гектора?

— Да.

— Где вы встречались?

Ликон посмотрел на дорогу, ведущую к городу.

— В месте, о котором тебе лучше пока не знать.

— Ты не оставляешь мне выбора.

— Выбор у тебя всегда есть, царевич. Просто иногда он оказывается не таким приятным, как хотелось бы.

Парис отвернулся. Его раздражала манера незнакомца говорить так, словно тот обладал правом распоряжаться его любопытством.

— Ты упомянул Агенора. Что тебе известно о нём?

— Он собирает людей, которые умеют пользоваться оружием и не задают лишних вопросов. Они появились в нескольких местах побережья, покупают лошадей, провиант и карты дорог. Но самое опасное не это. Они ищут человека, который может попасть во дворец.

— Кто?

— Пока не знаю. Возможно, кто-то из слуг. Возможно, один из приближённых твоего отца.

Парис долго смотрел на Ликона.

— Почему ты решил рассказать всё это мне?

— Потому что ты скоро покинешь Трою.

— Кто тебе сказал?

— Никто. Я просто знаю, как устроены люди, которые не привыкли сидеть на одном месте.

Парис хотел возразить, но вдруг вспомнил вчерашний разговор с Гектором. Он действительно собирался просить отца разрешить ему отправиться в поездку к союзникам. Теперь эта мысль показалась ему не столь безобидной.

— Ты предлагаешь мне отказаться от поездки?

— Я предлагаю тебе сначала узнать, кто хочет, чтобы ты уехал.

— А если никто этого не хочет?

Ликон впервые улыбнулся.

— Тогда ты потеряешь несколько дней на ненужные подозрения. Это не самая большая цена за осторожность.

Он надел капюшон и направился прочь.

— Подожди! — окликнул его Парис. — Где я смогу тебя найти?

— Если понадобится, я сам найду тебя.

— Ты слишком много себе позволяешь.

— Возможно. Но сегодня это спасло тебе время.

Ликон скрылся за поворотом.

Парис ещё несколько минут стоял возле моста. Затем сел на коня и приказал возвращаться во дворец.

В это время Гектор находился в оружейной мастерской. Он проверял состояние щитов и копий, когда к нему подошёл начальник городской стражи.

— Принц, мы задержали двух человек возле южных ворот.

— За что?

— Они пытались передать одному из стражников письмо.

— Что в письме?

— Пока неизвестно. Один из задержанных отказывается говорить.

Гектор отложил копьё.

— Приведите их ко мне.

Через несколько минут в мастерскую ввели двух мужчин. Один был пожилым, с седой бородой и испуганным взглядом. Другой, напротив, держался вызывающе и смотрел на воинов с нескрываемой неприязнью.

— Кто из вас принёс письмо? — спросил Гектор.

Мужчины молчали.

— Я не собираюсь тратить весь день на разговоры с людьми, которые считают молчание доказательством своей храбрости.

Молодой задержанный усмехнулся.

— А я не собираюсь разговаривать с теми, кто думает, что царская кровь делает его умнее остальных.

Начальник стражи шагнул вперёд, но Гектор остановил его жестом.

— Как тебя зовут?

— Дамон.

— Откуда ты?

— Из Микен.

Гектор посмотрел на второго пленника.

— А ты?

— Меня зовут Сатир. Я торговец.

— Вы знакомы?

Старик поспешно ответил:

— Нет, господин. Я впервые вижу этого человека.

Дамон повернулся к нему и презрительно усмехнулся.

— Не стоит так стараться, старик. Всё равно они узнают.

Гектор заметил, как побледнел торговец.

— Что именно они узнают?

Дамон замолчал.

— Принесите письмо, — приказал Гектор.

Начальник стражи передал ему небольшую табличку, найденную при задержании. На ней были несколько строк, написанных небрежным почерком. Гектор прочитал их и нахмурился.

«Сын царя должен покинуть город до наступления полнолуния. Если он останется, соглашение будет отменено. Человек у ворот знает, что делать».

Гектор перечитал послание.

— Какой сын царя? — спросил он.

Сатир опустил голову.

— Я не знаю, господин.

— Тогда почему ты испугался, когда я прочитал письмо?

Торговец не ответил.

Гектор подошёл к нему.

— Ты можешь говорить со мной спокойно. Я не стану обвинять тебя в том, чего ты не совершал. Но если ты скрываешь то, что может угрожать городу, я не обещаю тебе снисхождения.

Старик поднял глаза.

— Я передавал письма, принц. Мне платили за доставку. Я не знал, что в них написано.

— Кто платил?

— Человек по имени Агенор.

Гектор переглянулся с начальником стражи.

— Где его найти?

— Не знаю. Он всегда встречался со мной в разных местах.

— Как он выглядит?

— Высокий. Темноволосый. На левой щеке у него шрам.

Гектор медленно опустил табличку.

Он вспомнил донесение разведчиков. Отряд возле южной дороги. Человек по имени Агенор. Теперь появилось ещё и письмо, в котором говорилось о необходимости удалить из города одного из царских сыновей.

— Отведите задержанных под охрану, — приказал он. — И никому не рассказывайте об этом деле.

Когда пленников увели, Гектор остался один.

Он понимал, что должен немедленно сообщить отцу. Но прежде ему хотелось поговорить с Парисом. Слишком многое в этой истории указывало на младшего брата.

Вечером братья встретились в саду.

Парис первым рассказал о Ликоне. Гектор выслушал его, не перебивая, затем достал табличку с письмом.

— Сегодня мы задержали двух человек возле южных ворот. Один из них назвал имя Агенора.

Парис внимательно прочитал послание.

— Здесь сказано, что я должен покинуть город.

— Именно.

— Кто-то очень торопится избавиться от моего присутствия.

— Или хочет заставить нас думать именно так.

Парис вернул табличку брату.

— Ты считаешь, что это ловушка?

— Я считаю, что мы пока слишком мало знаем.

— А что сказал отец?

— Он ещё не знает. Я собирался поговорить с ним после нашей встречи.

Парис прошёлся вдоль дорожки.

— Гектор, если кто-то действительно пытается втянуть нас в какую-то игру, мы должны выяснить, кто за этим стоит.

— Согласен.

— Тогда разреши мне встретиться с Ликоном ещё раз.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты не знаешь, кто он такой.

— А ты знаешь?

— Нет. Именно поэтому и не хочу, чтобы ты встречался с ним один.

Парис раздражённо вздохнул.

— Иногда мне кажется, что ты видишь врага в каждом незнакомце.

— А мне иногда кажется, что ты видишь друга в каждом человеке, который умеет красиво говорить.

Братья посмотрели друг на друга. Несколько секунд между ними стояло молчание.

Затем Парис улыбнулся.

— Что ж, возможно, нам обоим стоит чему-нибудь научиться друг у друга.

Гектор тоже улыбнулся, но тревога не покидала его.

— Завтра поговорим с отцом. А до тех пор не предпринимай ничего без моего ведома.

— Хорошо.

Однако Парис уже понимал, что не сможет просто ждать.

Он слишком хорошо знал себя. Чем настойчивее ему запрещали что-либо делать, тем сильнее становилось желание разобраться во всём самостоятельно.

И в эту ночь, когда дворец погрузился в сон, он написал короткую записку и передал её одному из своих доверенных слуг. В записке было всего несколько слов:

«Ликону. Завтра. Старый храм у моря. Я приду один».

Парис ещё не знал, что человек, которому он доверил своё послание, уже давно работал на другого хозяина. И что к рассвету содержание записки станет известно тому, кто больше всего хотел видеть царевича вдали от Трои.

Глава шестая. Ловушка у старого храма

К рассвету над Троей опустился густой морской туман. Он медленно полз от берега, скрывая причалы, рыбацкие лодки и нижние ступени старого храма, стоявшего на скалистом выступе неподалёку от гавани. В такие утра город казался отрезанным от остального мира. Даже голоса стражников на стенах звучали глуше, словно доносились из другой жизни.

Парис проснулся раньше обычного. Ночь прошла беспокойно: ему снился незнакомец с пристани, стоявший посреди пустого дворцового двора. Ликон ничего не говорил, только смотрел на него с таким выражением, будто знал нечто страшное и не мог решить, стоит ли открывать правду.

Парис сел на постели и некоторое время прислушивался к тишине. Потом вспомнил о записке, отправленной накануне, и почувствовал неприятное беспокойство.

Он приказал принести одежду и позвал слугу, которому доверил послание.

— Где ты был ночью, Эвандр?

Молодой человек, стоявший у дверей, слегка побледнел.

— В своих покоях, господин. Потом ходил на кухню. У меня заболела голова, и я попросил воды.

— А записку передал?

— Да, господин. Человеку, который ждал у старой лестницы.

Парис внимательно посмотрел на него.

— Ты видел его лицо?

— Нет. Он был в плаще, с капюшоном.

— И ты не спросил, откуда он знает, что должен ждать?

Эвандр опустил глаза.

— Я исполнял приказ, господин.

Парис не стал продолжать разговор. Что-то в ответах слуги показалось ему неестественным, но доказательств у него не было. Он отпустил Эвандра и подошёл к окну.

Внизу уже просыпался дворец. По галерее проходили служанки, в конюшне раздавались голоса конюхов, а у ворот сменялись ночные стражники. Всё выглядело привычно, почти мирно. Но после последних событий Парису казалось, что за каждым знакомым лицом может скрываться чужая воля.

Он решил всё-таки отправиться к храму.

Гектор в это время находился у южных ворот. Ночью ему доложили, что один из задержанных мужчин пытался передать стражнику небольшую золотую пластину. Стражник принял её, но немедленно сообщил начальнику караула.

Гектор осмотрел пластину. На её поверхности был вырезан знак, напоминавший раскрытое крыло.

— Где ты получил это? — спросил он задержанного.

— Нашёл на дороге.

— Ты хочешь сказать, что случайно нашёл золотую пластину и решил подарить её человеку, которого видишь впервые?

— Я не хотел подарить. Просто просил передать её тому, кто знает знак.

— Кому?

Мужчина замолчал.

Гектор положил пластину на каменный стол.

— Послушай меня внимательно. Мне не нужна твоя смерть. Мне нужно знать, кто пытается проникнуть в мой город. Но если ты продолжишь молчать, я перестану считать тебя случайным путником.

Задержанный поднял голову.

— Ты думаешь, что защищаешь Трою, Гектор. Но ты не знаешь, откуда придёт удар.

— Тогда объясни.

— Не от ахейских кораблей. Они ещё далеко. Опасность уже внутри ваших стен.

Гектор приблизился к нему.

— Назови имя.

— Агенор.

— Это я уже слышал.

— Тогда спроси у своего отца, почему он когда-то позволил этому человеку покинуть Трою.

Гектор нахмурился. Он не знал, о каком прошлом говорил пленник, но впервые почувствовал, что расследование касается не только безопасности города. Возможно, кто-то намеренно возвращал к жизни старые события, о которых в царском доме предпочитали не вспоминать.

— Отведите его в нижнюю комнату, — приказал он стражникам. — И никому не позволяйте с ним разговаривать без моего разрешения.

Когда пленника увели, Гектор ещё некоторое время смотрел на золотую пластину. Знак раскрытого крыла вызывал у него смутное воспоминание. Он словно уже видел его однажды, много лет назад, но не мог вспомнить где.

Приам завтракал вместе с Гекубой, когда Гектор вошёл в зал.

— Отец, мне нужно поговорить с тобой наедине.

Царь отложил чашу.

— Что случилось?

— Один из задержанных упомянул Агенора. Но самое странное — он сказал, что ты когда-то позволил этому человеку покинуть Трою.

Приам медленно поднялся.

— Где ты его допрашивал?

— У южных ворот.

— И ты поверил его словам?

— Нет. Но он назвал имя, которое мы уже слышали несколько раз.

Гекуба посмотрела на мужа. В её взгляде появилось беспокойство.

— Приам, кто такой Агенор?

Царь не ответил сразу. Он подошёл к окну, за которым открывался вид на дворцовый сад. Несколько мгновений он наблюдал, как садовник подрезает ветви старой оливы.

— Много лет назад, — наконец произнёс он, — при дворе служил человек по имени Агенор. Он был советником одного из моих родственников. Умный, образованный, но слишком честолюбивый. После смерти моего брата он оказался причастен к заговору.

— Почему я ничего об этом не знаю? — спросил Гектор.

— Потому что тогда ты был ещё молод. А я не хотел, чтобы семейная история превратилась в предмет дворцовых пересудов.

— Что произошло?

Приам повернулся к сыну.

— Агенор пытался убедить нескольких знатных людей, что власть должна перейти к другому наследнику. Он собирал сторонников, обещал им земли и влияние. Когда заговор раскрылся, я мог казнить его. Но он был связан с влиятельными семьями, и его смерть могла вызвать междоусобицу. Я изгнал его.

— И теперь он вернулся?

— Если это действительно тот самый человек, значит, он не забыл своего поражения.

Гекуба медленно поставила чашу на стол.

— Ты думаешь, он хочет отомстить?

— Возможно, — ответил Приам. — Но я боюсь другого. Если он действует не один, значит, кто-то за пределами Трои решил воспользоваться старой враждой.

Гектор задумался.

— Парис должен знать.

— Нет, — резко произнёс Приам. — Пока нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы он снова оказался в центре событий, которых не понимает.

Гектор сдержал возражение. Он знал отца достаточно хорошо, чтобы понимать: за этим запретом скрывается не только забота о младшем сыне. Приам боялся, что Парис, узнав о прошлом Агенора, начнёт действовать самостоятельно.

А именно этого сейчас следовало опасаться больше всего.

Парис покинул дворец через небольшой боковой выход. С ним отправился только один спутник — старый конюх Фарос, служивший царской семье ещё при отце Приама.

— Ты уверен, что хочешь идти именно туда? — спросил старик, когда они спустились к дороге, ведущей к морю.

— Уверен.

— Я видел, как люди возвращались из этого храма. Иногда они возвращались другими.

Парис улыбнулся.

— Ты хочешь сказать, что храм проклят?

— Нет, господин. Я хочу сказать, что люди часто находят там ответы, которые им не нравятся.

— А ты сам когда-нибудь искал там ответы?

Фарос помолчал.

— Однажды. Но это было давно.

Парис хотел спросить подробнее, однако старик отвернулся. Они продолжили путь.

У старого храма было пустынно. На ступенях лежали мокрые листья, а возле разрушенной колонны сидела чайка. Парис осмотрелся. Ликона нигде не было.

— Он ещё не пришёл, — произнёс Фарос.

— Подожди здесь.

— Нет, господин. Я обещал твоему отцу, что не оставлю тебя одного.

Парис обернулся.

— Ты обещал отцу?

Старик понял, что сказал лишнее.

— Я служу царскому дому, господин. И не собираюсь нарушать свою службу из-за одного обещания.

Парис хотел возразить, но в этот момент из-за колоннады послышались шаги.

Из тумана вышел человек в тёмном плаще. Он остановился в нескольких шагах от них.

— Ты пришёл один, — произнёс незнакомец.

— Почти, — ответил Парис. — Кто ты?

— Тот, кто получил твою записку.

— Значит, ты Ликон?

Человек снял капюшон.

Это был не Ликон.

Перед Парисом стоял мужчина лет пятидесяти, с короткой бородой и глубоким шрамом на левой щеке. Лицо его казалось знакомым, хотя Парис был уверен, что никогда прежде его не видел.

— Где Ликон? — спросил он.

— Он не придёт.

— Почему?

— Потому что он не тот, за кого ты его принимаешь.

— А ты, значит, тот, кому я должен доверять?

Незнакомец усмехнулся.

— Доверие — слишком дорогая вещь, царевич. Особенно в Трое.

Фарос шагнул вперёд.

— Назови своё имя.

Мужчина посмотрел на него с неожиданным интересом.

— Ты всё ещё служишь царскому дому, старый Фарос?

Конюх побледнел.

— Откуда ты меня знаешь?

— Я знал твоего сына.

В глазах старика мелькнуло нечто похожее на ужас.

Парис заметил это и резко повернулся к нему.

— Фарос?

Но старик молчал.

Незнакомец сделал ещё шаг.

— Передай своему отцу, Парис, что прошлое не умирает только потому, что царь приказал забыть его.

— Кто ты?

— Человек, которому твой отец однажды отказал в справедливости.

— Если у тебя есть претензии к царю, обращайся к нему. Не пытайся втянуть меня в свои дела.

Мужчина улыбнулся, словно именно такого ответа и ожидал.

— Вот поэтому ты опасен для Агенора. Ты ещё не научился бояться.

Он резко повернулся и исчез между колоннами.

Фарос бросился за ним, но Парис остановил старика.

— Не надо. Это может быть ловушка.

— Господин, ты не понимаешь…

— Тогда объясни!

Старик опустил голову.

— Когда-нибудь, Парис. Но не здесь.

В этот момент с дороги донёсся конский топот. Несколько всадников приближались к храму. Парис успел заметить на их плащах знак раскрытого крыла.

Фарос схватил его за руку.

— Уходим!

Они бросились к боковой тропе, ведущей к морю. За спиной раздался крик:

— Не дать ему уйти!

Парис обернулся и увидел, как двое всадников спешились. Один достал лук, другой направился к храму. Стрела ударила в камень возле его плеча.

Фарос толкнул царевича за выступ скалы.

— Вниз! Быстрее!

Они спустились к узкой прибрежной площадке, где среди камней стояла старая рыбацкая лодка. Фарос отвязал её и помог Парису забраться внутрь. Несколько мгновений спустя лодка уже отходила от берега.

— Ты умеешь управлять ею? — спросил Парис.

— Я умею не только управлять лодкой, господин.

Старик налёг на весло. Лодка медленно вышла из укрытия скал, и храм исчез за туманом.

Парис смотрел на Фароса. Теперь он был почти уверен, что старик знает гораздо больше, чем говорил.

— Ты знал этого человека?

— Да.

— И знал Ликона?

— Нет. Но я знаю, почему Агенор вернулся.

— Тогда говори.

Фарос долго молчал, прежде чем ответить.

— Потому что однажды твой отец спас человека, которого должен был наказать. А тот человек потерял всё, что считал своим. Он не простил царя. Но ещё меньше он простил того, кого считал причиной своего падения.

— Меня?

— Не знаю, господин. Возможно, Гектора. Возможно, тебя. А может быть, весь ваш род.

Парис хотел задать следующий вопрос, но старик вдруг поднял голову и посмотрел на противоположный берег.

Там, у самой воды, стоял человек в сером плаще.

Он не пытался скрыться. Не махал рукой. Просто смотрел на лодку.

Парис узнал его сразу.

Это был Ликон.

И когда их взгляды встретились, незнакомец медленно поднял руку, указывая куда-то за спину Париса.

Царевич обернулся.

На горизонте, за полосой тумана, появились корабли. Их было немного, но они шли не к главной гавани, а к небольшому безлюдному участку побережья.

Фарос перестал грести.

— Теперь ты понимаешь, почему я не хотел отпускать тебя одного?

Парис смотрел на приближающиеся суда. Впервые за всё время возвращения в родной город он почувствовал, что опасность, о которой говорили Гектор и отец, уже перестала быть слухом.

Кто-то начал войну ещё до того, как ахейцы высадились на троянский берег. И, возможно, первой целью этой войны был вовсе не город, а он сам.

Глава седьмая. Тени над морем

Лодка приближалась к берегу медленно. Туман рассеивался, открывая дальние скалы и узкую полосу песка, на которой уже виднелись следы недавней высадки. Парис молчал. Он не мог отделаться от мысли, что Ликон намеренно позволил ему увидеть себя. Если незнакомец хотел предупредить его об опасности, почему не подошёл? Если же хотел заманить в ловушку, почему не воспользовался случаем, когда Парис оказался один?

— Мы должны вернуться в город, — наконец произнёс царевич.

— Не через гавань, — ответил Фарос. — Там нас могут ждать.

— Тогда через восточную дорогу.

— Она проходит мимо старых виноградников. Если люди Агенора уже заняли побережье, они могли перекрыть и её.

Парис посмотрел на старика.

— Ты говоришь так, будто знаешь их расположение.

— Я знаю, как действуют люди, которые готовят переворот. Сначала они занимают дороги, потом ищут тех, кто способен им помешать. И только после этого объявляют, что пришли спасать город.

— Ты уже видел такое?

Фарос не ответил. Он налёг на весло, направляя лодку к небольшому каменистому заливу. Там, под нависающей скалой, находилась старая пристань, которой почти не пользовались. Когда-то сюда причаливали суда, доставлявшие камень для строительства храма, но теперь место заросло кустарником и было скрыто от главной дороги.

Они выбрались на берег.

— Оставь лодку, — приказал Парис. — Если понадобится, вернёмся к ней.

— Ты всё ещё собираешься идти во дворец?

— Разумеется. Я должен рассказать Гектору о кораблях.

— А о человеке у храма?

— Особенно о нём.

Старик тяжело вздохнул.

— Тогда позволь мне сказать тебе кое-что прежде, чем мы пойдём дальше. Ты слишком привык думать, что всякий, кто говорит о справедливости, непременно ищет правды. Но есть люди, которые используют правду так же, как другие используют меч. Они показывают её только той стороной, которая нужна им самим.

Парис внимательно посмотрел на него.

— Ты говоришь об Агеноре?

— Я говорю о людях вообще. Агенор лишь один из них.

Они поднялись по узкой тропе. Впереди, за оливковой рощей, начиналась дорога к городу.

В Трое Гектор уже знал о происшествии у старого храма.

Один из стражников, отправленный следить за Парисом, вернулся во дворец с известием о погоне. Гектор выслушал его, не перебивая.

— Сколько было всадников?

— Четверо, господин. Ещё двое оставались у храма.

— Ты видел их лица?

— Нет. Они закрывали лица плащами.

— А знак?

— На застёжках был знак крыла.

Гектор отпустил стражника и немедленно направился к отцу.

Приам находился в малом зале совета. Перед ним лежала карта побережья, а рядом стоял начальник городской стражи.

— Парис отправился к храму, — сказал Гектор.

Царь резко поднял голову.

— Кто ему позволил?

— Никто. Он ушёл тайно.

— Где он сейчас?

— Этого пока не знают. Но его преследовали люди с эмблемой крыла.

Приам подошёл к карте.

— Значит, они решили действовать открыто.

— Не совсем открыто, отец. Они по-прежнему скрывают лица. Но уже не боятся оставлять следы.

Начальник стражи указал на южную часть побережья.

— Сегодня утром дозорные заметили несколько кораблей. Они держатся в стороне от главной гавани.

— Ахейцы? — спросил Гектор.

— Пока неясно. Их суда меньше тех, что мы видели у горизонта несколько дней назад. Возможно, это торговцы. Но они не подают обычных сигналов.

Приам долго изучал карту.

— Отправьте туда два корабля. Не приближаться без необходимости. Наблюдать и докладывать.

— А если они высадят людей? — спросил Гектор.

— Тогда не позволять им пройти к городу.

Гектор повернулся к отцу.

— Я хочу знать, кто такой Агенор теперь. Не тот человек, которого ты изгнал много лет назад, а тот, кто сегодня распоряжается вооружёнными людьми на нашей земле.

Приам медленно провёл рукой по седой бороде.

— Тогда тебе придётся узнать то, о чём я предпочёл бы никогда не вспоминать.

Он велел начальнику стражи оставить их одних и открыл небольшой ларец, стоявший у стены. Из него царь достал старую бронзовую пластину, потемневшую от времени. На ней был изображён тот же знак, который Гектор видел на золотой пластине задержанного пленника.

— Это принадлежало Агенору, — сказал Приам. — Он был не просто советником. Когда-то он командовал частью дворцовой стражи и пользовался моим доверием.

— Почему ты изгнал его?

— Потому что он пытался изменить порядок наследования. Но причина была глубже. Агенор утверждал, что я занял престол, который должен был принадлежать другому человеку.

— Кому?

Приам посмотрел на сына.

— Моему старшему брату, которого давно нет в живых.

Гектор нахмурился.

— Но ведь твой брат умер до того, как ты стал царём.

— Да. Однако у него был сын.

В комнате стало тихо.

— Я никогда не слышал о нём, — произнёс Гектор.

— Потому что его не стало задолго до твоего рождения.

— Как его звали?

Приам не сразу ответил.

— Лаомедонт.

Гектор удивлённо посмотрел на отца. Имя было известно ему по старым царским родословным, но он никогда не задумывался, что за ним могла скрываться не просто строка в летописи, а человек, способный изменить судьбу Трои.

— И Агенор поддерживал его?

— Он утверждал, что поддерживает. Но я никогда не был уверен, что ему нужен был именно законный наследник. Возможно, он просто хотел управлять от его имени.

— А что стало с сыном твоего брата?

Приам закрыл ларец.

— Его увезли из города. Он был ребёнком. Мы получили известие, что корабль, на котором он находился, потерпел крушение.

— Ты видел тело?

— Нет.

Гектор медленно выпрямился.

— Значит, он мог выжить.

— Мог. Но за все эти годы не появилось ни одного достоверного свидетельства.

Гектор посмотрел на бронзовую пластину.

— И если Агенор нашёл его…

— Тогда он получил бы не только союзника, — тихо произнёс Приам. — Он получил бы человека, которого некоторые могли бы признать законным царём.

Гектор понял, почему отец так долго хранил молчание. Вопрос уже не ограничивался местью изгнанника. Если в Трое действительно существовал другой наследник, город мог оказаться перед угрозой внутренней войны.

И тогда ахейцам даже не пришлось бы штурмовать его стены.

Тем временем в Спарте Елена стояла у открытого окна. Внизу, во внутреннем дворе, служанки раскладывали на каменных скамьях свежевыстиранные ткани. За садовой оградой слышались голоса воинов, упражнявшихся с копьями.

Она держала в руках письмо, полученное несколько дней назад. Бумага уже успела помяться на сгибах. Елена перечитывала его снова и снова, пытаясь понять, кто мог знать о событиях её детства и почему теперь решил напомнить о них.

В комнату вошла Мирто.

— Госпожа, царь просит тебя прийти в большой зал.

— Он один?

— Нет. Прибыли люди из Микен. С ними какой-то посланник.

Елена положила письмо на стол.

— Менелай знает, кто он?

— Царь сказал, что это человек, которому следует оказать гостеприимство.

— Значит, он либо очень важен, либо очень опасен.

Мирто улыбнулась, но Елена не разделила её улыбки.

В большом зале Менелай беседовал с высоким мужчиной в дорожном плаще. Рядом стоял Агамемнон. При появлении Елены разговор ненадолго прервался.

— Вот и царица Спарты, — произнёс Агамемнон. — Надеюсь, наш гость не слишком утомил тебя своими рассказами о политике.

— Я умею слушать, — спокойно ответила Елена. — Но не всегда считаю нужным соглашаться.

Посланник склонил голову.

— Позвольте представиться. Меня зовут Эвримах. Я прибыл из Микен по поручению людей, которые заботятся о единстве ахейских царей.

— Единство, — повторила Елена. — Прекрасное слово. Особенно когда его произносят люди, привыкшие спорить о власти.

Агамемнон усмехнулся.

— Твоя царица не любит дипломатических речей, Менелай.

— Она предпочитает, чтобы за словами следовали поступки, — ответил тот.

Эвримах не смутился.

— Тогда я постараюсь быть кратким. В последние месяцы наши союзники всё чаще говорят о Трое. Её богатство, её стены, её торговые связи вызывают уважение, но одновременно становятся причиной беспокойства. Некоторые считают, что троянцы слишком долго пользовались выгодами мира, не принимая во внимание интересы соседей.

Елена посмотрела на него.

— А некоторые соседи слишком часто называют собственные желания интересами всех остальных.

На лице посланника появилась едва заметная улыбка.

— Возможно. Но мир сохраняется только тогда, когда сильные умеют договариваться.

— Или когда они умеют удерживать себя от войны, — сказала Елена.

Менелай вмешался прежде, чем разговор стал слишком острым.

— Эвримах прибыл не для спора. Он привёз предложение о встрече царей.

— Встреча состоится? — спросила Елена.

— Пока не решено.

Посланник поклонился.

— Есть ещё одно обстоятельство. До нас дошли сведения, что в Трою вернулся царевич Парис. Возможно, вскоре он прибудет и в Спарту.

Елена почувствовала, как внутри что-то дрогнуло, но не позволила себе выдать этого.

— Почему он должен приехать сюда?

— Не знаю. Однако некоторые люди считают, что его возвращение может изменить расстановку сил.

— Вы говорите о царевиче так, будто он не человек, а фигура на доске.

— В политике, госпожа, даже самые прекрасные люди иногда становятся фигурами.

Елена отвернулась к окну.

Ей вспомнилось письмо. «Когда придёт человек из-за моря, вспомни, что однажды ты уже отказалась от собственной судьбы».

Она вдруг поняла, что неизвестный автор письма знал не только о её прошлом. Он знал, что она уже слышала о Парисе.

Но откуда?

Когда Парис и Фарос добрались до города, солнце стояло уже высоко. У южных ворот их остановили стражники, однако, узнав царевича, немедленно открыли проход.

Гектор ждал брата во внутреннем дворе дворца.

— Ты заставил нас поволноваться, — сказал он.

— Значит, ты уже знаешь о храме.

— Я знаю, что ты опять решил действовать без совета с теми, кто отвечает за твою безопасность.

— Если бы я ждал совета, тот человек успел бы исчезнуть.

— Он и исчез.

Парис снял плащ и передал его слуге.

— Зато я узнал, что Агенор вернулся не один. На побережье появились корабли. Возможно, они уже высадили людей.

Гектор внимательно посмотрел на брата.

— Ты видел их?

— Да. И видел Ликона. Он находился на другом берегу и показал мне корабли.

— Почему не подошёл?

— Не знаю. Но тот, кто пришёл вместо него, назвал Фароса по имени и вспомнил его сына.

Гектор повернулся к старому конюху.

— У тебя был сын?

Фарос опустил голову.

— Был, господин.

— Что с ним случилось?

— Он погиб много лет назад.

— Где?

— На службе у царского дома.

Гектор хотел продолжить расспросы, но Фарос посмотрел на него так, что он остановился.

— Я расскажу всё, что знаю, — произнёс старик. — Но сначала должен поговорить с царём. Есть вещи, которые я не вправе открывать без его согласия.

Парис недовольно покачал головой.

— Опять тайны. Похоже, в этом дворце скоро не останется человека, который говорит прямо.

— Иногда молчание спасает больше жизней, чем правда, сказанная не вовремя, — ответил Гектор.

— А иногда именно молчание губит города.

Братья посмотрели друг на друга. Между ними не было вражды, но каждый привык видеть опасность по-своему. Гектор доверял порядку, дисциплине и осторожности. Парис полагался на собственное чутьё и не любил, когда от него скрывали решения, касавшиеся его жизни.

В этот момент вошёл дворцовый гонец.

— Государь Приам требует вас обоих в малом зале. Немедленно.

Приам стоял возле окна, когда сыновья вошли. Рядом с ним находился Фарос. Старик выглядел измученным, словно за последние часы постарел на несколько лет.

— Парис, — произнёс царь, — я слышал о твоём путешествии к храму.

— Тогда ты знаешь, что меня пытались убить.

— Я знаю, что ты подверг себя опасности.

— Отец, на побережье находятся чужие корабли. Люди с эмблемой крыла свободно передвигаются по нашим землям. Агенор уже не просто имя из прошлого. Он готовит что-то против Трои.

Приам не стал спорить.

— Я знаю.

Парис удивлённо посмотрел на него.

— Тогда почему ты ничего не предпринимаешь?

— Потому что не всякая угроза должна встречать открытый меч. Иногда сначала нужно узнать, кто держит его рукоять.

— И сколько ещё ты собираешься ждать?

Приам посмотрел на Фароса.

— Теперь уже недолго.

Старик сделал шаг вперёд.

— Государь, я больше не могу молчать. Тот человек у храма — не Агенор. Это его сын.

Гектор нахмурился.

— У Агенора был сын?

— Да. Его звали Дорией. Он был ещё мальчиком, когда отца изгнали из Трои. Я знал его мать. Она умерла вскоре после того, как они покинули город.

Парис подошёл ближе.

— И ты узнал его?

— Узнал. Хотя он изменился.

Приам опустил голову.

— Значит, Дорий вернулся.

— Он сказал, что твой отец отказал ему в справедливости, — произнёс Парис.

Старик посмотрел на царя.

— Потому что он верит словам своего отца. Но есть ещё кое-что, государь. Дорий не знает всей правды. И если Агенор расскажет ему то, что скрывал много лет, этот юноша может совершить поступок, от которого уже не будет пути назад.

— Какой поступок? — спросил Гектор.

Фарос посмотрел на Приама.

— Он может потребовать признать его законным наследником трона.

Приам медленно закрыл глаза.

В комнате повисла тишина.

И вдруг Парис понял, что перед ним не просто семейная тайна. За ней стояли годы изгнания, чужие обиды, возможно, несправедливость, о которой он никогда не знал. Он посмотрел на отца, ожидая объяснений.

Но Приам молчал.

И тогда старый Фарос произнёс слова, от которых лицо царя стало почти бескровным:

— Государь, если Дорий узнает, что его отец скрывал от него имя настоящего человека, которому принадлежит право на трон, он может перестать слушаться Агенора.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Гектор.

Фарос посмотрел сначала на него, затем на Париса.

— Я хочу сказать, что Дорий может быть не наследником. Он может быть лишь орудием в руках своего отца. А настоящий наследник, возможно, всё это время жил среди нас.

Приам резко повернулся к старику.

— Довольно!

Но было уже поздно.

Парис смотрел на отца и впервые за долгое время не узнавал его. В глазах Приама стоял страх — не страх перед врагом, не страх перед войной, а страх человека, который слишком долго хранил одну тайну и теперь увидел, как она начинает разрушать всё, что он пытался защитить.

За окнами дворца раздался тревожный удар колокола. Один, второй и третий раз. Это был сигнал с южной башни. К городу приближались чужие корабли.

Глава восьмая. Наследник без имени

Тревожный звон с южной башни ещё не смолк, когда Гектор уже направился к выходу. Он не стал ждать приказа отца. За годы военной службы он привык понимать сигналы быстрее, чем слова.

— Оставайся здесь, — бросил он Парису.

— Ты ведь знаешь, что я не останусь.

— Сегодня мне некогда спорить с тобой.

— А мне некогда слушать твои приказы.

Гектор остановился у двери и обернулся.

— Тогда хотя бы на этот раз подумай не о себе. Если на берегу действительно высадился вооружённый отряд, город может оказаться в опасности.

— Именно поэтому я и хочу быть там.

Приам поднял руку, останавливая обоих.

— Гектор, отправляйся к южным воротам. Возьми с собой отряд городской стражи и двух опытных разведчиков. Парис останется со мной.

— Отец…

— Это приказ, сын.

Гектор поклонился и вышел. Парис проводил его взглядом, но возражать не стал. Он понимал: сейчас важнее выяснить, что происходит на побережье.

Когда дверь закрылась, Приам повернулся к Фаросу.

— Ты сказал, что настоящий наследник мог всё это время жить среди нас. Объясни.

Старик тяжело опустился на скамью.

— Государь, я долго надеялся, что этот день никогда не наступит. Но теперь, когда Дорий вернулся, молчать больше нельзя.

— Говори.

— Ты помнишь ночь, когда умер твой брат?

Приам побледнел.

— Разумеется.

— А помнишь, кто первым сообщил тебе о гибели его сына?

— Ты.

— Я сообщил тебе, что корабль пропал во время шторма. Но я никогда не говорил, что видел его гибель.

Царь медленно подошёл к столу.

— Ты хочешь сказать…

— Я хочу сказать, что ребёнка не нашли. Ни тела, ни вещей, ни свидетельств того, что он погиб. Мы обнаружили только разбитое судно и нескольких погибших моряков.

Приам закрыл лицо ладонью.

— Почему же ты тогда не сказал мне об этом?

— Потому что в ту ночь мне принесли младенца. Его нашли на берегу, неподалёку от места крушения. Он был жив, но тяжело ранен. При нём не оказалось никаких знаков, кроме маленького золотого медальона.

— Где он?

Фарос посмотрел на Париса.

— У него.

Парис не сразу понял смысл этих слов.

— У кого?

Старик не ответил. Он смотрел на царевича с выражением глубокой печали.

Приам медленно повернулся к младшему сыну.

— Парис…

— Что всё это значит?

Царь не смог произнести ни слова.

Фарос продолжил:

— Младенца принесли во дворец. Твоя мать тогда была тяжело больна после родов. В ту же ночь умер один из новорождённых детей царского дома. Я не знаю, кто принял окончательное решение, но ребёнка с берега оставили при дворе. Его происхождение решили скрыть.

Парис почувствовал, как холодеют руки.

— Ты хочешь сказать, что я не сын Приама?

— Я не знаю, кем ты был по рождению, — ответил Фарос. — Но знаю, что в ту ночь во дворце произошло нечто, о чём никто не осмелился рассказать.

Приам резко поднял голову.

— Довольно! Ты не имеешь права строить предположения о судьбе моего сына.

— Я не строю предположений, государь. Я говорю о том, что видел.

— Ты видел ребёнка. Не более того.

— Я видел также медальон. И видел, как твой брат незадолго до смерти передал его своей жене. На нём был знак их рода.

Парис отступил на шаг.

В его памяти всплыло детское воспоминание: мать сидит возле окна, держит его за руку и рассказывает, что когда-то он был очень слабым младенцем. Она всегда говорила, что боги вернули его ей второй раз. Тогда он воспринимал эти слова как ласковую материнскую историю. Теперь они звучали совсем иначе.

— Где этот медальон? — спросил он.

Приам посмотрел на Фароса.

— Его нет.

— Ты уверен?

— Я видел его последний раз много лет назад. Потом он исчез.

Парис долго молчал. Затем спросил:

— А Гекуба знает?

Приам отвернулся.

И этого было достаточно.

Гекуба находилась в своих покоях, когда к ней пришёл Приам. Она сразу поняла, что случилось нечто серьёзное. Муж редко приходил к ней в середине дня, не предупредив заранее.

— Ты видел Фароса? — спросила она.

Приам остановился возле двери.

— Видел.

— Значит, всё-таки настало время.

Он посмотрел на неё с горечью.

— Ты знала, что он может заговорить?

— Я всегда знала, что однажды он не выдержит.

— Почему ты никогда не сказала мне, что помнишь ту ночь?

Гекуба медленно поднялась с кресла.

— Потому что ты сам попросил меня молчать.

— Я просил тебя не тревожить детей.

— Они уже не дети, Приам. Гектор давно несёт на себе тяжесть царства, а Парис всю жизнь ищет своё место в этом доме. Разве ты не замечал?

Царь опустил голову.

— Я хотел защитить его.

— От чего? От правды или от самого себя?

Приам ничего не ответил.

Гекуба подошла к нему и взяла его за руку.

— Послушай меня. Я любила Париса с первого дня, когда увидела его. Не потому, что мне сказали, чей он сын. Не потому, что так велели боги. Я любила его потому, что он был ребёнком, которому нужна была мать.

— Но если он не наш…

— Он наш, Приам. Ты можешь сомневаться в его крови, но не можешь сомневаться в прожитых годах. Он рос в этом доме. Он называл нас отцом и матерью. Он был братом Гектора. Никакая древняя родословная не отменит этого.

Приам впервые за долгое время обнял жену.

— Я боюсь, что правда разрушит нашу семью.

— Нет, — тихо сказала Гекуба. — Семью разрушает не правда. Её разрушает страх перед ней.

На южном побережье Гектор увидел дым ещё до того, как отряд достиг прибрежной дороги. Дым поднимался невысоко, стелился над водой и постепенно растворялся в морском ветре.

— Там горит что-то, — заметил один из воинов.

Гектор приказал ускорить движение.

Когда они добрались до берега, перед ними открылась странная картина. Небольшой рыбацкий дом был объят пламенем. Рядом лежали перевёрнутые лодки, а на песке виднелись следы множества ног. Никаких тел не было.

Гектор спешился.

— Осмотреть всё. Найти выживших.

Воины разошлись по берегу.

Из-за обгоревшей стены вышла женщина с ребёнком на руках. Она была босой, волосы её растрепались, а на лице остались следы копоти.

— Кто это сделал? — спросил Гектор.

Женщина испуганно посмотрела на него.

— Люди с моря.

— Сколько их было?

— Много. Они говорили на нашем языке.

— Они назвали себя?

— Нет. Но один из них сказал, что ищет человека, который должен вернуться домой.

Гектор нахмурился.

— Кого именно?

Женщина прижала ребёнка к груди.

— Они спрашивали о старом человеке, который служит царю. Сказали, что он знает, где находится наследник.

Гектор почувствовал, как внутри всё напряглось.

— Они говорили о Фаросе?

Женщина кивнула.

— Они искали его. А когда не нашли, подожгли дом.

Гектор посмотрел на море. Кораблей уже не было видно. Они либо ушли за мыс, либо скрылись в тумане.

Один из воинов подбежал к нему.

— Господин, мы нашли следы телеги. Она направлялась к восточной дороге.

— Отправь двоих разведчиков. Остальные со мной. Надо предупредить дворец.

Он снова посмотрел на женщину.

— Ты можешь идти в город?

— Да, господин.

— Возьми ребёнка и следуй за моими людьми. Тебе дадут пищу и кров.

Женщина поклонилась.

— Да сохранят боги твою жизнь, господин.

Гектор хотел ответить, но заметил на её шее небольшой деревянный амулет. На нём был вырезан знак, похожий на раскрытое крыло.

— Откуда у тебя это?

Женщина инстинктивно прикрыла амулет рукой.

— Он принадлежал моему мужу.

— Где твой муж?

Она посмотрела на обгоревший дом.

— Его забрали.

Гектор не стал задавать новых вопросов. Он понял, что эта женщина знает больше, чем осмеливается рассказать.

В тот же час Ликон вошёл в заброшенный дом на окраине города. Здесь когда-то жил торговец, уехавший за море и так и не вернувшийся. Теперь в доме собирались люди, которым не следовало встречаться на улицах Трои.

За столом сидел Дорий. Перед ним лежала карта города, а рядом стоял человек с серебряным перстнем.

— Ты опоздал, — сказал Дорий.

— Мне пришлось убедиться, что за мной не следят.

— И что ты узнал?

Ликон снял плащ.

— Парис жив. Он был у старого храма. Его сопровождал Фарос.

Дорий поднял голову.

— Значит, старик всё ещё при дворе.

— Да.

— Он должен знать правду.

— Возможно, он знает больше, чем ты думаешь.

Дорий сжал кулак.

— Тогда почему он молчит?

Ликон посмотрел на него.

— Потому что правда может оказаться не такой, какой её тебе рассказывали.

Дорий резко встал.

— Ты снова говоришь загадками. Я устал от них.

— А я устал видеть, как люди становятся пленниками чужой ненависти.

Человек с серебряным перстнем вмешался:

— Не забывай, Ликон, зачем ты здесь.

— Я помню.

— Тогда не пытайся мешать делу.

Ликон повернулся к нему.

— Я не собираюсь помогать вам развязать войну в городе, который когда-то был моим домом.

— Твой дом? — усмехнулся мужчина. — Ты давно потерял право называть Трою своим домом.

— Возможно. Но я не потерял память.

Дорий внимательно посмотрел на них обоих.

— Что происходит? Почему вы разговариваете так, будто я здесь лишний?

Ликон подошёл к столу и положил перед ним небольшой предмет.

Это был золотой медальон с изображением льва.

Дорий побледнел.

— Откуда он у тебя?

— Я нашёл его много лет назад. Он принадлежал женщине, которую твой отец называл своей матерью.

— Ты хочешь сказать, что она…

— Я хочу сказать, что тебе следует узнать всю историю прежде, чем требовать трон.

Дорий взял медальон. Его пальцы дрожали.

— Ты знал её?

— Знал.

— Что с ней случилось?

Ликон долго смотрел на него.

— Она умерла не от болезни, как тебе рассказывали.

Дорий поднял глаза.

— Тогда от чего?

— Её убили.

В комнате стало тихо.

Человек с серебряным перстнем поднялся.

— Довольно. Мы не для этого собрались.

Но Дорий уже не слушал его.

— Кто убил мою мать?

Ликон не ответил.

— Кто?!

— Этого я пока не могу доказать.

Дорий бросил медальон на стол.

— Ты пришёл сюда, чтобы разрушить всё, во что я верил?

— Нет. Я пришёл, чтобы ты не разрушил чужую жизнь из-за лжи, которую тебе передали по наследству.

Дорий отвернулся. Он впервые задумался, действительно ли Агенор рассказал ему всё.

И впервые за долгие годы почувствовал, что его собственная судьба может оказаться совсем иной, чем он представлял.

Вечером Парис вышел в сад. Он хотел побыть один, но вскоре услышал знакомые шаги.

К нему подошла Кассандра.

— Ты сегодня странно молчал, — сказала она.

— Разве я обычно много говорю?

— Обычно ты пытаешься убедить всех, что прав. Сегодня ты словно сам не знаешь, во что верить.

Парис посмотрел на сестру.

— Кассандра, скажи мне, ты когда-нибудь чувствовала, что твоя жизнь принадлежит кому-то другому?

Она не ответила сразу.

— Иногда я чувствую, что люди вокруг меня уже приняли решения о моей судьбе. Только забыли сообщить об этом мне самой.

— А если окажется, что всё, что ты знала о себе, было неправдой?

Кассандра внимательно посмотрела на него.

— Тогда тебе придётся решить, кем ты хочешь быть после того, как узнаешь правду.

— Это не так просто.

— Я знаю.

Они остановились возле старой оливы. Её ветви раскинулись над каменной скамьёй, а на листьях ещё блестели капли вечерней росы.

— Я слышала разговоры во дворце, — сказала Кассандра. — О Фаросе, об Агеноре, о каком-то наследнике.

Парис резко повернулся.

— Ты знаешь что-нибудь?

— Нет. Но я видела отца. Он боится.

— Приам боится войны?

— Нет, брат. Он боится потерять тебя.

Парис опустил глаза.

— А если я действительно не его сын?

Кассандра подошла ближе и взяла его за руку.

— Ты мой брат. И этого у меня никто не отнимет.

Он улыбнулся, но улыбка вышла печальной.

— Ты говоришь так, будто уже знаешь, что произойдёт.

— Я знаю только одно: в ближайшие дни кто-то попытается заставить тебя сделать выбор. Не соглашайся на него, пока не услышишь всех.

— Даже если выбор будет между правдой и ложью?

— Особенно тогда.

Кассандра отошла к дворцу, оставив Париса одного.

Он ещё долго стоял под оливой, глядя на темнеющее небо. Где-то далеко, за городскими стенами, море принимало последние лучи солнца. Троя готовилась к ночи, не подозревая, что её будущее уже стало предметом чужих переговоров.

А в одном из забытых дворцовых помещений старый Фарос открыл потайную нишу, скрытую за каменной плитой.

Внутри лежала небольшая шкатулка.

Он достал из неё медальон, завернутый в истлевшую ткань, и осторожно раскрыл ладонь.

На золотой поверхности был изображён лев, под лапой которого лежала корона.

Фарос долго смотрел на него, затем прошептал:

— Прости меня, мальчик. Я слишком долго ждал.

За его спиной раздался тихий голос:

— Ты ждал не зря.

Старик обернулся.

В дверях стоял человек, которого он меньше всего ожидал увидеть.

Иларион, старый архивариус Трои, тот самый хранитель городских летописей, который в последние дни всё чаще поднимался на башню, чтобы смотреть на море.

— Ты должен был умереть, — прошептал Фарос.

Иларион медленно закрыл дверь.

— Так думали многие. Но, как видишь, некоторые истории заканчиваются гораздо позже, чем принято считать.

Он посмотрел на медальон.

— Значит, ты всё-таки сохранил его.

Фарос спрятал золотую вещь в ладони.

— А ты сохранил тайну?

Старик-архивариус не ответил.

Вместо этого он произнёс:

— Пришло время рассказать Парису, кем был его настоящий отец. И почему он погиб в ту ночь, когда Троя потеряла своего законного наследника.

Глава девятая. Человек, которого не должно было быть

Иларион запер дверь и прислушался. В коридоре было тихо. Только где-то далеко, в глубине дворца, переговаривались стражники. Старый архивариус подошёл к столу, на котором лежала шкатулка, и осторожно провёл пальцами по её потемневшей крышке.

— Ты не должен был приходить сюда, — сказал Фарос.

— А ты не должен был хранить эту вещь столько лет.

— Я хранил её не для себя.

— Знаю. Но теперь она может погубить всех, кто к ней прикоснётся.

Фарос спрятал медальон под одежду.

— Ты говорил, что Парис должен узнать правду.

— Должен. Но не всю сразу.

Старик с горечью усмехнулся.

— Ты всегда умел выбирать слова так, чтобы не сказать главного.

Иларион сел напротив него.

— Хорошо. Тогда начнём с того, что ты видел собственными глазами. В ночь гибели корабля ты нашёл младенца на берегу. Но ты не был первым, кто добрался до него.

Фарос поднял голову.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я был там.

Старик долго смотрел на архивариуса.

— Ты?

— Я сопровождал твоего господина, царевича Лаомедонта, в последнем путешествии. Его корабль вышел из гавани за два дня до шторма. Он должен был встретиться с человеком, который обещал ему поддержку среди соседних царств.

— Ты говорил, что Лаомедонт погиб.

— Я говорил, что его тело не нашли.

— Но ты видел его?

Иларион отвёл взгляд.

— Я видел, как он передал ребёнка одной женщине. Она должна была доставить младенца в Трою, если с ним самим что-нибудь случится.

— Кто была эта женщина?

— Твоя жена.

Фарос медленно поднялся.

— Не смей.

— Я не пришёл оскорблять память твоей жены.

— Тогда не произноси её имени в связи с этой историей.

Иларион выдержал его взгляд.

— Она спасла ребёнка, Фарос. И погибла, защищая его.

Старик опустился на скамью. На его лице появилось выражение человека, который внезапно увидел давно забытую картину и понял, что всю жизнь смотрел на неё неправильно.

— Мне сказали, что она умерла от горячки.

— Так было записано в дворцовой летописи. Но в ту ночь её нашли у старой дороги. Она успела передать ребёнка тебе, а сама не пережила ранения.

— Кто её ранил?

— Люди, которые хотели, чтобы наследник никогда не достиг Трои.

Фарос закрыл глаза.

— Значит, всё это время…

— Всё это время ты воспитывал в своём сердце вину, которой не заслуживал.

— Я мог узнать раньше.

— Мог. Но тогда мы оба могли погибнуть, а ребёнок оказался бы в руках Агенора.

Иларион посмотрел на медальон.

— Ты знаешь, почему я пришёл именно сегодня?

Фарос покачал головой.

— Потому что Дорий уже не единственный, кто ищет наследника. В город прибыли люди из Микен. Они знают о старой истории и хотят воспользоваться ею.

— Агенор связан с ними?

— Возможно. Но я не уверен, что он понимает, кто именно стоит за всем этим.

Фарос нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что сам Агенор тоже может быть пешкой?

— В большой игре каждый считает себя игроком, пока не обнаружит, что его уже передвинули на чужую сторону.

В ту же ночь Парис долго не мог заснуть. Он вышел из покоев и направился в библиотеку, где часто проводил время в юности. Здесь, среди свитков и старых табличек, он чувствовал себя спокойнее, чем в шумных дворцовых залах.

В детстве он любил рассматривать изображения прежних царей. Ему казалось, что лица людей, живших много веков назад, способны рассказать о них больше, чем любые летописи. Теперь он искал нечто другое — собственное прошлое.

На одной из полок стояла небольшая глиняная табличка с именами детей Приама. Парис снял её и внимательно прочитал. Его имя было последним в списке, рядом с ним стоял знак, обозначавший год рождения.

Но под табличкой лежал ещё один документ, написанный рукой старого писца. Парис развернул его и увидел несколько строк:

«В год великого шторма, когда погиб корабль царского рода, во дворец был доставлен младенец. По повелению царя его имя внесено в список детей дома Приама. Происхождение младенца не подлежит разглашению».

Парис перечитал запись несколько раз.

Он услышал шаги и быстро положил табличку на место.

В дверях стоял Иларион.

— Ты не спишь, царевич?

— Как видишь.

— Иногда ночные поиски приносят больше вопросов, чем ответов.

Парис повернулся к нему.

— Ты знаешь, кто я?

Архивариус не ответил сразу.

— Я знаю историю, которая привела тебя в этот дворец.

— Тогда расскажи её.

— Не здесь.

— Почему?

— Потому что стены тоже умеют хранить чужие секреты. А некоторые из них умеют передавать их тем, кто платит за молчание.

Парис подошёл ближе.

— Я больше не намерен жить среди людей, которые считают меня ребёнком.

— Ты давно перестал им быть.

— Тогда говори.

Иларион внимательно посмотрел на него.

— Завтра перед рассветом приходи в старую библиотеку при храме Аполлона. Там есть документы, которых нет в царском архиве. Но приходи один.

— Почему именно перед рассветом?

— Потому что к этому часу дворец ещё спит, а город уже начинает просыпаться. В такие часы легче всего услышать правду.

— Ты знаешь, что я могу привести с собой Гектора?

— Знаю. Но если ты приведёшь его, я не скажу ничего.

Парис хотел возразить, но старик уже направился к выходу.

— И ещё, царевич, — остановился он на пороге. — Не доверяй человеку, который принесёт тебе медальон с изображением льва. Даже если он будет говорить, что хочет помочь.

— Почему?

Иларион посмотрел на него.

— Потому что однажды этот медальон уже стал причиной смерти человека.

В это время на южной дороге двигался небольшой отряд всадников. Они ехали без факелов, держась ближе к скалам. Впереди находился человек в тёмном плаще. Его лицо было скрыто, но по осанке можно было понять, что он привык отдавать приказы.

Когда отряд достиг старого сторожевого дома, всадники остановились.

Из дверей вышел мужчина с серебряным перстнем.

— Ты опоздал, — сказал он.

— Дороги патрулируют.

— Гектор усилил охрану?

— Да. Он уже знает о высадке.

— А Парис?

— Парис ищет правду.

Мужчина усмехнулся.

— Пусть ищет. Иногда правда оказывается самым надёжным способом привести человека к гибели.

— А если он узнает о наследнике?

— Тогда у нас будет два пути. Первый — заставить его отказаться от притязаний. Второй — сделать так, чтобы ему больше не пришлось ничего решать.

Всадник помолчал.

— Ты хочешь его убить?

— Я хочу, чтобы Троя перестала существовать как единое царство. Но если для этого придётся пожертвовать одним царевичем, я не стану сожалеть.

— А Дорий?

— Дорий слишком много думает. Его отец не должен был воспитывать в нём сомнения.

— Ликон вмешивается.

Мужчина с серебряным перстнем резко повернулся.

— Я знаю.

— Он может рассказать Парису всё.

— Тогда найди его прежде, чем он это сделает.

Всадник кивнул.

— А если он откажется?

Мужчина снял перчатку. На его руке был старый шрам, пересекавший ладонь.

— Тогда напомни ему, что у каждого человека есть прошлое, от которого он не может убежать.

В Спарте Елена проснулась среди ночи. Ей показалось, что кто-то произнёс её имя за окном. Она поднялась, накинула на плечи лёгкую ткань и подошла к двери.

Мирто спала в соседней комнате.

На подоконнике лежал маленький свёрток, которого вечером там не было.

Елена осторожно развернула его.

Внутри находился кусочек ткани с вышитым изображением золотого льва.

Она узнала эту вышивку сразу.

Много лет назад, ещё до замужества, она видела такой знак на одежде человека, который однажды спас ей жизнь.

Она не знала, жив ли он теперь. Ей говорили, что он исчез во время морского путешествия, и она никогда больше не услышит о нём.

Но рядом с тканью лежала короткая записка:

«Не позволяй им сделать из тебя причину войны. Тот, кто ищет тебя, уже знает, где ты находишься».

Елена долго смотрела на эти слова.

Потом подошла к двери и тихо позвала:

— Мирто.

Служанка проснулась и поспешила к ней.

— Госпожа?

— Собери мои вещи.

— Что случилось?

Елена спрятала записку.

— Завтра я хочу увидеться с Менелаем. Нам нужно поговорить о Парисе.

А далеко от дворца, в доме на окраине Трои, Дорий сидел перед открытым ларцом. Он снова рассматривал золотой медальон, который принёс Ликон.

На обратной стороне обнаружилась надпись, почти стёртая временем. Он долго пытался разобрать её, пока наконец не прочёл:

«Тому, кто должен вернуться».

Дорий провёл пальцем по буквам.

Ему вспомнились слова отца: «Ты единственный, кто способен вернуть нашей семье утраченную честь».

Но если Ликон говорил правду, значит, его мать погибла не случайно. И если Агенор скрывал от него обстоятельства её смерти, то что ещё он мог скрыть?

Дорий поднялся и подошёл к двери.

— Позови Ликона, — приказал он слуге.

— Его нет, господин.

— Где он?

— Ушёл перед закатом. Сказал, что должен встретиться с одним человеком.

— С кем?

— Не назвал имени.

Дорий задумался.

— Тогда найди его. И передай, что я хочу услышать всю правду.

Слуга поклонился и вышел.

Дорий снова посмотрел на медальон. Впервые за долгие годы он не чувствовал себя человеком, которому предстоит вернуть утраченное право. Он чувствовал себя сыном, которого лишили матери и заставили ненавидеть чужих людей.

А это была совсем другая история.

Перед самым рассветом Парис направился к храму Аполлона.

Он шёл один, как и обещал Илариону. Город ещё спал. На улицах не было торговцев, у колодцев не собирались женщины, и только редкие стражники проходили по перекрёсткам.

Старый архивариус ждал его у входа в библиотеку.

— Ты пришёл, — сказал он.

— Я обещал.

Иларион открыл тяжёлую деревянную дверь.

Внутри пахло пылью, старым деревом и сухими травами. В дальнем углу стоял каменный сундук, закрытый бронзовым замком.

— Здесь хранится летопись, которую никогда не показывали царям Трои, — произнёс архивариус.

— Почему?

— Потому что её написал человек, который видел слишком многое.

Он открыл сундук и достал свиток, перевязанный потемневшей лентой.

— Прежде чем ты прочтёшь его, я должен спросить тебя об одном.

— О чём?

— Если окажется, что твой отец не тот человек, которого ты считал своим отцом, сможешь ли ты по-прежнему любить его?

Парис долго смотрел на старика.

— Если он действительно любил меня, то почему должен перестать быть моим отцом?

Иларион впервые за весь разговор улыбнулся.

— Значит, ещё не всё потеряно.

Он развернул свиток.

В первой строке стояло имя, которого Парис никогда прежде не слышал.

Лаомедонт, сын царя Трои, отец наследника, исчезнувшего в год великого шторма.

А ниже, уже другой рукой, было добавлено:

«Ребёнок спасён. Имя его скрыто. Мать его умерла. Отец его не погиб».

Парис поднял глаза.

— Что значит последняя строка?

Иларион медленно свернул свиток.

— Это значит, царевич, что твой настоящий отец, возможно, всё ещё жив.

И в этот миг за дверью библиотеки раздался звук падающего предмета. Кто-то подслушивал их разговор.

Глава десятая. Тот, кто остался в живых

Звук за дверью повторился. На этот раз он был едва слышен, словно кто-то осторожно отступил от стены, стараясь не задеть каменную кладку.

Иларион быстро свернул свиток и положил его обратно в сундук.

— Не двигайся, — прошептал он.

Парис уже направился к двери, но архивариус удержал его за руку.

— Если это стражник, он не станет прятаться. Если шпион, значит, он ждёт именно этого.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Выйти через задний ход.

— А тот, кто подслушивал?

— Пусть думает, что мы ничего не заметили.

Иларион открыл небольшую дверцу за книжными полками. За ней начинался узкий коридор, ведущий к старому дворику храма. Парис последовал за ним. Они прошли несколько десятков шагов и оказались среди каменных колонн, поросших мхом.

— Теперь говори, — потребовал царевич. — Что означает запись о моём отце?

— Я не могу утверждать, что он жив. Эта строка появилась спустя несколько месяцев после гибели корабля. Её написал человек, который утверждал, что видел Лаомедонта.

— Кто?

— Один из моряков, спасшихся после шторма. Его звали Меланфий. Он поклялся, что видел царевича на другом судне, которое шло вдоль побережья.

— Почему же его показания не попали в царский архив?

— Потому что через три дня Меланфий исчез.

Парис остановился.

— Ты хочешь сказать, что кто-то убрал свидетеля?

— Я хочу сказать, что его исчезновение было слишком удобным для тех, кто хотел закрыть эту историю.

— А ты сам верил ему?

Иларион посмотрел на царевича.

— Я верил его страху. Человек может солгать ради денег, власти или спасения собственной жизни. Но Меланфий боялся не за себя. Он боялся за ребёнка.

Парис почувствовал, как сердце забилось быстрее.

— Значит, он знал, что ребёнок выжил.

— Да.

— И знал, где он находится?

— Этого я не знаю.

Они вышли на узкую дорожку, ведущую к северной стене храма. Иларион остановился возле старого дерева.

— Есть ещё одно обстоятельство. Меланфий оставил мне знак. Он сказал, что если когда-нибудь появится человек с золотым медальоном, на котором изображён лев, я должен передать ему одну вещь.

— Какую?

Архивариус вынул из складок одежды маленький кусочек ткани. На нём была вышита часть царского герба.

— Это принадлежало Лаомедонту.

Парис взял ткань. Его пальцы слегка дрожали.

— Почему ты не отдал её раньше?

— Потому что не знал, кому именно следует её отдать. И потому что боялся ошибиться.

— А теперь?

— Теперь я вижу, что прошлое само нашло тебя.

Парис хотел ещё что-то спросить, но в конце дорожки появился человек. Он стоял неподвижно, опираясь на посох.

Иларион побледнел.

— Нет…

— Ты его знаешь? — спросил Парис.

Старик не ответил.

Незнакомец сделал несколько шагов навстречу.

— Здравствуй, Иларион.

Голос был хриплым, но спокойным.

Архивариус долго смотрел на него, словно не мог поверить собственным глазам.

— Меланфий?

Старик улыбнулся.

— Ты всё-таки сохранил память.

Меланфий выглядел гораздо старше своих лет. Его лицо было изборождено глубокими морщинами, один глаз почти не открывался, а левая рука заметно дрожала. Но взгляд оставался ясным.

— Ты должен был умереть, — сказал Иларион.

— Мне уже не раз это говорили.

— Где ты был столько лет?

— Там, где меня никто не искал.

Меланфий посмотрел на Париса.

— А это, должно быть, тот мальчик, ради которого мы потеряли столько людей.

— Кто ты? — спросил царевич.

— Человек, который однажды обещал твоему отцу, что сохранит тебя.

Парис почувствовал, как земля словно ушла из-под ног.

— Ты знал моего отца?

— Лучше, чем многие из тех, кто сегодня называет себя его друзьями.

— Он жив?

Меланфий отвёл взгляд.

— Я не видел его много лет.

— Но ты знаешь, где он?

— Знаю, где он был в последний раз. И знаю, почему он не вернулся.

Парис шагнул к нему.

— Говори!

Старик покачал головой.

— Не здесь. Нас уже ищут.

— Кто?

— Те, кто боится твоего возвращения к собственному имени.

Иларион оглянулся.

— Ты заметил кого-нибудь?

— Двоих. Один у восточного входа, другой возле святилища. Они не похожи на храмовых служителей.

Парис посмотрел на дорогу.

— Тогда пойдём через северные ворота.

Меланфий положил руку ему на плечо.

— Не торопись, мальчик. Сначала ты должен понять, что имя, которое тебе дали, не обязательно ложно. Оно просто не всё, что ты есть.

Эти слова неожиданно успокоили Париса. Он вдруг понял, что всё происходящее не отменяет его детства, любви Гекубы и дружбы с Гектором. Даже если его происхождение окажется другим, прожитая жизнь останется его собственной.

— Я хочу знать правду, — сказал он. — Но не хочу, чтобы ради неё погибали люди.

Меланфий посмотрел на него с неожиданной теплотой.

— Теперь я понимаю, почему твой отец так хотел, чтобы ты вырос именно таким.

В это время Гектор находился в зале военного совета. Перед ним стояли командиры городской стражи, начальники гарнизонов и два разведчика, вернувшиеся с побережья.

— Корабли ушли на запад, — докладывал один из них. — Но мы обнаружили на берегу лагерь. Людей было не меньше пятидесяти.

— Оружие?

— Копья, луки, короткие мечи. Они хорошо обучены и действуют организованно.

— Знаки?

— На нескольких щитах изображено раскрытое крыло.

Гектор посмотрел на карту.

— Они не собираются штурмовать Трою. Пока нет. Их задача — проникнуть в город и создать беспорядок изнутри.

Один из военачальников, пожилой человек по имени Антенор, задумчиво погладил бороду.

— Возможно, это люди Агенора.

— Возможно, — ответил Гектор. — Но мне кажется, что за ними стоит кто-то ещё.

— Ты подозреваешь ахейцев?

— Я подозреваю всех, кому выгодно, чтобы Троя перестала быть единой.

Антенор подошёл к карте.

— Если они хотят расколоть город, им нужен повод. И такой повод уже существует. Вопрос о наследнике может стать началом междоусобицы.

— Я не позволю этого.

Старый военачальник посмотрел на него.

— Ты не можешь запретить людям верить в то, что им выгодно.

— Тогда я заставлю их отвечать за свои поступки.

В этот момент в зал вошёл посыльный.

— Господин Гектор, из дворца сообщили, что Парис покинул храм Аполлона и не вернулся.

Гектор резко повернулся.

— Кто его сопровождал?

— Никто. Он ушёл один.

Гектор на мгновение закрыл глаза.

— Найдите его. Но без шума. И никому не сообщать, что мы его ищем.

Он уже направился к выходу, когда Антенор остановил его.

— Гектор, если твой брат действительно является наследником другого рода, ты готов уступить ему трон?

Гектор обернулся.

— Мне не нужен трон, который достанется ценой жизни моего брата.

В доме на окраине Дорий получил известие о появлении Меланфия. Слуга, доставивший сообщение, стоял перед ним, опустив голову.

— Ты уверен, что это тот самый человек?

— Да, господин. Его видели возле храма Аполлона вместе с Парисом и Иларионом.

Дорий подошёл к окну.

— Значит, всё началось.

— Прикажете схватить их?

— Нет.

— Но если они узнают правду…

— Пусть узнают.

Слуга удивлённо поднял голову.

— Ты не боишься?

Дорий повернулся.

— Я всю жизнь жил с мыслью, что у меня отняли то, что принадлежало мне по праву. Если это неправда, я хочу знать об этом раньше, чем пролилась первая кровь.

Он взял медальон со стола и внимательно посмотрел на изображение льва.

— Найди Ликона. Скажи ему, что я готов встретиться.

— А если он откажется?

— Тогда скажи, что я знаю о его матери.

Слуга поклонился и вышел.

Дорий остался один. Он впервые почувствовал, что возвращение в Трою может закончиться не победой, а освобождением от ненависти, которую он носил в себе с детства.

Но он ещё не знал, что его отец уже отдал приказ, который невозможно будет отменить.

Вечером Гекуба пришла к Парису. Она нашла его в саду, где он сидел на каменной скамье и смотрел на городские стены.

— Ты весь день избегал меня, — сказала она.

— Я не хотел причинять тебе боль.

— Ты думаешь, что молчание причиняет меньше боли?

Парис поднялся.

— Мать, скажи мне правду. Я действительно твой сын?

Гекуба остановилась. В её глазах появились слёзы, но голос остался твёрдым.

— Я носила тебя на руках, когда ты не мог открыть глаза. Я сидела у твоей постели, когда ты болел. Я боялась потерять тебя, когда ты впервые уехал из Трои. Я радовалась твоему возвращению и плакала, когда ты уходил. Если ты спрашиваешь, родила ли я тебя, я не могу дать тебе ответ, которого ты ждёшь. Но если ты спрашиваешь, была ли я твоей матерью, то другого ответа у меня нет.

Парис опустился перед ней на колени и поцеловал её руки.

— Прости меня.

— За что, дитя?

— За то, что заставил тебя снова пережить всё это.

Гекуба обняла его.

— Не проси прощения за желание знать, кто ты. Только помни: твоя жизнь не начинается с того дня, когда тебе расскажут твоё настоящее имя.

Она погладила его по волосам, как делала много лет назад.

— И ещё, Парис. Что бы ты ни узнал, не позволяй никому превратить тебя в оружие против твоей семьи.

Ночью Агенор сидел в небольшой комнате, освещённой единственной масляной лампой. Перед ним лежала карта Трои. Рядом стоял Дорий.

— Ты приказал людям занять восточную дорогу? — спросил сын.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы никто не покинул город без нашего ведома.

— А если люди начнут задавать вопросы?

— Они будут задавать их тебе. Ты объяснишь, что пришло время восстановить справедливость.

Дорий посмотрел на отца.

— Я встретил Ликона.

Агенор медленно поднял голову.

— Где?

— Он передал мне медальон моей матери.

Лицо Агенора изменилось.

— Он не имел права.

— Почему?

— Потому что не знает всей истории.

— Тогда расскажи её мне.

— Сейчас не время.

— Ты всегда говоришь, что сейчас не время. Но когда оно наступит?

Агенор поднялся и подошёл к сыну.

— Когда Троя признает, что отняла у нас всё.

Дорий покачал головой.

— А если окажется, что Троя ничего у нас не отнимала?

Отец долго смотрел на него.

— Ты слишком много слушаешь чужих людей.

— Возможно, потому что они хотя бы пытаются отвечать на мои вопросы.

Агенор схватил сына за плечо.

— Послушай меня внимательно. Есть правда, которую нельзя открывать, пока не готов к последствиям. Твой дед был лишён власти. Твоя мать погибла. Тебя самого лишили имени и будущего. Ты думаешь, всё это произошло случайно?

Дорий высвободил руку.

— А ты знаешь, что произошло на самом деле?

Агенор не ответил.

И впервые сын увидел в глазах отца не уверенность, а страх.

Далеко за пределами Трои, в маленьком поселении у подножия гор, человек с седыми волосами стоял перед каменным алтарём. На нём была простая одежда путника. Никто из жителей не знал, кем он был прежде.

Перед ним лежал небольшой деревянный ларец.

Он открыл его и достал старую бронзовую печать с изображением льва и короны.

Долгое время он держал её в руках, затем положил обратно.

— Значит, мальчик вырос, — произнёс он.

Из темноты вышел молодой человек.

— Ты уверен, что это он?

— Уверен.

— И что теперь?

Старик посмотрел на далёкий горизонт, где над морем ещё сохранялась узкая полоса вечернего света.

— Теперь мне придётся вернуться домой.

— В Трою?

— Да.

— Но там тебя ждёт смерть.

Старик едва заметно улыбнулся.

— Смерть ждёт каждого, сынок. Вопрос только в том, успеешь ли ты сделать то, ради чего жил.

Он взял посох и направился к двери. Впервые за много лет дорога домой перестала казаться ему невозможной. А в Трое в ту же ночь Иларион обнаружил, что свиток с именем Лаомедонта исчез. Кто-то проник в храмовую библиотеку, не оставив ни одного следа. И вместе со свитком исчезла последняя письменная запись, способная подтвердить происхождение Париса.

Глава одиннадцатая. Тот, кто возвращался из мёртвых

Иларион долго стоял над пустым местом, где ещё недавно лежал свиток. Он не сразу позвал стражу и даже не прикоснулся к столу. Старый архивариус знал: если человек проник в храмовую библиотеку ради этой записи, значит, он понимал её значение не хуже самого Илариона. А возможно, знал о тайне гораздо больше, чем следовало бы знать постороннему.

Парис стоял у входа, внимательно наблюдая за стариком. За последние дни он привык к тому, что каждое новое открытие не приближало его к истине, а словно отодвигало её ещё дальше.

— Ты говорил, что эта запись может объяснить, кем был мой отец, — произнёс он. — Теперь её нет. Значит, кто-то боится, что я узнаю правду.

Иларион медленно повернулся к нему.

— Не только правду, Парис. Иногда люди боятся последствий правды гораздо сильнее, чем самой тайны.

— Кто мог знать о свитке?

— Немногие. Я, Фарос, Меланфий... И тот, кто когда-то оставил в архиве вторую запись. Но есть ещё одна возможность.

— Какая?

— Тот, кто следил за нами с самого начала.

Парис подошёл к столу. На деревянной поверхности сохранилась едва заметная царапина, словно кто-то торопливо отодвинул тяжёлую подставку. Он наклонился, провёл пальцем по краю и заметил возле ножки стола крошечный кусочек тёмной ткани.

— Посмотри, Иларион.

Старик взял находку и поднёс к светильнику. Ткань была грубой, пропитанной запахом дыма и морской соли. На ней виднелась тонкая серебристая нить, образующая часть какого-то знака.

Иларион побледнел.

— Я видел это раньше.

— Где?

— На плащах людей, которые появились у южной дороги. На тех самых, что носили знак раскрытого крыла.

Парис выпрямился.

— Значит, Агенор?

— Возможно. Но я не стал бы торопиться с выводами. Знак может принадлежать не одному человеку. Агенор умеет пользоваться чужими руками, и не исключено, что кто-то пользуется его именем.

В этот момент за дверью послышались быстрые шаги. В библиотеку вошёл Гектор. На его лице читалась усталость человека, который провёл весь день среди тревожных донесений и не рассчитывал провести спокойную ночь.

— Я искал тебя, Парис. Во дворце сказали, что ты снова отправился к Илариону. Что здесь произошло?

Парис не стал ничего скрывать. Он рассказал брату о свитке, о словах Меланфия и о том, что запись исчезла сразу после их разговора.

Гектор выслушал его молча.

— Ты понимаешь, что теперь мы не можем считать это обычной придворной интригой? — спросил он наконец. — Кто-то проник в храм, похитил царскую запись и, вероятно, знает о твоём происхождении. Если эта тайна действительно касается наследования престола, она может расколоть город.

— Я не собираюсь отнимать у тебя престол, — спокойно ответил Парис.

Гектор посмотрел на него с удивлением.

— А я не собираюсь защищать престол от собственного брата. Не в этом дело. Если кто-то сможет убедить народ, что нынешняя царская власть основана на обмане, враги получат то, чего не смогли добиться оружием.

— Тогда нам нужно найти того, кто украл свиток.

— И прежде всего выяснить, кому он собирается его показать.

Иларион поднял голову.

— Есть ещё одна опасность. Запись была не единственным доказательством. Но остальные свидетельства хранятся не в Трое.

Гектор нахмурился.

— Ты опять говоришь загадками, старик.

— Потому что я слишком долго молчал, — ответил Иларион. — И теперь понимаю, что моё молчание могло стоить нам гораздо дороже, чем я предполагал.

В ту же ночь, далеко от дворцовых стен, Агенор сидел в небольшом помещении, освещённом единственным масляным светильником. Перед ним стоял человек в тёмном плаще. Лицо его скрывала тень, но серебристая вышивка на плече выдавала принадлежность к людям раскрытого крыла.

— Свиток у нас, — доложил незнакомец.

— Ты уверен, что это именно та запись?

— На ней имя Лаомедонта и отметка о спасённом ребёнке. Иларион не успел уничтожить её.

Агенор протянул руку.

— Покажи.

Человек достал из-за пазухи свёрнутый пергамент и положил перед ним. Агенор развернул его, пробежал глазами по строкам, затем задержался на последней записи. Его лицо изменилось, но он быстро овладел собой.

— Значит, старик всё-таки решился заговорить.

— Прикажете устранить Илариона?

Агенор поднял глаза.

— Нет. Пока нет. Живой старик может привести нас к тому, чего мы ищем. Мёртвый оставит только вопросы.

— А Парис?

— Парис опаснее, чем кажется. Он привык доверять своим чувствам и потому способен неожиданно разрушить любой расчёт. Но убивать его сейчас нельзя.

— Почему?

Агенор сложил свиток и спрятал его в деревянный ларец.

— Потому что пока мы не знаем, где находится настоящий наследник, Парис остаётся для нас единственной дорогой к нему.

Незнакомец помедлил.

— Вы говорите так, словно Парис и тот, кого мы ищем, не один и тот же человек.

Агенор не ответил. Он подошёл к узкому окну, за которым виднелось ночное море. Некоторое время слушал шум волн, а затем произнёс:

— Есть вещи, которые даже ты не должен знать.

На рассвете седой мужчина покинул небольшое поселение, в котором провёл последние несколько дней. Его звали не так, как он представился местным жителям. Когда-то у него было другое имя, другой дом и другая жизнь. Теперь от всего этого остались лишь воспоминания, которые он старательно прятал даже от самого себя.

Он шёл вдоль побережья, опираясь на посох. Дорога была нелёгкой, но мужчина не останавливался. У одного из рыбацких домов его окликнул мальчик, которого он видел накануне.

— Старик! Ты ведь говорил, что отправляешься в Трою. А зачем тебе туда?

Мужчина обернулся и некоторое время смотрел на ребёнка.

— Потому что там осталась моя жизнь.

— А если тебя там никто не ждёт?

Старик слабо улыбнулся.

— Иногда человек возвращается не потому, что его ждут, а потому, что больше не может оставаться вдали.

Он продолжил путь. Под одеждой, на груди, висела бронзовая печать с изображением льва и короны. Он достал её, посмотрел на потемневший металл и сжал в ладони.

В Трое его помнили как погибшего. Возможно, некоторые даже радовались тому, что его имя давно исчезло из разговоров. Но он знал: среди тех, кто жил за городскими стенами, ещё оставались люди, способные узнать его.

И один из них мог оказаться тем, кто когда-то отнял у него всё.

Тем временем Дорий пришёл к Агенору раньше обычного. Он заметил на столе закрытый деревянный ларец и остановился возле него. Отец сидел в кресле, но, увидев сына, сразу накрыл ларец ладонью.

— Ты плохо спал? — спросил он.

— Я хотел поговорить.

— Говори.

Дорий не спешил. За последние дни он несколько раз пытался задать отцу вопросы о матери, но каждый разговор заканчивался одинаково: Агенор раздражался, уходил от ответа или напоминал, что сыну не следует копаться в прошлом.

— Ликон сказал, что мать была убита.

Агенор поднял голову.

— Ты снова встречался с этим человеком?

— Да.

— Я запрещал тебе.

— Ты много чего мне запрещал. Но ни разу не объяснил почему.

— Потому что ты ещё не понимаешь, с кем имеешь дело.

— Тогда объясни. Кто он? Почему знает нашу семью? Почему у него оказался медальон матери?

Агенор встал.

— Ты думаешь, что этот человек хочет помочь тебе? Он использует твою боль. Он знает, что ты ищешь ответы, и потому говорит именно то, что тебе хочется услышать.

— А ты говоришь то, что мне хочется забыть.

На лице Агенора появилась холодная усмешка.

— Осторожнее, Дорий. Иногда желание узнать правду становится первым шагом к гибели.

— А иногда незнание делает человека пленником чужой воли.

Отец и сын долго смотрели друг на друга. Впервые Дорий не опустил глаз. Агенор словно хотел что-то сказать, но передумал.

— Иди, — произнёс он наконец. — Нам ещё предстоит закончить этот разговор.

Дорий вышел, не поклонившись и не попрощавшись. Агенор остался один. Он открыл ларец, вынул свиток и ещё раз посмотрел на имя, которое было написано в начале записи. Затем осторожно свернул пергамент и запер его.

В этот момент он понял, что время, которое он так долго пытался удержать в своих руках, начинает ускользать.

А далеко на востоке, по дороге к Трое, продолжал идти человек с бронзовой печатью. Он ещё не знал, что его возвращение уже стало частью чужой игры, а свиток, похищенный из храмовой библиотеки, мог изменить не только судьбу одного царского сына, но и будущее всего города.

Глава двенадцатая. Возвращение без вести

Утро в Трое началось с необычного оживления. На восточных воротах собрались торговцы, ремесленники и несколько стражников, которым предстояло сменить ночной караул. Город постепенно пробуждался: открывались лавки, над крышами поднимался дым, из мастерских доносился стук молотков. Женщины спешили к колодцам, дети гоняли по узким улицам деревянные обручи, а у городских стен уже выстраивались повозки с товарами. Всё выглядело так, словно никакой угрозы не существовало и жизнь Трои по-прежнему подчинялась привычному порядку. Но за этим внешним спокойствием скрывалось беспокойство, которое люди старались не замечать.

Гектор стоял на башне восточных ворот и рассматривал дорогу. Он получил сообщение от одного из разведчиков: накануне вечером в нескольких часах пути от города был замечен одинокий путник. Человек передвигался медленно, опираясь на посох, не имел при себе оружия и, судя по всему, не представлял военной опасности. Однако разведчик обратил внимание на необычную деталь: незнакомец несколько раз останавливался, чтобы посмотреть на город, словно узнавал его издалека.

— Возможно, обычный путешественник, — сказал начальник стражи.

— Возможно, — ответил Гектор. — Но в последнее время слишком многое происходит случайно. Пусть его не тревожат, однако доложат мне сразу, как только он приблизится к воротам.

— Прикажете задержать?

— Нет. Если человек идёт в Трою, у него должно быть право войти в город. Мы не станем превращать наши ворота в место, где каждый незнакомец обязан доказывать свою невиновность.

Гектор спустился с башни и направился во дворец. Он хотел поговорить с отцом, но прежде собирался найти Париса. После ночного происшествия брат выглядел спокойным, однако Гектор знал его достаточно хорошо, чтобы понимать: за внешним равнодушием Париса нередко скрывалось решение, принятое без согласования с кем-либо.

Парис находился в саду дворца. Рядом с ним сидел Фарос, который с раннего утра пытался привести в порядок старую кожаную сумку. После событий последних дней старик почти не отходил от царевича. Он не объяснял причины своей осторожности, но Парис чувствовал, что Фарос боится не столько за собственную жизнь, сколько за него.

— Ты знал моего отца? — спросил Парис.

Фарос перестал заниматься сумкой.

— Знал.

— Каким он был?

Старик задумался.

— Не таким, каким ты, возможно, его представляешь. Он не был человеком, который мечтал о власти ради самой власти. Но в нём жила гордость. Иногда она помогала ему, иногда мешала. Он умел слушать людей, хотя не всегда следовал их советам. И ещё он очень любил свою семью.

— Значит, он был счастлив?

— Счастье не всегда зависит от того, чего человек достиг. Твой отец был счастлив, пока верил, что сможет вернуться домой.

Парис посмотрел на старика.

— Ты говоришь о нём так, словно он действительно жив.

Фарос отвёл взгляд.

— Я говорю о человеке, которого не сумел забыть.

— Иларион утверждает, что Лаомедонт мог пережить кораблекрушение. Меланфий видел его на другом судне. Ты ведь знал об этом раньше?

— Я слышал разные рассказы.

— Но ни разу не сказал мне.

— Потому что не имел права давать тебе надежду, которую не мог подтвердить.

Парис поднялся и прошёлся вдоль цветущих кустов. Впервые за много лет у него появилась возможность представить своего настоящего отца не как имя из старой записи, а как живого человека. И это оказалось гораздо труднее, чем он ожидал. Ведь если Лаомедонт действительно был жив, то почему не вернулся? Почему позволил сыну расти в чужом доме, не зная своего происхождения? И кто был заинтересован в том, чтобы эта тайна оставалась нераскрытой?

— Фарос, — произнёс он, остановившись, — если он жив, я должен его найти.

— Возможно, он сам ищет тебя.

— Тогда почему до сих пор не пришёл?

Старик не ответил. Он знал, что на этот вопрос не сможет ответить даже Иларион.

В это же время Кассандра находилась в храме Аполлона. Она пришла туда ещё до восхода солнца и долго сидела перед алтарём, не произнося ни слова. Жрицы привыкли к её молчаливым посещениям и старались не беспокоить царскую дочь, когда та погружалась в свои мысли.

Но сегодня Кассандра была необычно взволнована. Ночью ей приснилась высокая башня, над которой кружили птицы с обожжёнными крыльями. Внизу стоял мужчина, державший в руках бронзовый знак. Он пытался подняться по лестнице, но ступени исчезали под его ногами. А за его спиной медленно закрывались городские ворота.

Она не знала, кто был этот человек. Лица его она не видела, однако голос запомнила хорошо.

«Я возвращаюсь не за тем, что потерял. Я возвращаюсь за тем, что у меня отняли».

Кассандра открыла глаза. Перед ней стояла старая жрица Фемисто.

— Ты опять видела сон?

— Да.

— О городе?

— О человеке, которого город давно похоронил.

Старуха осторожно присела рядом.

— Мёртвые не возвращаются, дитя.

Кассандра посмотрела на неё.

— А если они никогда не умирали?

Фемисто ничего не ответила. Она знала, что не следует спорить с царской дочерью, когда та говорит таким голосом. За долгие годы она привыкла к странным словам Кассандры, но ещё не научилась спокойно принимать те из них, после которых в Трое происходили беды.

К полудню незнакомец достиг восточных ворот. Он остановился перед ними и долго смотрел на каменные башни. За прошедшие годы многое изменилось: появились новые укрепления, были перестроены некоторые участки стены, выросли дома за пределами старых кварталов. Но город всё ещё сохранял тот облик, который он помнил с юности.

Стражник подошёл к путнику.

— Назови своё имя и скажи, зачем пришёл.

Старик поднял голову.

— Я хочу увидеть царя Приама.

— Все, кто приходит в Трою, хотят увидеть царя. Но не каждому это удаётся.

— Передай ему, что пришёл человек, который должен был вернуться много лет назад.

Стражник усмехнулся.

— И как же мне назвать тебя?

Незнакомец помолчал.

— Скажи, что пришёл человек из его прошлого.

Стражник внимательно посмотрел на старика. Тот не выглядел ни просителем, ни торговцем. Его одежда была простой, но сшитой из хорошей ткани, а движения сохраняли достоинство человека, привыкшего к уважению окружающих.

— Подожди здесь.

Через несколько минут начальник ворот вернулся вместе с двумя воинами.

— Ты пойдёшь со мной. Царь решит, желает ли он тебя принять.

Старик кивнул. Когда они проходили под аркой, он на мгновение остановился и коснулся ладонью холодного камня. Это движение не осталось незамеченным.

— Ты уже бывал здесь? — спросил начальник.

— Когда-то я знал каждый камень этой дороги.

— Тогда ты должен знать, что времена изменились.

— Времена всегда меняются. Люди, к сожалению, не всегда.

Приам принимал советников, когда в зал вошёл Гектор. Царь сразу заметил выражение лица сына.

— Что случилось?

— У восточных ворот появился незнакомец. Он просит встречи с тобой и утверждает, что пришёл из твоего прошлого.

Приам отложил документы.

— Как его зовут?

— Он не назвал имени.

— Откуда он?

— Не сказал.

Приам задумался. В последнее время любое неожиданное известие вызывало в нём тревогу, но теперь он почувствовал нечто иное. Слова Гектора задели воспоминания, которые он много лет старался не тревожить.

— Приведи его.

Гектор уже собирался выйти, когда царь добавил:

— И позови Илариона. Пусть будет здесь.

— Ты думаешь, это связано с Парисом?

Приам медленно поднялся.

— Я слишком долго надеялся, что некоторые события останутся в прошлом. Но, похоже, прошлое решило вернуться самостоятельно.

Когда незнакомец вошёл в царский зал, Приам сначала не узнал его. Перед ним стоял седой, заметно постаревший мужчина с глубокими морщинами и усталым лицом. Однако его глаза показались царю странно знакомыми. Он смотрел на Приама не как подданный на своего правителя и не как чужеземец, пришедший просить помощи. В его взгляде было что-то такое, что заставило царя забыть о присутствии советников.

— Мы знакомы? — спросил Приам.

Старик снял с груди бронзовую печать и положил её на ладонь.

Приам побледнел.

— Где ты взял этот знак?

— Там, где ты оставил меня много лет назад.

Гектор подошёл ближе.

— Отец, что означает эта печать?

Приам не ответил. Он смотрел на изображение льва и короны, словно перед ним лежало не украшение, а свидетельство преступления, которое он когда-то не сумел предотвратить.

— Назови своё имя, — наконец произнёс царь.

Старик выпрямился.

— Ты действительно хочешь услышать его, Приам? После стольких лет?

— Хочу.

Незнакомец сделал шаг вперёд.

— Тогда вспомни своего старшего брата. Вспомни ночь великого шторма, корабль, который не вернулся, и ребёнка, которого ты принял в свой дом. Вспомни также обещание, данное умирающему человеку.

Приам опустился в кресло. Гектор впервые увидел отца таким растерянным.

— Лаомедонт?.. — едва слышно произнёс царь.

Старик не сразу ответил. Он посмотрел на брата, на выросшего рядом с ним Гектора, затем перевёл взгляд на двери, за которыми находился город, которого он был лишён на долгие годы.

— Да, Приам. Я вернулся.

Но прежде чем кто-либо успел произнести ещё хоть слово, старик пошатнулся и схватился за край стола. Гектор бросился к нему, поддержал под руку и заметил на его одежде тёмное пятно крови. Под плащом обнаружилась глубокая рана, которую незнакомец, очевидно, скрывал всю дорогу.

— Позовите лекаря! — крикнул Гектор.

Лаомедонт попытался что-то сказать, но голос его оборвался. Он посмотрел на Приама и успел произнести только несколько слов:

— Не верь... тому, кто принёс тебе моё имя...

После этого он потерял сознание. И пока слуги торопливо уносили его в покои, Приам продолжал стоять возле стола, не отрывая взгляда от бронзовой печати. Он узнал её. Когда-то такую печать носил только старший наследник царского дома, и никто другой не имел права пользоваться этим знаком. Но вместе с возвращением брата к нему вернулся и страх: если Лаомедонт действительно пережил кораблекрушение, то все эти годы кто-то сознательно скрывал его судьбу, а теперь этот кто-то, возможно, уже находился внутри дворцовых стен.

Глава тринадцатая. Кровь и память

Лекарь пришёл почти сразу. Это был пожилой человек по имени Менекрат, служивший при царском дворе ещё во времена молодости Приама. Он осмотрел незнакомца, приказал снять с него окровавленную одежду и потребовал принести горячую воду, чистые полотна и лекарственные травы. Гектор оставался рядом, помогая слугам, а Приам стоял у окна, не произнося ни слова.

Рана оказалась глубокой. Острый предмет вошёл под рёбра, повредив мышцы, но, к счастью, не задел жизненно важных органов. Однако мужчина потерял много крови, а длительное путешествие окончательно истощило его силы.

— Он выживет? — спросил Приам.

Менекрат не сразу ответил.

— Если переживёт ближайшую ночь, у него будут шансы. Но я не стану обещать того, чего не могу гарантировать.

— Сделай всё, что в твоих силах.

— Я уже делаю всё необходимое, царь.

Лекарь продолжил работу. Приам подошёл к постели и внимательно посмотрел на лицо лежавшего человека. Теперь, когда тот был без плаща и дорожной одежды, сходство с давно ушедшим братом стало очевиднее. Те же черты лба, та же форма носа, знакомый изгиб губ. Даже небольшая отметина возле правого виска, полученная Лаомедонтом в юности во время охоты, казалась неизменной.

Приам медленно опустился на край кресла.

— Брат мой...

Гектор впервые услышал в голосе отца не царскую строгость и не усталость правителя, а боль человека, который слишком поздно встретил родного.

— Отец, — тихо сказал он, — если это действительно Лаомедонт, мы должны узнать, где он был все эти годы.

— Узнаем. Но сначала он должен остаться жив.

— А если кто-то пытался убить его уже на пути к Трое?

Приам поднял голову.

— Тогда этот человек совершил ошибку. Он привёл нас к тому, кого хотел заставить замолчать.

Иларион появился во дворце незадолго до полудня. Его вызвали без объяснений, но по лицу гонца он понял, что произошло нечто чрезвычайное. Когда старик вошёл в покои, он увидел Приама, Гектора и лежавшего на постели незнакомца.

Несколько мгновений архивариус молчал. Затем приблизился к больному, внимательно посмотрел на его лицо и вдруг отступил на шаг.

— Боги милосердные...

Приам поднялся.

— Ты узнаёшь его?

— Я узнаю человека, которого считал погибшим. Но мне необходимо услышать его голос, прежде чем я решусь назвать его имя.

— Он сказал, что он Лаомедонт.

Иларион закрыл глаза.

— Тогда, возможно, история, которую мы считали завершённой, только начинается.

Гектор нахмурился.

— Ты знаешь, кто мог напасть на него?

— Нет. Но я знаю, что человек, возвращающийся после стольких лет отсутствия, редко приносит с собой только собственные воспоминания.

— Что ты хочешь сказать?

— Возможно, он возвращается не один. Возможно, за ним тянется след людей, которые все эти годы искали его. И если они узнали, что он достиг Трои, то могут попытаться закончить начатое.

Приам посмотрел на Илариона.

— Ты снова говоришь о заговоре?

— Я говорю о необходимости быть осторожными. Вчера исчез свиток. Сегодня появился человек, чьё имя было связано с этой записью. Слишком много совпадений для одного дня.

— Свиток мог быть похищен по приказу Агенора, — сказал Гектор.

— Мог. Но я не уверен, что Агенор является главным виновником. Мы слишком мало знаем о том, что произошло в ночь кораблекрушения.

Иларион подошёл к постели и осторожно коснулся руки незнакомца.

— Если он действительно Лаомедонт, то только он сможет рассказать нам, почему его возвращение оказалось таким опасным.

Весть о появлении неизвестного гостя быстро распространилась среди дворцовой прислуги. Слуги перешёптывались в коридорах, стражники переговаривались у дверей, а придворные пытались выяснить, почему царь приказал никого не впускать в покои больного.

Гекуба узнала о случившемся от одной из служанок. Она сразу направилась к Приаму, но по дороге встретила Кассандру.

— Мать, — сказала дочь, — не ходи туда одна.

— Что ты такое говоришь?

— Я видела его во сне.

Гекуба остановилась.

— Кого?

— Человека, который вернулся из-за моря. Он стоял у ворот, а вокруг него были люди без лиц. Один из них держал в руках золотого льва.

Гекуба побледнела.

— Ты уверена, что это тот самый человек?

— Я не знаю. Но мне кажется, что его возвращение принесёт не только радость.

— Кассандра, довольно. Мы не можем каждый раз ждать беды только потому, что тебе приснился тревожный сон.

— Я не прошу тебя верить мне, мать. Я прошу тебя быть осторожной.

Гекуба хотела ответить, но передумала. Она знала, что за странными словами дочери часто скрывалась такая тревога, которую невозможно было объяснить обычными человеческими доводами.

— Пойдём со мной, — сказала она наконец.

В покоях больного Гекуба увидела незнакомца. Ей потребовалось всего несколько мгновений, чтобы понять, почему Приам не мог оторвать от него взгляда. Она подошла ближе, внимательно рассмотрела его лицо и вдруг почувствовала, как прошлое, которое она считала давно похороненным, возвращается к ней с неожиданной силой.

— Это он? — спросила она почти шёпотом.

Приам кивнул.

Гекуба медленно опустилась на стул.

— Значит, он всё-таки жив...

Кассандра стояла у двери и смотрела на больного. Её взгляд остановился на бронзовой печати, лежавшей на небольшом столике. Она подошла к ней и осторожно взяла в руки.

— Мать, посмотри.

На обратной стороне печати были выгравированы две буквы и небольшая дата. Гекуба приблизилась и, увидев их, прикрыла рот ладонью.

— Это знак, который он носил в день отъезда.

Приам повернулся к жене.

— Ты тоже помнишь?

— Конечно. Я сама видела эту печать перед тем, как он покинул город.

Кассандра положила её обратно.

— Тогда почему мне кажется, что эта печать вернулась раньше него?

Никто не ответил.

В это время Парис узнал о появлении незнакомца от Эвандра. Слуга сообщил, что во дворце произошло нечто необычное и что царь приказал усилить охрану внутренних покоев. Парис немедленно отправился к отцу.

У входа его остановил стражник.

— Приказ царя. Никого не впускать.

— Я сын Приама.

— Я знаю, царевич. Но приказ касается всех.

Парис уже собирался потребовать объяснений, когда из покоев вышел Гектор.

— Пусти его, — сказал он стражнику.

Они вошли вместе. Парис увидел лежавшего на постели мужчину и сразу заметил бронзовую печать.

— Кто это?

Приам поднялся.

— Человек, которого мы давно считали погибшим.

Парис приблизился. Он смотрел на незнакомца с необъяснимым волнением. Ему казалось, что этот человек каким-то образом связан с его собственной жизнью, хотя он никогда прежде его не видел.

— Это Лаомедонт? — спросил он.

Приам не сразу ответил.

— Он назвал себя этим именем.

Парис перевёл взгляд на Илариона.

— Значит, свиток был прав?

— Возможно, — ответил старик. — Но теперь нам предстоит узнать, почему он столько лет оставался вдали от Трои.

Парис подошёл к постели.

— Если это мой отец, я хочу, чтобы он знал: я здесь.

Гекуба внимательно посмотрела на него. В её глазах смешались нежность и страх.

— Не торопись, сынок. Он ещё не пришёл в себя.

— Я ждал этой встречи всю жизнь, даже не зная, что жду её.

Приам отвернулся к окну. Эти слова задели его сильнее, чем он ожидал. Он любил Париса как собственного сына и никогда не считал его чужим. Но теперь перед ним лежал человек, чья кровь могла изменить всё, что он строил долгие годы.

И всё же Приам понимал: никакая царская власть не должна была стоить ему семьи.

На другом конце города Ликон встретился с Дорием. Они выбрали заброшенный дворик возле старой мастерской гончара. Там почти никто не бывал, и разговор можно было вести без опасения, что его услышат случайные прохожие.

Дорий пришёл первым. Он нервно ходил между каменными стенами, пока наконец не появился Ликон.

— Ты обещал рассказать мне правду, — сказал Дорий.

— Я обещал помочь тебе найти её.

— Это не одно и то же.

— Ты начинаешь понимать.

Дорий остановился.

— Моя мать действительно была убита?

Ликон посмотрел на него долгим взглядом.

— Да.

— Кто это сделал?

— Человек, которому твой отец доверял больше, чем следовало.

Дорий побледнел.

— Ты хочешь сказать, что это был Агенор?

— Я не сказал этого.

— Но ты именно это подразумеваешь.

— Я хочу, чтобы ты сам нашёл ответ. Если я назову тебе имя, ты либо поверишь мне, либо возненавидишь меня. Ни то ни другое не приблизит тебя к истине.

Дорий сжал кулаки.

— Ты знаешь, где сейчас мой отец?

— Знаю.

— Тогда почему не поможешь мне поговорить с ним?

— Потому что он уже знает, что ты сомневаешься в нём. И теперь будет следить за каждым твоим шагом.

— Значит, я должен бежать?

— Нет. Бежать — значит признать себя виновным. Оставайся рядом с ним. Слушай, наблюдай и не показывай, что знаешь больше, чем он думает.

Дорий некоторое время молчал.

— А если всё, что ты мне рассказываешь, тоже ложь?

Ликон впервые улыбнулся.

— Тогда тебе придётся научиться не доверять никому. Даже мне.

Он вынул из-за пазухи небольшой свёрток и протянул Дорию.

— Здесь письмо твоей матери. Я нашёл его среди вещей, которые хранил человек, спасший её в последнюю ночь.

Дорий осторожно развернул ткань. Внутри лежала небольшая восковая табличка с несколькими строками, написанными женской рукой. Он прочитал их и замер.

«Если со мной что-нибудь случится, пусть мой сын узнает, что его отец не всегда был тем человеком, каким он стал. Я любила его прежде, чем он научился бояться правды».

Дорий поднял глаза.

— Она писала об Агеноре?

— Думаю, да.

— Почему ты не показал мне это раньше?

— Потому что раньше ты не был готов услышать.

Вечером, когда дворец уже погрузился в тишину, Менекрат сообщил Приаму, что больной начал приходить в сознание. Царь, Гектор и Иларион собрались у постели. Гекуба осталась рядом с Парисом, который не хотел покидать покои.

Лаомедонт медленно открыл глаза. Несколько мгновений он смотрел на потолок, словно пытался понять, где находится. Затем повернул голову и увидел Приама.

— Ты... — прошептал он.

— Я здесь, брат.

Лаомедонт попытался приподняться, но лекарь осторожно удержал его.

— Не двигайся. Тебе нельзя вставать.

— Сколько времени прошло?

Приам наклонился ближе.

— Много. Слишком много.

Лаомедонт закрыл глаза.

— Я думал, что уже никогда не увижу тебя.

— Почему ты не вернулся раньше?

Больной с трудом перевёл дыхание.

— Потому что мне не позволяли.

— Кто?

Лаомедонт посмотрел на Иларион, затем на Париса. Его взгляд задержался на молодом царевиче. В глазах появилось странное выражение — одновременно узнавание, боль и недоверие к собственным чувствам.

— Это он? — спросил он.

Приам кивнул.

— Да. Это Парис.

Лаомедонт долго смотрел на молодого человека, а затем едва слышно произнёс:

— Значит, мой сын вырос...

Парис сделал шаг вперёд. Он хотел спросить многое, но не смог произнести ни одного вопроса.

— Отец...

Старик протянул к нему руку. Парис осторожно взял её в свою.

Лаомедонт слабо сжал его пальцы.

— Я искал тебя. Все эти годы я искал дорогу домой. Но прежде чем ты узнаешь обо мне, ты должен понять одну вещь: не всякий, кто называл себя твоим спасителем, действительно желал тебе добра.

— Кто же тогда спас меня? — спросил Парис.

Лаомедонт перевёл взгляд на Приама.

— Твой дядя знает только половину правды. А вторая половина может оказаться страшнее первой.

Он попытался продолжить, но силы покинули его. Лекарь попросил всех отойти и приказал больному отдыхать. Приам жестом остановил вопросы, понимая, что дальнейший разговор может погубить человека, которого он только что обрёл.

Когда все вышли в соседнюю комнату, Иларион тихо произнёс:

— Теперь мы должны быть готовы услышать то, чего не хотели знать.

Приам посмотрел на него.

— Я хочу услышать всё. Даже если правда разрушит моё представление о прошлом.

Но Иларион не ответил. Он вспомнил последнюю строку похищенного свитка, которую успел прочитать перед исчезновением документа. Там говорилось не только о спасённом ребёнке. Там было указано, что в ночь кораблекрушения из Трои исчезли двое младенцев, и один из них должен был стать наследником старшей царской ветви. До сегодняшнего дня Иларион считал эту запись ошибкой переписчика. Теперь же, глядя на спящего Лаомедонта и вспоминая слова Агенора, он впервые допустил мысль, что в той ночи погибла не одна судьба и что настоящий заговор начался гораздо раньше, чем кто-либо из них предполагал.

Глава четырнадцатая. Два младенца

Иларион не спал всю ночь. Он сидел в своей комнате среди старых записей, разложив перед собой несколько табличек и пергаментных свитков. В памяти снова и снова возникали

события той далёкой ночи, когда корабль Лаомедонта исчез в бурном море. Тогда он был моложе, увереннее в людях и, как ему теперь казалось, слишком доверчив к тем, кто находился рядом с царским домом.

Особенно его тревожила одна подробность. В старой записи действительно упоминались двое младенцев. Но второй ребёнок никогда не появлялся в официальных документах дворца. Его имя было вычеркнуто, а место рождения оставалось неизвестным. Иларион долго считал, что речь шла о ребёнке одной из служанок, случайно оказавшемся рядом с царской семьёй. Теперь он начинал подозревать, что эта версия была придумана намеренно.

Он достал небольшую деревянную шкатулку, которую много лет хранил в тайнике. В ней лежали три старые восковые таблички, покрытые почти стёршимися надписями. На первой значилось имя Лаомедонта, на второй — имя женщины по имени Эрифила, а третья содержала лишь несколько слов: «Два ребёнка. Одна кровь. Разные судьбы».

Иларион долго смотрел на эту фразу.

— Кто же из вас был спасён? — прошептал он.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге стоял Меланфий. Моряк выглядел встревоженным, словно всю ночь провёл в ожидании неприятных известий.

— Ты звал меня?

— Нет. Но, возможно, именно тебя я сейчас должен был позвать.

Меланфий заметил раскрытую шкатулку и сразу изменился в лице.

— Где ты нашёл это?

— Ты узнаёшь надпись?

Моряк подошёл ближе. Он долго рассматривал табличку, затем осторожно коснулся её края.

— Я надеялся, что эта запись давно уничтожена.

Иларион поднял на него глаза.

— Значит, ты знаешь о двух младенцах?

Меланфий отвернулся к окну.

— Я знаю, что в ту ночь на берегу оказались два ребёнка. Но не знаю, какой из них был сыном Лаомедонта.

— Почему ты не рассказал об этом раньше?

— Потому что мне приказали молчать.

— Кто приказал?

Меланфий не ответил сразу. Его лицо стало напряжённым.

— Человек, который тогда спас мне жизнь. И человек, которого я не хотел предавать.

— Он ещё жив?

Моряк посмотрел на Илариона.

— Возможно. Если ты хочешь знать правду, тебе придётся выслушать историю, которую я до сих пор боялся рассказывать.

Много лет назад, в ночь великого шторма, Меланфий находился на одном из судов, сопровождавших Лаомедонта. Путешествие должно было завершиться через несколько дней. На борту находились воины, слуги, несколько семей и два младенца, которых по разным причинам решили вывезти из Трои.

Первый ребёнок принадлежал царскому дому. Его мать умерла вскоре после рождения, а отец, опасаясь дворцовых интриг, решил отправить сына к родственникам на острова до тех пор, пока обстановка в Трое не станет спокойнее.

Второй младенец был сыном женщины, сопровождавшей царскую семью. Его происхождение никто не скрывал, и он не имел отношения к престолонаследию.

Но шторм изменил всё.

Корабль ударился о подводные камни и начал быстро набирать воду. Люди кричали, снасти рвались, а волны перекрывали голоса командиров. Лаомедонт приказал спускать шлюпки и сам помогал женщинам и детям добраться до них.

Меланфий помнил, как видел его в последний раз. Старший царевич стоял на палубе, прижимая к груди свёрток с ребёнком. Ветер рвал его плащ, вода уже поднималась до колен, но он не выпускал младенца из рук.

— Забери его! — крикнул Лаомедонт.

Меланфий протянул руки.

— А ты?

— Я последую за вами.

Но он не последовал.

Волна ударила в борт, и палуба исчезла под водой. Меланфия выбросило в море. Он сумел ухватиться за обломок мачты и потерял сознание. Когда пришёл в себя, рядом находилась небольшая лодка, в которой лежали двое детей. Их спасла женщина, имя которой он тогда не знал.

Позднее выяснилось, что один из младенцев исчез. Другой был доставлен на берег и передан людям, которые должны были отвезти его в Трою.

— Но кто был этим ребёнком? — спросил Иларион.

Меланфий провёл ладонью по лицу.

— Я не знаю. Когда мы нашли лодку, оба младенца были живы. Но вскоре после этого началась новая беда. Люди, сопровождавшие нас, исчезали один за другим. Кто-то искал ребёнка с царской печатью, а кто-то пытался убедить всех, что наследник погиб.

— Ты видел Лаомедонта после кораблекрушения?

— Да. Но не тогда, когда он был на палубе. Спустя несколько дней я встретил его на другом судне. Он был ранен, почти не мог говорить и попросил меня передать Приаму, что ребёнок жив.

Иларион нахмурился.

— Почему же ты не передал?

Меланфий опустил голову.

— Потому что к тому времени я уже понял: среди людей, которым я доверял, был предатель. Если бы я вернулся в Трою, меня убили бы раньше, чем я успел бы добраться до дворца.

— И ты молчал все эти годы?

— Я ждал, пока смогу рассказать правду человеку, которому можно доверять.

Иларион закрыл шкатулку.

— А теперь ты уверен, что можешь доверять мне?

Меланфий посмотрел ему прямо в глаза.

— Я уверен, что ты должен знать. Даже если после этого мы оба окажемся в опасности.

В покоях Лаомедонта тем временем происходило нечто необычное. Больной уже мог самостоятельно приподниматься, хотя лекарь запрещал ему долго сидеть. Приам пришёл к нему утром, когда Гектор отправился проверять городские укрепления.

— Ты выглядишь лучше, — сказал царь.

— Я пережил худшее.

— Тогда расскажи мне, где ты был.

Лаомедонт некоторое время молчал.

— После кораблекрушения меня спасли люди, которые не знали, кто я. Я потерял сознание и очнулся в доме рыбака на далёком острове. Там меня лечили несколько месяцев. Когда я смог ходить, попытался вернуться в Трою, но меня уже искали.

— Кто?

— Люди с изображением крыла. Они знали моё имя, знали о ребёнке и знали, что я жив. Я не понимал, кто ими руководит. Каждый раз, когда я приближался к морским торговым путям, меня находили.

Приам нахмурился.

— Почему ты не отправил тайного посланника?

— Отправлял. Несколько раз. Никто из них не вернулся.

— Значит, кто-то перехватывал твои сообщения.

— Да. И я постепенно понял, что заговор существует не только за пределами Трои. Кто-то внутри дворца помогал моим врагам.

Приам опустил голову.

— Агенор?

Лаомедонт посмотрел на брата.

— Ты всё ещё позволяешь ему находиться рядом с собой?

— Он давно изгнан из дворца.

— Но не из города.

— Ты считаешь, что он причастен к твоему исчезновению?

— Я считаю, что он знает больше, чем говорит. Но есть ещё один человек, Приам. Человек, которому ты доверял безоговорочно.

Царь резко поднял голову.

— Кто?

Лаомедонт попытался ответить, но в этот момент в дверь постучали. Вошёл лекарь и потребовал прекратить разговор. Больной устал, и любое волнение могло вызвать новое кровотечение.

Приам не стал спорить. Он поднялся, но у самой двери остановился.

— Брат, ты должен мне обещать, что больше не станешь скрывать правду.

Лаомедонт слабо улыбнулся.

— Если бы я мог вернуться к началу этой истории, я бы не стал скрывать её даже от тебя.

В это время Елена в Спарте получила новое письмо. Оно было доставлено вместе с торговыми документами, без печати и без имени отправителя. Мирто принесла его в покои и положила рядом с чашей воды.

— Опять тайное послание, госпожа?

Елена посмотрела на маленький свёрток.

— Похоже, некоторые люди считают, что я слишком много знаю.

— А ты действительно знаешь?

Елена усмехнулась.

— Я знаю, что мужчины умеют начинать войны, а потом искать женщину, на которую можно возложить ответственность.

Она развернула письмо. Почерк был незнакомым, но первые слова заставили её замереть.

«Елена, если ты ещё помнишь ночь, когда покинула свой прежний дом, вспомни также человека, который тогда спас тебя. Он не был случайным прохожим. Его судьба связана с теми, кто сейчас пытается изменить наследование троянского престола».

Елена перечитала строки несколько раз.

— Мирто, — произнесла она, — ты помнишь человека, который помог мне тогда?

— Смутно. Ты никогда не рассказывала подробностей.

— Он был ранен. На его руке я заметила знак, похожий на раскрытое крыло. Он сказал, что однажды мы снова встретимся.

Мирто побледнела.

— Ты думаешь, это тот же человек?

— Не знаю. Но теперь мне кажется, что моя встреча с Парисом могла быть частью гораздо более старой истории, чем я предполагала.

Она подошла к окну. За садовыми стенами виднелись крыши Спарты, а дальше начиналась дорога, ведущая к морю. Елена долго смотрела вдаль, словно пыталась увидеть за горизонтом город, который ещё никогда не посещала, но который уже каким-то образом оказался связан с её судьбой.

Вечером Дорий вернулся к отцу. Агенор сидел за столом и изучал несколько табличек. Увидев сына, он убрал их в сторону.

— Ты сегодня был вне дома?

— Да.

— Где?

— Гулял по городу.

Агенор внимательно посмотрел на него.

— Не лги мне.

Дорий выдержал его взгляд.

— Я разговаривал с Ликоном.

Агенор медленно поднялся.

— Значит, ты окончательно решил связать свою судьбу с человеком, который желает моей гибели?

— Я хочу знать, кто убил мою мать.

— Я уже говорил тебе: она умерла от болезни.

— Тогда почему ты боишься её письма?

Агенор замер.

Дорий достал табличку и положил на стол. Отец не прикоснулся к ней. Он смотрел на почерк, который узнал бы среди тысячи других.

— Где ты это взял?

— У человека, который знал её.

Агенор сел. На несколько мгновений его лицо утратило привычную суровость.

— Ты ничего не понимаешь, сын.

— Тогда объясни.

— Твоя мать была женщиной, которую я любил. Но она оказалась втянута в события, которые не могла понять. Её смерть была трагедией, а не преступлением.

— Почему же ты никогда не рассказывал мне о ней?

— Потому что хотел, чтобы ты жил.

Дорий покачал головой.

— Нет, отец. Ты хотел, чтобы я жил так, как тебе удобно.

Он забрал табличку и направился к двери. Агенор не остановил его.

Когда сын вышел, в комнату вошёл человек с серебристым знаком крыла.

— Он становится опасным, — сказал незнакомец.

— Нет, — ответил Агенор. — Он становится похожим на свою мать.

— Что прикажете делать?

Агенор долго смотрел на закрытую дверь.

— Ничего. Пока он мой сын, я не позволю вам причинить ему вред.

Незнакомец усмехнулся.

— Вы забываете, что не только вы принимаете решения в этом деле.

Агенор медленно повернулся.

— Передай своему господину, что я не забыл ни одного обещания. Но пусть он тоже вспомнит: я никогда не был его слугой.

Человек в плаще ничего не ответил и вышел.

Агенор остался один. Он открыл нижний ящик стола и достал старый перстень, на внутренней стороне которого было выгравировано имя женщины. Он долго держал его в руке, а затем тихо произнёс:

— Прости меня, Эрифила. Я слишком поздно понял, что должен был защитить тебя не от врагов, а от самого себя.

Ночью Иларион вернулся в храмовую библиотеку. Он хотел проверить ещё несколько записей, связанных с рождением царских детей. В глубине помещения, возле старого шкафа, он заметил, что одна из каменных плит лежит немного неровно. Архивариус опустился на колени, осторожно поддел её железным крючком и обнаружил небольшую полость.

Внутри лежала узкая металлическая пластинка, обёрнутая истлевшей тканью. На ней были выбиты два имени и короткая надпись:

«Тот, кого назовут Парисом, не должен узнать о втором ребёнке, пока не вернётся старший».

Иларион перечитал слова несколько раз. Затем перевернул пластинку. На обратной стороне находился знак, которого он не видел уже много лет: изображение двух львов, обращённых друг к другу.

Старик почувствовал, как холодеют руки. Этот знак принадлежал не царскому дому Приама и не роду Агенора. Он был знаком древнего совета, существовавшего ещё во времена отца Приама, когда власть в Трое делилась между несколькими знатными семьями.

Иларион спрятал пластинку в одежду и поспешил к выходу. Теперь он понимал, что возвращение Лаомедонта не завершило старую историю. Оно лишь открыло дверь в ещё более глубокую тайну, в которой судьбы двух младенцев, исчезнувшего наследника и женщины по имени Эрифила были связаны с людьми, о существовании которых в Трое предпочитали не вспоминать. И если эта надпись говорила правду, то Парис мог оказаться не единственным человеком, которому предстояло узнать, кем он был на самом деле.

Глава пятнадцатая. Тайна древнего совета

Иларион не спешил возвращаться во дворец. Найденная металлическая пластинка не давала ему покоя. Он понимал, что обнаруженная надпись способна изменить представление о событиях, произошедших много лет назад, но пока не знал, кому можно доверить эту находку. Даже Приам, которого он знал почти всю жизнь, мог оказаться не посвящён во все обстоятельства той давней истории. А если старый совет действительно продолжал существовать, то его участники могли находиться гораздо ближе к царской семье, чем предполагал архивариус.

Он завернул пластинку в ткань и спрятал под одеждой. Затем вернулся к столу, открыл старую книгу дворцовых записей и начал искать упоминания о двух львах. Несколько страниц были повреждены влагой, другие оказались вырваны. Но на полях одной из них сохранилась короткая запись, сделанная рукой прежнего хранителя архива: «Совет хранителей крови распущен по воле царя. Печати возвращены. Имена участников не подлежат оглашению».

Иларион перечитал её дважды.

Совет хранителей крови. Он слышал это название ещё в молодости, но всегда считал его частью придворных легенд. Говорили, что в древние времена несколько знатных семейств помогали царю сохранять порядок престолонаследия. Они следили за родословными, заключали брачные соглашения, хранили сведения о законных наследниках и, если требовалось, вмешивались в дела царского дома. Официально совет прекратил существование задолго до рождения Приама. Однако теперь Иларион начинал подозревать, что его роспуск был лишь формальностью.

В коридоре послышались шаги. Архивариус быстро закрыл книгу.

— Кто там?

— Это я, — ответил знакомый голос.

Вошёл Фарос. Он выглядел встревоженным и держал в руках небольшой свёрток.

— Мне сказали, что ты всю ночь провёл здесь.

— Так и есть.

— Тогда тебе следует посмотреть на это.

Фарос положил свёрток на стол. Внутри находился кусок старого пергамента с выцветшей печатью. Иларион осторожно развернул его и сразу узнал почерк.

— Откуда это у тебя?

— Я нашёл среди вещей, которые сохранил после смерти жены. Она спрятала его в подкладке дорожного плаща. Я никогда не решался развернуть письмо.

— Почему?

Фарос посмотрел на старика.

— Потому что боялся прочитать то, что могло изменить всё, во что я верил.

Иларион начал читать. Письмо было коротким, но каждое слово словно приближало его к разгадке.

«Если ребёнок останется жив, не позволяйте ему узнать, что он был не единственным. Второй младенец должен исчезнуть из записей. Не ради престола, а ради его жизни. Когда старший вернётся, правда должна быть открыта».

Внизу стояла подпись: Эрифила.

Иларион медленно опустил пергамент.

— Фарос, ты знал, что твоя жена была связана с этой историей?

— Нет. Она никогда не говорила мне о двух детях. Я знал только, что в ту ночь она спасла младенца и погибла позже, когда люди Агенора пытались его найти.

— Возможно, она спасла не того ребёнка, которого мы всё это время считали наследником.

Фарос побледнел.

— Тогда кто же был в её руках?

Иларион посмотрел на него, но не ответил. Теперь у него было слишком много вопросов и слишком мало доказательств.

Приам сидел у постели Лаомедонта, когда тот окончательно пришёл в себя. Больной уже мог говорить, хотя каждое слово давалось ему с трудом. Гектор находился рядом, а Парис стоял у окна, стараясь не вмешиваться в разговор братьев.

— Ты помнишь Эрифилу? — спросил Приам.

Лаомедонт повернул голову.

— Конечно. Она была женой человека, который служил при дворе.

— Фароса?

— Да. Она сопровождала нас в последнем путешествии. Я доверял ей больше, чем многим знатным людям.

Парис обернулся.

— Она спасла меня?

Лаомедонт посмотрел на сына.

— Я не знаю, какой именно ребёнок оказался у неё на руках. В ту ночь всё происходило слишком быстро. Но я помню, что перед тем, как корабль начал тонуть, я передал ей свёрток. Там был младенец, которого я должен был доставить в безопасное место.

— Ты говоришь обо мне?

— Возможно.

Парис подошёл ближе.

— А кто был второй ребёнок?

Лаомедонт закрыл глаза.

— Другой младенец находился на том же корабле. Его происхождение тоже было связано с царским домом, но я не имел права рассказывать о нём даже своему брату. Таково было обещание, данное его матери.

Приам резко повернулся к нему.

— Ты хочешь сказать, что я все эти годы ничего не знал о втором наследнике?

— Ты не знал, потому что я сам не знал всей правды. Мне сообщили только, что ребёнка необходимо спасти и что его жизнь зависит от того, насколько тщательно будет скрыто его имя.

— Но почему?

Лаомедонт с трудом приподнялся на подушке.

— Потому что тогда уже существовали люди, которые считали себя вправе решать, кому жить, а кому наследовать престол. Они хотели получить власть не через открытое противостояние, а через кровь и родословные. Если бы им стало известно о втором ребёнке, он мог погибнуть.

Гектор нахмурился.

— И ты считаешь, что эти люди всё ещё существуют?

— Я знаю это, Гектор. Я встречал их представителей за морем. Они не называли себя советом. У них были другие имена, другие знаки, другие хозяева. Но печать двух львов я видел не раз.

Приам посмотрел на брата.

— Почему ты не рассказал мне об этом раньше?

Лаомедонт с горечью усмехнулся.

— Потому что я не мог доверять даже собственным посланникам. А когда понял, что предательство проникло в самый центр нашего дома, было уже поздно.

Парис молчал. Он впервые почувствовал, что его происхождение может быть лишь частью гораздо более сложной истории. Ему хотелось узнать, кто был вторым ребёнком, но одновременно он боялся ответа. Не потому, что тот мог лишить его каких-либо прав, а потому, что за каждой новой подробностью обнаруживались человеческие судьбы, разрушенные чужими решениями.

— Отец, — тихо произнёс он, — если второй ребёнок жив, мы должны его найти.

Лаомедонт внимательно посмотрел на сына.

— Ты говоришь так, как говорил я в молодости. Но помни: иногда поиск одного человека ставит под угрозу жизнь многих других.

— А разве можно всю жизнь прятаться от правды?

Лаомедонт едва заметно улыбнулся.

— Нет. Но иногда нужно выбрать правильное время, чтобы её открыть.

В тот же день Агенор получил известие о возвращении Лаомедонта. Человек, доставивший сообщение, был молод, одет как обычный торговый помощник и не имел при себе никаких отличительных знаков.

— Ты уверен, что это он? — спросил Агенор.

— Его видели у восточных ворот. Приам лично принял его во дворце. Лекарь подтвердил, что раненый назвался Лаомедонтом.

Агенор отвернулся.

— Значит, он всё-таки добрался до дома.

— Что будем делать?

— Ничего. Пока.

Посланник удивился.

— Но если он расскажет о прошлом...

— Он не успеет рассказать всё. Его воспоминания неполны, а люди, которые могли подтвердить его слова, давно исчезли.

— Иларион?

— Старик опаснее, чем кажется. Он уже нашёл то, что не должен был найти.

— Прикажете забрать найденное?

Агенор долго молчал.

— Нет. Теперь нужно действовать иначе. Найди Дория и проследи, чтобы с ним ничего не случилось.

— Вы всё ещё заботитесь о нём?

Агенор резко повернулся.

— Это мой сын.

— Но он уже встречается с Ликоном.

— Я знаю.

— Тогда он может стать угрозой.

Агенор подошёл к окну.

— Возможно, однажды он станет моим врагом. Но пока я не позволю никому использовать его против меня.

Посланник поклонился и вышел. Агенор остался один. Он открыл тайный шкаф, достал оттуда небольшую деревянную коробку и вынул старую женскую подвеску. На её обороте были выгравированы две буквы — Э и Д.

Он долго смотрел на них, вспоминая женщину, которая когда-то верила в него больше, чем он сам верил в себя. А затем положил подвеску обратно и закрыл коробку.

К вечеру Парис вышел из дворца и направился к морю. Ему хотелось побыть одному, подумать о последних событиях и попытаться разобраться в чувствах, которые не давали ему покоя. Он долго шёл вдоль берега, пока не увидел Ликона.

Тот стоял у старой лодки и разговаривал с незнакомым рыбаком. Увидев Париса, рыбак быстро ушёл, а Ликон повернулся к царевичу.

— Ты искал меня?

— Нет. Но, возможно, мне нужно с тобой поговорить.

— Тогда говори.

Парис некоторое время молчал.

— Лаомедонт вернулся.

Ликон не показал удивления.

— Я слышал.

— Ты знал, что он жив?

— Я знал, что кто-то мог пережить кораблекрушение. Но не был уверен, что это именно он.

— А о двух младенцах ты слышал?

Ликон посмотрел на море.

— Слышал.

Парис почувствовал раздражение.

— Почему все вокруг знают больше меня? Почему каждый человек, к которому я обращаюсь, отвечает загадками?

— Потому что ты задаёшь вопросы, на которые пока нет безопасных ответов.

— Мне не нужна безопасность. Мне нужна правда.

Ликон повернулся к нему.

— Тогда запомни одну вещь. Второй ребёнок не был врагом твоего отца. Он не был врагом твоего дяди. И он не был причиной тех событий, которые произошли в ночь шторма. Но если люди, скрывавшие его происхождение, узнают, что он жив, они сделают всё, чтобы он никогда не появился перед тобой.

— Ты знаешь, кто он?

— Нет.

— Ты лжёшь.

Ликон выдержал его взгляд.

— Возможно, я знаю больше, чем говорю. Но сейчас это не имеет значения.

— Почему?

— Потому что сегодня утром один человек покинул Трою через северные ворота. Он ехал в сторону побережья и нёс с собой знак двух львов.

Парис насторожился.

— Кто этот человек?

— Не знаю. Но он направился к месту, где много лет назад исчез второй младенец.

— Почему ты не остановил его?

Ликон горько усмехнулся.

— Потому что он ехал не один.

Парис посмотрел на него, ожидая продолжения, но Ликон уже отворачивался к морю.

— Возвращайся во дворец, царевич. Сегодня ночью не выходи из города.

— Ты не можешь приказывать мне.

— Не могу. Но могу предупредить. Иногда человек, который слишком долго ищет правду, перестаёт замечать, что сам становится приманкой.

Парис хотел возразить, но вдруг заметил на песке следы нескольких лошадей. Они вели от берега к небольшому строению, которое давно не использовалось. Следы были свежими.

— Кто был здесь?

Ликон посмотрел в ту сторону.

— Люди, которые не желают, чтобы мы встретились.

Поздно вечером в одном из дальних кварталов Трои остановился небольшой отряд всадников. Их было пятеро. Они не носили знаков царской стражи и старались не привлекать внимания. Во главе отряда находился мужчина с серебряной застёжкой на плаще. Он спешился возле старого дома, постучал три раза и дождался, пока дверь откроется.

Внутри его встретила женщина преклонных лет.

— Ты опоздал, — сказала она.

— Дорога оказалась опаснее, чем мы предполагали.

— Значит, они уже знают?

— Да. Лаомедонт вернулся.

Женщина побледнела.

— Тогда всё начинается снова.

— Нам нужно найти второго ребёнка.

— Нет, — твёрдо ответила она. — Нам нужно защитить его.

Мужчина усмехнулся.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь защитить человека, которого сама не видела с младенчества?

Женщина подошла к небольшому сундуку и достала из него старую ткань. В ней лежал детский браслет с маленькой золотой пластинкой. На пластинке был изображён лев, но рядом с ним находилась ещё одна фигура — птица с распростёртыми крыльями.

— Я видела его, — сказала она. — И я знаю, где он вырос.

Мужчина внимательно посмотрел на браслет.

— Ты уверена?

— Я узнала его много лет назад. Но молчала, потому что дала обещание матери ребёнка.

— А теперь?

Женщина подняла глаза.

— Теперь в Трою вернулся Лаомедонт. И если он узнает, что произошло со вторым младенцем, то не остановится, пока не найдёт его.

— Возможно, именно этого мы и ждём.

Женщина покачала головой.

— Ты не понимаешь. Если они встретятся, один из них может погибнуть.

Мужчина спрятал браслет обратно в сундук.

— Тогда нам придётся решить, кому из них позволено узнать правду первым.

За окном поднялся ветер. Где-то далеко, за стенами города, прокричала ночная птица. Женщина закрыла глаза, словно услышала в этом звуке предупреждение, которого боялась много лет. Она знала: тайна двух младенцев больше не принадлежала прошлому. Она возвращалась в жизнь Трои, и на этот раз скрыть её могло оказаться невозможно.

Глава шестнадцатая. Знак двух львов

На следующее утро Приам созвал небольшой совет. Он не пригласил всех старейшин и военачальников, как делал обычно перед обсуждением важных государственных дел. На этот раз в царском зале собрались только Гектор, Парис, Иларион и несколько человек, которым он доверял много лет. Лаомедонт, несмотря на настояния лекаря, тоже пожелал присутствовать. Он сидел в кресле, укрытый тёплым плащом, и выглядел гораздо слабее, чем накануне, но взгляд его оставался ясным.

— Я не собираюсь скрывать от вас то, что знаю, — начал он. — Но прежде вы должны понять: события, которые привели меня к этому возвращению, начались задолго до рождения Париса. И если мы хотим остановить тех, кто продолжает старый заговор, нам придётся заглянуть в самое начало.

Приам внимательно посмотрел на брата.

— Говори.

Лаомедонт обвёл взглядом присутствующих.

— Наш отец, царь Трои, был человеком осторожным. Он понимал, что власть не может держаться только на силе оружия. Поэтому ещё при его жизни существовал совет знатных семейств, которые следили за наследованием престола и заключали соглашения между родами. Совет называли хранителями крови. Его члены считали себя защитниками царского дома, но со временем некоторые из них стали считать, что имеют право решать судьбу самого царя.

— Я помню эти рассказы, — сказал Приам. — Отец говорил, что совет был распущен.

— Он был распущен официально. Но не все его участники согласились с этим решением. Некоторые сохранили свои связи, продолжили собирать сведения о царской семье и ждать подходящего момента, чтобы вернуть влияние.

Иларион положил на стол металлическую пластинку.

— Я нашёл это в тайнике храмовой библиотеки. На ней говорится о двух младенцах.

Лаомедонт внимательно рассмотрел находку.

— Значит, эта надпись сохранилась.

— Ты знаешь, что она означает? — спросил Гектор.

— Да. Но я не знаю, кто именно её оставил.

Приам нахмурился.

— Тогда расскажи всё, что помнишь.

Лаомедонт глубоко вздохнул.

— В год великого шторма я должен был доставить в безопасное место не одного, а двух детей. Первый был моим сыном. Второй принадлежал женщине из древнего рода, чьи представители когда-то входили в совет хранителей крови. Она опасалась, что её ребёнка используют в борьбе за власть, и попросила меня помочь скрыть его происхождение.

Парис слушал, не отводя глаз от отца.

— Значит, второй ребёнок не был твоим родственником?

— По крови — нет. Но его судьба оказалась связана с нашей семьёй. Я обещал матери, что никто не сможет использовать её сына против него самого.

— И ты знаешь, кто эта женщина? — спросил Иларион.

Лаомедонт помедлил.

— Знал. Но не уверен, что она ещё жива.

— Назови её имя.

— Клеомена.

Иларион задумался, пытаясь вспомнить старые записи.

— Клеомена... Кажется, я встречал это имя среди документов о роде Эвримахидов.

Приам поднял голову.

— Это один из самых древних родов Троады. Их представители давно не живут при дворе.

— Не все, — тихо сказал Лаомедонт. — Некоторые остались. И, возможно, именно они до сих пор управляют людьми, которые носят знак раскрытого крыла.

После совета Гектор попросил Париса остаться. Братья вышли в сад и остановились возле небольшого фонтана, где вода стекала по каменной чаше в узкий бассейн.

— Ты слишком много думаешь о своём происхождении, — сказал Гектор.

Парис удивлённо посмотрел на него.

— А разве у меня есть другой выбор?

— Есть. Ты можешь помнить, что вырос здесь, что тебя любят и что этот город не стал тебе чужим только потому, что твой отец вернулся.

— Я этого не забываю.

— Тогда не позволяй людям превратить твою жизнь в спор о наследовании.

Парис присел на край каменной скамьи.

— Ты боишься, что я однажды захочу занять твоё место?

Гектор покачал головой.

— Нет. Я боюсь, что кто-то заставит тебя поверить, будто ты обязан это сделать. Ты знаешь, как устроены люди. Достаточно пустить слух, что законный наследник вернулся, и найдутся те, кто начнёт искать в этом повод для борьбы.

— А если я действительно имею право на престол?

Гектор спокойно посмотрел на брата.

— Право на престол не освобождает человека от ответственности перед теми, кто живёт в городе. Я не собираюсь бороться с тобой за власть. Но если начнётся смута, я буду защищать Трою.

Парис долго молчал.

— Я не хочу, чтобы между нами когда-нибудь встал этот вопрос.

— Тогда не позволяй другим решать за нас.

Гектор положил руку ему на плечо. В этом простом жесте было больше братской любви, чем во многих торжественных словах, произнесённых во дворце. Парис впервые за последние дни почувствовал, что возвращение Лаомедонта не обязательно должно разрушить всё, что было ему дорого.

Но он ещё не знал, что люди, стоявшие за старым заговором, уже начали готовить первый удар.

В полдень к дворцу прибыл гонец из северного поселения. Он привёз письмо для Приама и сообщил, что несколько вооружённых всадников появились возле старой дороги, ведущей к заброшенному храму. Они расспрашивали местных жителей о женщине по имени Клеомена и предлагали золото за любые сведения о её местонахождении.

Гектор немедленно приказал отправить туда небольшой отряд.

— Они ищут мать второго ребёнка? — спросил Парис.

— Или человека, который знает, где она находится, — ответил Иларион.

Приам развернул письмо. В нём сообщалось, что женщина преклонных лет, живущая в старом доме за городской стеной, несколько дней назад приняла незнакомого путника. После этого к её жилищу стали приходить неизвестные люди.

— Это может быть она, — сказал Лаомедонт.

— Ты уверен? — спросил Приам.

— Нет. Но если Клеомена всё ещё жива, она должна знать, где находится её сын.

Гектор уже направлялся к двери.

— Я отправлюсь сам.

— Нет, — возразил Парис. — Позволь мне поехать с тобой.

— Тебе следует остаться во дворце.

— Я не собираюсь сидеть здесь, пока другие решают судьбу человека, которого мы даже не знаем.

Приам хотел вмешаться, но Лаомедонт поднял руку.

— Пусть едут оба. Только не превращайте поиски в военный поход. Если эта женщина действительно знает правду, она должна увидеть в вас не царских наследников, а людей, которым можно доверять.

Гектор согласился, но приказал взять с собой шесть проверенных воинов. Через час небольшой отряд покинул дворец и направился к северной дороге.

Дом старой женщины стоял на окраине поселения, окружённый невысокой каменной оградой. Возле ворот росла старая олива, ветви которой почти касались крыши. Когда всадники подъехали, на крыльцо вышла женщина с седыми волосами, собранными под тёмным покрывалом.

Она внимательно посмотрела на Гектора, затем на Париса.

— Вы пришли поздно, — сказала она.

— Мы ищем Клеомену, — ответил Гектор. — Нам сказали, что она живёт здесь.

Женщина не сразу ответила.

— А кто вы такие, чтобы искать её?

— Я Гектор, сын Приама. А это мой брат Парис.

Старуха посмотрела на Париса особенно внимательно. В её глазах появилось выражение, которое он уже видел у некоторых людей, когда те впервые узнавали о его происхождении.

— Значит, он всё-таки вернулся, — прошептала она.

— Кто? — спросил Парис.

— Тот, кого многие считали погибшим. И тот, ради кого когда-то пришлось скрыть правду.

Гектор спешился.

— Вы знаете Лаомедонта?

Женщина медленно кивнула.

— Знала. И знала его сына, когда тот был ещё младенцем.

Парис почувствовал, как у него перехватило дыхание.

— Вы видели меня?

— Нет, дитя. Я видела другого ребёнка. Того, которого должны были спрятать от людей, желавших управлять его судьбой.

— Где он теперь?

Старуха посмотрела на него с печальной улыбкой.

— Если бы я знала, где он, то давно бы отправилась к нему.

— Но вы ведь знаете его имя?

— Да.

Она сделала шаг назад и пригласила гостей войти. Внутри дома было темно и прохладно. На столе стояла глиняная посуда, у стены висели связки сушёных трав, а возле очага лежал небольшой деревянный сундучок.

Женщина открыла его и достала детский браслет. Парис сразу узнал изображение льва и птицы, которое Ликон описывал ему накануне.

— Этот браслет принадлежал второму младенцу, — сказала она. — Его мать оставила мне перед тем, как исчезнуть.

Гектор внимательно рассмотрел украшение.

— Почему вы не сообщили об этом царю?

— Потому что боялась, что вместе с правдой к ребёнку придут убийцы.

— А теперь?

Женщина посмотрела на Париса.

— Теперь я думаю, что молчание стало опаснее самой правды.

Она осторожно положила браслет перед ним.

— Посмотри на внутреннюю сторону.

Парис перевернул украшение. На металле были выгравированы две буквы: «Л» и «К».

— Что они означают?

— Первую я знаю. Это имя матери ребёнка — Клеомена. А вторая буква принадлежит человеку, который должен был воспитывать его.

— Кто он?

Старуха посмотрела на Гектора, словно сомневалась, стоит ли продолжать.

— Фарос.

Парис резко поднял голову.

— Фарос?!

— Да. Он должен был доставить второго младенца в безопасное место. Но после кораблекрушения всё пошло не так. Его жена спасла одного ребёнка, а сам Фарос получил приказ скрыть следы второго.

Гектор нахмурился.

— Значит, Фарос знал о существовании второго младенца?

— Знал. Но не знал, где тот находится. И, возможно, до сих пор не знает.

Парис поднялся.

— Мы должны вернуться к нему немедленно.

В этот момент снаружи раздался конский топот. Один из воинов ворвался в дом.

— Царевичи! К ограде приближаются вооружённые люди. Их не меньше десяти!

Гектор схватил меч.

— Сколько входов у этого дома?

— Только один, — ответила старуха. — Но за очагом есть узкий проход в соседний двор. Им давно никто не пользовался.

— Парис, выведи женщину через него. Я задержу нападающих.

— Нет, мы уйдём вместе.

— Это приказ, брат!

Парис посмотрел на Гектора и понял, что спорить сейчас бесполезно. Он помог женщине подняться, спрятал браслет под одеждой и направился к заднему проходу.

Но старуха остановила его.

— Подожди.

Она сняла с шеи небольшой медальон и вложила ему в ладонь.

— Когда найдёшь второго ребёнка, покажи ему это. Он должен узнать, что мать не забыла о нём.

— Вы знаете, где он?

Женщина покачала головой.

— Нет. Но я знаю, кто последним видел его живым.

— Кто?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Тот человек, которого вы называете Ликоном.

Гектор встретил нападавших у ворот. Первые двое попытались ворваться во двор, но стражники остановили их. Началась короткая схватка. Противники действовали слаженно, не кричали и не пытались грабить дом. Они пришли за женщиной и браслетом, а значит, знали, что именно нужно искать.

Гектор отбросил меч одного из нападавших и приставил собственный клинок к его горлу.

— Кто вас послал?

Человек молчал.

— Отвечай!

Вместо ответа тот резко ударил Гектора плечом и попытался вырваться. В этот момент один из троянских воинов подоспел на помощь, но нападавший успел бросить на землю маленькую глиняную ампулу. Раздался резкий хлопок, и двор наполнился едким дымом.

Когда дым рассеялся, несколько противников уже исчезли за оградой. Двоих удалось задержать, ещё один лежал раненый возле ворот.

Гектор вошёл в дом. Парис и старуха успели выбраться через задний проход и ждали его в соседнем дворе.

— Ты цел? — спросил Парис.

— Да. Но они знали, что мы придём.

Старуха посмотрела на него.

— Значит, среди ваших людей есть тот, кто передаёт сведения врагам.

Гектор не стал спорить. Он уже думал о том, как нападавшие могли узнать о поездке, которая была организована всего несколько часов назад.

— Нам нужно возвращаться во дворец, — сказал он.

— А женщина?

— Она поедет с нами. Теперь оставлять её здесь опасно.

Старуха покачала головой.

— Я не могу идти во дворец.

— Почему?

— Потому что там меня ждёт человек, которого я боюсь больше, чем тех, кто только что пытался меня убить.

Парис подошёл ближе.

— Кто это?

Женщина долго смотрела на него, словно решалась произнести имя, которое хранила в памяти много лет.

— Приам.

Гектор резко повернулся.

— Ты обвиняешь моего отца?

— Нет, дитя. Я говорю не о том, что он сделал. Я говорю о том, что он однажды приказал скрыть. И если он узнает, что я жива, то поймёт, что прошлое, которое он хотел забыть, наконец настигло его.

Парис почувствовал, как холодеет у него внутри. Он вспомнил слова Лаомедонта о том, что дядя знает только половину правды.

Теперь становилось ясно, что в этой истории не было ни одного человека, который знал бы всё.

Гектор посмотрел на брата.

— Мы должны поговорить с Приамом.

— Да, — ответил Парис. — Но сначала я хочу найти Ликона.

Вечером, когда отряд вернулся в Трою, в царском дворце уже ждали тревожные известия. Один из задержанных нападавших умер от полученной раны, второй отказался говорить. Женщина, которую привезли Гектор и Парис, согласилась остаться в одном из охраняемых помещений, но потребовала, чтобы с ней не разговаривал никто, кроме Илариона.

Приам выслушал рассказ сыновей, не перебивая. Когда Парис сообщил о словах старухи, царь долго молчал.

— Она сказала, что я приказал скрыть прошлое? — спросил он наконец.

— Она сказала, что боится тебя, — ответил Парис.

Приам опустил глаза.

— Я знаю эту женщину. Её зовут Мирена. Когда-то она служила при дворе и была близка к Клеомене.

— Почему она считает, что ты причастен к исчезновению второго младенца?

— Потому что я действительно приказал скрыть некоторые записи. Но не для того, чтобы навредить ребёнку. Я хотел защитить его.

— От кого?

Приам посмотрел на сына.

— От людей, которые считали, что имеют право распоряжаться его жизнью. И от тех, кто мог использовать его происхождение, чтобы начать борьбу за власть.

Парис подошёл к отцу.

— Тогда почему ты не рассказал нам об этом?

— Потому что не знал, где находится ребёнок. Я думал, что он погиб во время кораблекрушения.

— А Лаомедонт?

— Он просил меня сохранить тайну. Я обещал. Но тогда я ещё не понимал, что молчание однажды может стать оружием против нашей семьи.

В комнате стало тихо. Гектор стоял возле окна, а Иларион внимательно слушал царя. Наконец архивариус произнёс:

— Приам, есть ещё одна вещь, которую ты должен знать. Я нашёл запись, согласно которой второй младенец должен был исчезнуть из документов до возвращения старшего. Лаомедонт уже вернулся. Значит, тот, кто оставил эту запись, мог рассчитывать именно на сегодняшний день.

Приам поднялся.

— Ты думаешь, кто-то намеренно ждал возвращения моего брата?

— Да. И, возможно, всё это время готовил встречу двух людей, которые даже не знают друг друга.

Парис посмотрел на медальон, который старуха передала ему.

— Тогда нам нужно найти Ликона. Он последний видел второго ребёнка.

Иларион медленно кивнул.

— Но сначала нужно выяснить, кто передал нападавшим сведения о вашей поездке.

Приам посмотрел на Гектора.

— Усиль охрану дворца. Никто не должен покидать город без моего разрешения. Агенора нужно немедленно доставить ко мне.

Гектор направился к двери, но в этот момент вошёл гонец. Он был запыхавшимся, а на его лице застыл страх.

— Государь, — произнёс он, — Агенор исчез. Его дом пуст. Слуги утверждают, что он покинул город ещё до рассвета.

Приам медленно сел.

— Значит, он знал, что мы начали искать второго ребёнка.

Иларион посмотрел на металлическую пластинку, лежавшую на столе. Он вдруг понял, что надпись на ней могла иметь совсем иной смысл, чем они предполагали. «Тот, кого назовут Парисом, не должен узнать о втором ребёнке, пока не вернётся старший». Возможно, это было не предупреждение и не просьба, а приказ, который кто-то исполнял много лет.

А теперь, когда Лаомедонт вернулся, исполнители этого приказа начали действовать открыто.

И где-то за пределами Трои человек по имени Ликон уже знал, что поиски второго младенца больше не могут оставаться тайной. Он достал из тайника старый пергамент, развернул его и посмотрел на имя, которое хранил все эти годы. Затем тихо произнёс:

— Прости меня, Клеомена. Я обещал, что твой сын никогда не узнает, кем был его отец. Но теперь, похоже, настало время нарушить обещание.

Глава семнадцатая. Имя, скрытое от времени

Ликон долго не двигался, держа в руках старый пергамент. За узким окном его комнаты медленно светлело небо, и первые лучи солнца ложились на стены заброшенного дома, в котором он нашёл убежище после своего возвращения в Трою. Ночь оказалась беспокойной. Несколько раз ему чудилось, будто за дверью кто-то останавливался, прислушивался, а затем уходил. Он не знал, действительно ли это были люди или лишь тревога, которая слишком долго жила в его душе и теперь не позволяла спокойно встретить рассвет.

На пергаменте было написано имя человека, которого он не видел много лет. Рядом стоял знак двух львов, а ниже — короткая фраза, сделанная другой рукой: «Если сын спросит об отце, скажи ему, что тот погиб, защищая то, чего сам не сумел сохранить».

Ликон провёл пальцем по выцветшим буквам. Он помнил Клеомену совсем молодой: её спокойный взгляд, привычку поправлять волосы, когда она волновалась, и удивительную способность сохранять достоинство даже тогда, когда вокруг рушился привычный мир. Она не была женщиной, которая легко доверяла людям. Но однажды доверилась ему, и он до сих пор не мог решить, спас ли её сына или обрёк на жизнь среди чужих тайн.

Он сложил пергамент и спрятал его под одеждой. Теперь молчание становилось опаснее правды.

В Трое тем временем Приам не спал. Он сидел в малом зале, куда ещё до рассвета пригласил Илариона. На столе лежали две металлические пластинки, старые записи и бронзовая печать с изображением двух львов. Царь смотрел на неё так, словно надеялся обнаружить в металле ответ на вопрос, который мучил его много лет.

— Ты ведь знал, что второй ребёнок мог остаться жив? — спросил Иларион.

Приам не сразу ответил.

— Я знал, что его могли спасти. Но тогда у меня не было доказательств. Были только слова людей, которым я не мог доверять.

— И всё же ты приказал уничтожить часть записей.

— Я приказал спрятать их. Это не одно и то же.

— Для тех, кто искал ребёнка, разница была невелика.

Приам поднял глаза.

— Ты думаешь, я не понимаю, сколько бед принёс этот приказ? Я видел, как погибали люди, пытавшиеся сохранить тайну. Я знал, что однажды мне придётся отвечать за своё решение. Но тогда передо мной стоял выбор: оставить ребёнка без защиты или сделать так, чтобы никто не смог найти его даже среди тех, кто называл себя хранителями троянской крови.

Иларион внимательно посмотрел на царя.

— Ты спасал его от совета или от самого себя, Приам?

Вопрос прозвучал без вызова, но царь отвёл взгляд.

— Возможно, в ту ночь я уже не умел различать одно и другое.

Дверь открылась, и вошёл Гектор. Он был одет для дороги, на плече висел короткий плащ, а на поясе покоился меч. За ним появился Парис, ещё не успевший как следует отдохнуть после ночного возвращения из северного поселения.

— Разведчики обнаружили следы большого отряда к востоку от города, — сообщил Гектор. — Люди двигались небольшими группами, но держались одного направления. Это не обычные разбойники. У них есть проводник, хорошо знающий местность.

— Агенор? — спросил Приам.

— Пока не могу утверждать. Но один из разведчиков видел человека, похожего на Дория.

Парис нахмурился.

— Дорий мог уйти вместе с отцом, но я не верю, что он добровольно участвует в его замыслах.

— Ты слишком хорошо думаешь о людях, которых почти не знаешь, — заметил Гектор.

— А ты слишком быстро готов считать их врагами.

— Я не считаю Дория врагом. Но если он окажется рядом с людьми, которые готовят нападение, мне придётся остановить его так же, как любого другого.

Парис хотел возразить, однако вмешался Приам:

— Не сейчас. Нам нельзя позволить, чтобы подозрения разделили даже тех, кто ещё способен доверять друг другу. Гектор, отправь людей к восточным дорогам. Парис, останься в городе. Твоё имя теперь известно тем, кто ищет наследника старшей ветви. Я не хочу потерять тебя из-за необдуманного поступка.

— Отец, — спокойно сказал Парис, — если кто-то собирается использовать моё происхождение против Трои, я не стану прятаться за стенами дворца.

— Я прошу тебя не прятаться, а думать.

— Иногда это не одно и то же.

Гектор посмотрел на брата, и в его глазах мелькнуло одобрение. Он знал этот характер: Парис мог быть беспечным, мог ошибаться, но не умел оставаться в стороне, когда рядом кому-то угрожала опасность.

— Я возьму его с собой, — сказал Гектор. — Но мы будем действовать по моему приказу.

— Если твой приказ окажется разумным, — ответил Парис.

— Вот именно этого я и опасался, — произнёс Гектор, и на мгновение в зале возникло то редкое чувство близости, которое не могли разрушить ни тайны происхождения, ни разговоры о престоле.

Гекуба встретила сыновей во внутреннем дворе. Она уже знала о предстоящей поездке и держала в руках небольшой дорожный свёрток.

— Здесь хлеб, сыр и сушёные фрукты. Возьмите с собой. Вы оба с утра ничего не ели.

— Мать, мы едем не на пир, — улыбнулся Парис.

— Именно поэтому и нужно поесть заранее.

Она передала свёрток Гектору, а затем задержала ладонь на руке Париса.

— Я слышала, что ты снова собираешься искать ответы там, где их лучше было бы не искать.

— Если я не буду искать, кто-нибудь другой найдёт их за меня.

— Не всякая правда приходит вовремя, сын мой. Иногда она требует, чтобы человек сначала научился с ней жить.

Парис посмотрел на неё с нежностью.

— Ты ведь знала, что однажды мне придётся узнать всё?

— Я боялась этого дня. Но никогда не жалела, что ты оказался в нашем доме.

Она обняла его, и Парис на короткое мгновение перестал думать о наследниках, тайных советах и людях, которые охотились за неизвестным ему младенцем. Перед ним была женщина,

которая растила его, ждала его возвращения, лечила его детские раны и радовалась его первым победам. Никакая запись в архиве не могла изменить прожитую вместе жизнь.

Когда братья покинули двор, Гекуба ещё долго смотрела им вслед. Затем к ней подошла Кассандра.

— Они вернутся, — сказала царевна.

— Ты видела это во сне?

— Нет. Я просто хочу верить.

Гекуба обернулась к дочери.

— А что ты видела во сне этой ночью?

Кассандра не сразу ответила. Она смотрела на высокие стены дворца, за которыми просыпался город.

— Два льва стояли у закрытых ворот. Один был старым и неподвижным, другой — молодым, но раненым. А за воротами кто-то звал их по имени. Только голос был женский.

— Клеомена?

— Не знаю. Но мне показалось, что она уже не одна.

Тем временем на восточной дороге небольшой отряд двигался вдоль высохшего русла ручья. Во главе ехал мужчина в тёмном плаще. Лицо его скрывала дорожная пыль, а на груди под одеждой поблёскивала небольшая бронзовая пластинка. Рядом с ним держался молодой человек, которого Парис и Гектор могли бы узнать издалека, — Дорий.

— Ты обещал, что мы встретимся с человеком, который знает правду о моей матери, — сказал Дорий. — Но с каждым днём мы удаляемся от Трои, а ты ничего не объясняешь.

Мужчина не повернул головы.

— Иногда дорога к правде начинается с того, что человек перестаёт задавать вопросы тем, кто не готов на них отвечать.

— Ты говоришь так же, как мой отец.

— Возможно, поэтому я и советую тебе не повторять его ошибок.

Дорий придержал коня.

— Ты знаешь Агенора?

— Знал. Когда-то мы оба считали, что служим одному делу.

— А теперь?

— Теперь я знаю, что некоторые люди готовы принести в жертву всё, лишь бы не признать, что ошиблись.

Дорий посмотрел на него с недоверием.

— И ты считаешь, что мой отец именно такой?

— Я считаю, что твой отец ещё может сделать выбор. Но времени у него осталось немного.

Впереди показались развалины небольшого святилища. Отряд остановился у каменной стены, покрытой мхом. Из-за колонн вышел старик с посохом. Он внимательно осмотрел прибывших и задержал взгляд на Дории.

— Значит, это он, — произнёс старик.

— Да, — ответил мужчина в плаще. — Сын человека, который слишком поздно понял цену молчания.

— А мать?

Дорий шагнул вперёд.

— Я хочу знать, что вы собираетесь сказать о моей матери. И почему все вокруг считают, что имеют право говорить обо мне так, словно меня самого здесь нет.

Старик долго смотрел на него, а затем пригласил в святилище.

— Потому что ты вырос среди людей, которые боялись твоего рождения. Но теперь пришло время узнать, почему этот страх оказался сильнее их совести.

Дорий вошёл первым. Мужчина в плаще задержался у входа и оглянулся на восток, откуда тянулась дорога к Трое. Он понимал, что события развиваются быстрее, чем предполагали оставшиеся хранители. Возвращение Лаомедонта разрушило прежнее равновесие, а исчезновение Агенора могло означать начало новой борьбы внутри самого древнего совета.

В это же утро Ликон покинул свой дом и направился к западным воротам. Он не знал, удастся ли ему добраться до человека, чьё имя было записано на пергаменте, прежде чем за ним начнут охоту. Но он знал другое: обещание, данное Клеомене, больше нельзя было исполнять буквально. Она просила его сохранить жизнь её сыну и избавить мальчика от наследия, которое могло погубить его. Однако сын вырос, и теперь его прошлое само шло ему навстречу. Ликон остановился у старой каменной лестницы, ведущей к храму Аполлона, и впервые за много лет произнёс вслух имя, которое так долго хранил в тайне. Это было имя человека, от которого второй младенец получил свою кровь, и оно могло изменить не только судьбу двух наследников, но и саму историю Трои.

Глава восемнадцатая. Чужая кровь

Ликон произнёс имя почти шёпотом, словно боялся, что даже камни древнего храма способны передать его тем, кто много лет искал человека, носившего это имя. Затем он оглянулся. У входа никого не было, только ветер шевелил сухие листья, занесённые на ступени, да вдали слышались голоса торговцев, открывавших свои лавки. Город жил обычной утренней жизнью, не подозревая, что где-то совсем рядом уже решается судьба, от которой вскоре может зависеть его существование.

Ликон вошёл в храм. Старый жрец, служивший здесь ещё при прежнем царе, узнал его не сразу. Он постарел, осунулся, почти ослеп, но память сохранила в нём удивительную точность.

— Ты всё-таки вернулся, — сказал он, когда Ликон приблизился к алтарю.

— Я не мог оставаться вдали.

— Значит, тот, кого ты охранял, теперь знает?

— Нет. И я не уверен, что ему следует узнать всё сразу.

Жрец покачал головой.

— Ты снова пытаешься решать за другого человека. Так поступали и те, кто погубил Клеомену.

Ликон сжал губы.

— Не произноси её имя так, словно знаешь, что она пережила.

— Я знал её задолго до того, как ты получил поручение. Она приходила сюда молиться за ребёнка, которого ещё не видела. Она боялась не смерти, Ликон. Она боялась, что сын вырастет и однажды возненавидит её за то, что она скрыла от него правду.

— Она хотела, чтобы он жил.

— Да. Но жизнь, построенная на чужой лжи, не всегда становится спасением.

Ликон отвернулся к алтарю. Ему нечего было возразить. Он слишком хорошо помнил тот день, когда Клеомена передала ему младенца. Она была измучена, но держалась спокойно. Попросила только об одном: чтобы сын никогда не стал орудием в борьбе за власть. Она не сказала, что ему следует забыть своё происхождение навсегда. Это решение Ликон принял сам, опасаясь, что однажды мальчик окажется перед выбором, которого не должен был знать в детстве.

— Мне нужно встретиться с ним, — произнёс Ликон.

— С кем?

— С человеком, чьё имя я только что назвал.

Жрец медленно поднял голову.

— Ты уверен, что он жив?

— Я получил подтверждение.

— Тогда будь осторожен. Если этот человек узнает, что второй наследник найден, он может попытаться исправить то, что когда-то не сумел исправить.

— Или уничтожить всё, что осталось.

Жрец не ответил. В его молчании было больше тревоги, чем в любом предупреждении.

Гектор и Парис тем временем достигли восточной дороги. Они ехали без пышного сопровождения, взяв с собой лишь нескольких проверенных воинов. На окраине небольшого селения братья остановились у колодца. Женщина, набиравшая воду, узнала царевича Париса и поклонилась, но Гектор попросил её не беспокоиться.

— Мы ищем людей, которые проходили здесь ночью, — сказал он. — Возможно, они направлялись к старому святилищу.

Женщина насторожилась.

— Проходили. Их было много. Некоторые остались у мельницы, другие пошли дальше, к холмам.

— Они причинили кому-нибудь вред?

— Нет. Но один из них спрашивал дорогу к дому старого гончара. Он сказал, что ищет родственника.

Парис обменялся взглядом с Гектором.

— Как он выглядел?

— Молодой. Лет двадцати пяти, может быть, немного старше. У него был шрам над бровью.

— Дорий, — тихо произнёс Парис.

— Ты его знаешь? — спросила женщина.

— Мы встречались.

Гектор поблагодарил её и направился к лошадям. Парис задержался.

— Скажи, он был один?

— Нет. С ним ехал человек в тёмном плаще. Он почти не разговаривал, но остальные слушались его.

— Ты слышала, как его называли?

Женщина задумалась.

— Кажется, старший из воинов назвал его господином Северием.

Парис вернулся к брату.

— Нам нужно торопиться. Дорий не просто сопровождает кого-то. Возможно, его используют, чтобы добраться до второго наследника.

— Или он сам ищет правду, — ответил Гектор. — Не забывай, что он сын Агенора. Ему есть что выяснить.

— Если бы я вырос, зная, что мой отец причастен к гибели людей и сокрытию чужой судьбы, я тоже отправился бы искать ответы.

— Тогда постарайся не забывать об этом, когда встретишь его.

Братья продолжили путь. За селением дорога поднималась к холмам, покрытым редким кустарником. На вершине одного из них виднелись развалины древнего святилища. Гектор остановил коня и внимательно осмотрел окрестности.

— Смотри, — сказал он.

У обочины лежал сломанный наконечник копья. Рядом в пыли сохранились следы нескольких лошадей.

— Они прошли здесь недавно, — заметил Парис.

— И не пытались скрыть следы. Значит, не боятся преследования.

— Или хотят, чтобы мы нашли их.

Гектор кивнул. Он приказал двум воинам остаться позади и предупредить остальных, если появится неизвестный отряд. Сам же вместе с Парисом направился к святилищу.

Внутри развалин Дорий стоял перед стариком, который представился ему как Феокл. На стенах ещё сохранились изображения древних царей, хотя лица многих были повреждены временем. В центре помещения находилась каменная плита с двумя высеченными львами.

— Ты сказал, что знаешь мою мать, — произнёс Дорий. — Но я хочу услышать не воспоминания, а правду.

Феокл опёрся на посох.

— Твоя мать была женщиной, которую любили и боялись одновременно. Она принадлежала к роду, связанному с древним советом хранителей крови. Её звали Эрифила, и она действительно была замужем за человеком по имени Агенор.

Дорий резко поднял голову.

— Значит, всё-таки она была женой моего отца?

— Да. Но прежде чем ты сделаешь выводы, выслушай остальное. Агенор любил её, хотя его любовь постепенно превратилась в желание распоряжаться её судьбой. Когда она узнала о намерении совета использовать младенца из рода Клеомены в борьбе за власть, она отказалась повиноваться.

— Какой младенец?

— Тот, о котором теперь говорят в Трое. Второй ребёнок, появившийся на свет в ту ночь, когда Лаомедонт пытался спасти обоих наследников.

Дорий нахмурился.

— Моя мать знала о нём?

— Она знала гораздо больше, чем могла рассказать мужу. Ей удалось узнать, что некоторые члены совета намерены уничтожить ребёнка, если тот окажется вне их контроля. Она помогла Клеомене бежать и передала младенца людям, которым доверяла.

— Значит, мой отец знал?

Феокл не ответил сразу.

— Агенор узнал об этом позднее. И тогда совершил свою главную ошибку. Он решил, что сможет вернуть ребёнка совету и тем самым сохранить жизнь жене. Но Эрифила поняла, что её муж больше не способен отличить спасение от предательства.

Дорий побледнел.

— Что с ней случилось?

— Она умерла не сразу. Последние дни провела в доме у моря. Перед смертью передала письмо, которое должно было попасть к тебе, когда ты станешь взрослым.

— Где оно?

Старик указал на небольшой каменный выступ у стены. Под ним лежал узкий деревянный футляр. Дорий осторожно открыл его и достал сложенный лист. Почерк был женским, тонким, немного неровным.

Он прочитал первые строки, и лицо его изменилось.

«Мой сын, если ты читаешь это письмо, значит, я не смогла сама рассказать тебе о том, что произошло. Не суди отца только по чужим словам. Он не всегда был жестоким, и когда-то я верила, что его сердце сильнее его страха. Но однажды он выбрал власть вместо правды. Я не знаю, простишь ли ты его, когда узнаешь всё. Я прошу лишь об одном: не позволяй чужой ненависти сделать тебя таким же».

Дорий опустил письмо. Несколько мгновений он молчал, затем спросил:

— А кто был отцом второго ребёнка?

Феокл посмотрел на него с тяжёлым выражением лица.

— Человек, которого в Трое называли героем. Он был близок к царскому дому, но не принадлежал к старшей ветви. Его имя исчезло из летописей по приказу тех, кто хотел сохранить равновесие между знатными родами.

— Ты знаешь его имя?

— Знаю. Но не мне решать, когда оно должно прозвучать.

— Все вокруг говорят мне, что правда опасна, — с горечью произнёс Дорий. — Вы скрываете её, словно я ребёнок. Но если она касается моей жизни, я имею право знать.

— Имеешь, — ответил Феокл. — Только помни: узнать правду — не значит сразу понять её.

В Трое Лаомедонт впервые за много лет вышел из дворца без сопровождения лекаря. Рана ещё беспокоила его, и каждый шаг давался нелегко, но он не желал больше оставаться в постели. Ему нужно было увидеть город, который он покинул молодым человеком и в который вернулся почти стариком.

Он прошёл по внутреннему двору, остановился у фонтана, где дети играли с деревянными корабликами, и долго наблюдал за ними. Один мальчик поднял голову и спросил:

— Ты царь?

Лаомедонт улыбнулся.

— Нет. Просто человек, который давно не был дома.

— А почему ты вернулся?

Старик задумался.

— Потому что здесь остались люди, которых я люблю.

Мальчик удовлетворённо кивнул и снова принялся запускать свой кораблик по воде.

Эта короткая встреча неожиданно растрогала Лаомедонта. Он понял, что за годы отсутствия представлял возвращение иначе. Ему казалось, что он войдёт в город и сразу почувствует себя дома, но стены, улицы и дворцовые залы не могли вернуть потерянного времени. Его брат состарился, сын вырос, а многие люди, которых он помнил, давно лежали в земле.

В саду его ожидал Приам.

— Ты должен отдыхать, — сказал младший брат.

— Я отдыхал слишком долго.

— Твой лекарь не согласился бы с тобой.

— Мой лекарь не провёл половину жизни вдали от собственного дома.

Приам усмехнулся, но улыбка быстро исчезла.

— Иларион рассказал мне, что в архивах сохранились сведения о человеке, который мог быть отцом второго ребёнка.

Лаомедонт остановился.

— Ты знаешь его имя?

— Нет. Но, судя по записям, он был близок к нашему отцу и пользовался доверием совета.

— Значит, он мог знать о намерении хранителей ещё до рождения детей.

— Именно поэтому я опасаюсь, что его возвращение может быть связано с теми событиями, которые мы считали давно завершёнными.

Лаомедонт посмотрел на брата.

— Приам, есть вещи, которые ты должен понять. Второй ребёнок не был угрозой для Париса. Его мать не желала власти, а его отец, кем бы он ни оказался, не обязательно участвовал в заговоре. Если мы позволим старым страхам управлять нашими решениями, то сами станем похожи на тех, кто когда-то разрушил нашу семью.

— Я не собираюсь причинять ему вред.

— Тогда, если он придёт к тебе, не заставляй его доказывать, что он достоин жить в Трое.

Приам хотел ответить, но в этот момент к ним поспешил слуга.

— Государь, прибыл посланник из Спарты. Он просит немедленной аудиенции и говорит, что привёз письмо для царя.

Приам нахмурился.

— Из Спарты? Кто его отправил?

— Царь Менелай.

Лаомедонт медленно повернул голову к брату.

— Похоже, события, происходящие здесь, уже перестали быть только троянским делом.

Елена стояла у окна, когда Мирто принесла ей небольшую корзину с тканями. На столе лежало письмо, полученное утром. Оно было без печати, но почерк показался ей знакомым. Елена прочла его дважды и только потом решилась передать служанке.

— Ты знаешь, кто мог его прислать? — спросила она.

Мирто осторожно взглянула на строки.

— Нет, госпожа. Но мне не нравится, что письмо оставили у ворот, не назвав имени посланника.

— Мне тоже.

Елена подошла к окну. Во дворе Менелай разговаривал с двумя воинами. Один из них держал в руках дорожный плащ, другой — свиток с царской печатью.

— Менелай собирается отправить посланника в Трою, — произнесла она.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышала его разговор с братом. Они говорят о Парисе, об ахейском союзе и о том, что Троя может стать опаснее, чем прежде.

Мирто осторожно спросила:

— Ты боишься возвращения Париса?

Елена долго не отвечала.

— Я боюсь не его возвращения. Я боюсь того, что люди сделают с нашей встречей. Одни захотят превратить её в любовную историю, другие — в повод для войны. Но никто не спросит, чего хочу я сама.

— А чего ты хочешь?

Елена обернулась к ней.

— Чтобы хотя бы один человек в этом мире позволил мне самой решить, кем мне быть.

Она снова взяла письмо. На этот раз взгляд остановился на последних строках:

«Человек, которого ты помнишь, жив. Но он не тот, кем ты его считала. Если хочешь узнать, почему тебя спасли в ту ночь, когда ты покинула родной дом, не доверяй никому из тех, кто говорит о мире между Троей и Спартой. Скоро ты узнаешь, что твоя судьба связана не только с Парисом, но и с ребёнком, которого однажды спрятали от всего мира».

Елена медленно опустила письмо. Теперь она понимала, что прежние события не были случайной чередой встреч и расставаний. Кто-то давно связывал её жизнь с тайной троянского престолонаследия, и этот человек, судя по всему, всё ещё находился рядом.

Она не знала, что именно ждёт её впереди, но впервые за долгое время решила не ждать чужого решения. Если ей предстояло встретиться с прошлым, она хотела встретить его не как пленница чужих замыслов, а как женщина, имеющая право на собственную судьбу. А далеко на востоке, в старом святилище, Дорий дочитывал письмо матери и ещё не знал, что вскоре ему придётся выбирать между человеком, который дал ему жизнь, и человеком, который всю жизнь пытался уберечь его от правды.

Глава девятнадцатая. Посланник из Спарты

Посланник Менелая прибыл в Трою ближе к полудню. Его сопровождали четверо воинов, одетых в дорожные плащи с вышитыми на плечах знаками Спарты. На поясе каждого висел короткий меч, а на седельных сумках были закреплены небольшие щиты. Сам посланник, мужчина лет пятидесяти с проседью в густой бороде, держался спокойно, но в его взгляде чувствовалась настороженность человека, которому поручили дело, способное изменить отношения между двумя царствами.

Приам принял его в большом зале. Рядом находились Лаомедонт, Гектор, Парис и несколько советников. Иларион тоже присутствовал, хотя его место было не среди царских

приближённых, а у стены, возле старого каменного столба, на котором хранились имена послов и правителей, когда-либо посещавших Трою.

— Я прибыл от имени царя Менелая, — начал посланник, склонив голову. — Он просит передать тебе приветствие и выразить надежду, что между нашими народами сохранятся мир и добрососедство.

— Надежда на мир всегда достойна уважения, — ответил Приам. — Особенно если она подкреплена добрыми намерениями.

Посланник принял слова царя без улыбки.

— Менелай обеспокоен тем, что в последние месяцы у побережья Малой Азии замечены корабли, принадлежащие неизвестным вооружённым отрядам. Некоторые из них заходили в гавани, не предъявляя торговых разрешений. Другие, по сведениям наших наблюдателей, перевозили оружие.

Гектор слегка наклонился вперёд.

— И что именно беспокоит Спарту? Само появление этих кораблей или то, что они приближаются к Трое?

— И то и другое. Менелай считает, что подобные действия могут привести к столкновению, которого ни одна из сторон не желает.

Парис усмехнулся.

— Странно слышать подобные слова от человека, прибывшего из царства, которое давно готовится к войне.

Посланник посмотрел на него.

— Ты царевич Парис?

— Да.

— Тогда, вероятно, тебе известно, что царь Менелай помнит о твоём путешествии в Спарту.

В зале стало тише. Приам поднял руку, предупреждая сына, чтобы тот не отвечал поспешно.

— Мы не собираемся обсуждать личные обстоятельства царских семей, — сказал он. — Если у Менелая есть конкретное предложение, я готов его выслушать.

Посланник вынул из дорожной сумки запечатанный свиток.

— Менелай предлагает провести встречу представителей Спарты, Микен и Трои. Место встречи ещё предстоит определить. Он считает, что нынешняя напряжённость может быть устранена переговорами, если стороны проявят достаточно благоразумия.

Гектор обменялся взглядом с отцом. Предложение выглядело разумным, но появилось в слишком странное время. Троя только что пережила череду событий, связанных с тайным советом, исчезновением Агенора и возвращением Лаомедонта. Теперь Спарта неожиданно предлагала переговоры, одновременно упоминая корабли и вооружённые отряды.

— Мы рассмотрим предложение, — сказал Приам. — Но прежде я хотел бы знать, почему Менелай обратился именно сейчас.

Посланник выдержал короткую паузу.

— Потому что в Спарте появились сведения о человеке, который может быть связан с событиями, происходящими в Трое. Его имя — Северий.

Иларион едва заметно изменился в лице. Лаомедонт заметил это и посмотрел на старого архивариуса.

— Ты знаешь этого человека? — спросил он.

Иларион не сразу ответил.

— Я слышал это имя много лет назад. Но тогда оно принадлежало человеку, которого считали погибшим.

— Кем он был? — спросил Приам.

— Одним из доверенных лиц прежнего царя. Он сопровождал царских посланников, участвовал в переговорах и имел доступ к записям совета. После кораблекрушения, в котором исчез Лаомедонт, его имя больше не встречалось в троянских документах.

Лаомедонт медленно поднялся.

— Северий был на том корабле.

Иларион повернулся к нему.

— Ты уверен?

— Я помню его. Он стоял рядом с моим отцом в день, когда мы покидали Трою. Я думал, что он погиб вместе с остальными.

Приам нахмурился.

— Значит, человек, которого мы считали мёртвым, теперь находится в наших краях и, возможно, руководит людьми, разыскивающими второго ребёнка.

— Или пытается его защитить, — неожиданно произнёс Парис.

Все посмотрели на него.

— Мы пока не знаем, чего хочет Северий. Если он действительно был близок к нашему отцу, возможно, он знает то, чего не знаем мы.

— Именно поэтому его нужно найти, — сказал Гектор. — Но не следует заранее считать его другом.

Приам приказал разместить посланника во дворце и подготовить ответ Менелаю. Затем попросил Илариона остаться. Остальные покинули зал, и только Лаомедонт задержался у дверей.

— Брат, — произнёс он, — я должен рассказать тебе кое-что о Северии.

Приам обернулся.

— Ты знаешь, где он был все эти годы?

— Нет. Но перед отплытием он говорил мне, что в Трое существует человек, которому нельзя доверять даже после смерти. Тогда я не понял его слов. Теперь начинаю думать, что он имел в виду не одного человека, а целый круг людей, которые умели исчезать и возвращаться, когда это было им выгодно.

В старом святилище Дорий всё ещё держал в руках письмо матери. Он перечитал его несколько раз, пытаясь найти в неровных строках объяснение тому, почему Агенор, которого он знал как отца, оказался связан с тайной, существовавшей задолго до его рождения.

Феокл не торопил его.

— Ты говорил, что мать умерла у моря, — наконец произнёс Дорий. — Где находится её могила?

— На старом кладбище за западной дорогой. Её похоронили там без царских почестей, хотя она происходила из древнего рода.

— Почему?

— Так пожелал Агенор. Он сказал, что не хочет привлекать внимание к её смерти.

— А ты поверил?

Старик тяжело вздохнул.

— Я тогда был моложе и считал, что служу справедливому делу. Позднее понял, как легко человек может оправдывать чужую жестокость, если боится потерять своё место.

Дорий сложил письмо и спрятал его за пазуху.

— Я хочу увидеть её могилу.

— Ты сможешь. Но сначала должен встретиться с тем, кто знает правду об отце второго ребёнка.

— Это Северий?

Феокл поднял глаза.

— Кто назвал тебе это имя?

— Мужчина, который привёл меня сюда. Он сказал, что мы должны ждать.

— Тогда он знает больше, чем я предполагал.

В этот момент снаружи послышался конский топот. Один из воинов вошёл в помещение и сообщил, что к святилищу приближаются двое всадников.

Феокл выглянул из-за колонны.

— Они из Трои.

Дорий подошёл к входу и увидел на дороге Гектора и Париса. Оба спешились неподалёку от развалин. Гектор держал руку на рукояти меча, но не обнажал его.

— Дорий! — позвал Парис.

Молодой человек вышел навстречу.

— Ты следил за мной?

— Мы искали тебя. Твой отец исчез, а люди, связанные с ним, появляются возле наших поселений. Мы хотим понять, что происходит.

— А если я не хочу возвращаться?

— Тогда мы не станем тащить тебя силой, — ответил Парис. — Но нам нужно поговорить.

Гектор подошёл ближе.

— Ты знаешь, где находится Агенор?

— Нет.

— Ты видел человека по имени Северий?

Дорий насторожился.

— Возможно. А зачем он вам?

Гектор коротко рассказал о посланнике Менелая и о том, что Северий может быть связан с событиями, происходившими много лет назад. Дорий слушал внимательно, но чем больше узнавал, тем сильнее мрачнел его взгляд.

— Значит, все эти люди снова собрались вокруг одного тайного дела, — сказал он. — А я, как всегда, должен довольствоваться тем, что мне позволят услышать.

Парис посмотрел на него с сочувствием.

— Я понимаю, что ты чувствуешь.

— Не думаю. Тебе хотя бы дали семью, имя и место во дворце. Ты вырос среди людей, которые любили тебя. А я теперь не знаю, кем был мой отец и почему моя мать умерла.

— Я тоже узнал, что моё происхождение скрывали. Но это не означает, что люди, которые меня растили, любили меня меньше.

Дорий отвернулся.

— Возможно. Только мне никто не объяснил, кого именно я должен считать своей семьёй.

Из святилища вышел Феокл.

— Молодые люди, если вы пришли искать Северия, вам следует знать: он уже покинул это место.

— Куда он направился? — спросил Гектор.

— К морю. Он собирался встретиться с человеком, который много лет скрывался от троянского совета.

— С кем?

Феокл посмотрел на Париса, затем на Дория.

— С отцом второго ребёнка.

В тот же вечер в Спарте Менелай пригласил Агамемнона на беседу. В зале горели светильники, а на столе лежали карты побережья и донесения разведчиков. Агамемнон стоял у окна, разглядывая двор, где воины тренировались перед ночной сменой.

— Ты отправил посланника в Трою, не посоветовавшись со мной, — произнёс он.

— Я не обязан согласовывать с тобой каждое решение.

— Когда речь идёт о Трое, обязан. Мы давно договорились, что этот город не должен становиться препятствием для наших планов.

Менелай налил себе вина, но пить не стал.

— Я не хочу войны, которую невозможно будет закончить.

Агамемнон повернулся.

— А я не хочу, чтобы ты позволил личным чувствам ослепить себя. Парис увёз Елену или, по крайней мере, нарушил порядок, который существовал между нашими домами. Ты можешь называть это недоразумением, но другие цари назовут это оскорблением.

— Елена не вещь, которую можно увезти или вернуть по требованию.

— Ты говоришь как муж, который боится потерять жену. Но царю приходится думать о другом.

— Я и думаю о другом. Если мы соберём войска и двинемся на Трою, никто не сможет гарантировать, что война ограничится одним городом. У троянцев есть союзники, богатые земли и сильные укрепления. Они не сдадутся после первого поражения.

Агамемнон подошёл к столу.

— Ты слишком высоко оцениваешь их возможности. Троя сильна стенами, но её правители погрязли в собственных тайнах. Именно сейчас они уязвимы.

— Откуда тебе известно о тайнах Трои?

Агамемнон не ответил сразу.

— У меня есть люди, которые умеют слушать.

Менелай внимательно посмотрел на брата.

— Ты знаешь о возвращении Лаомедонта?

— Слышал.

— И о втором ребёнке?

На этот раз Агамемнон поднял глаза.

— Значит, сведения дошли и до тебя.

— Я хочу знать, откуда они пришли.

— Это не имеет значения. Важно другое: если в Трое существует второй наследник, способный оспорить старые договорённости, мы должны понимать, кто будет править городом после смерти Приама.

Менелай отодвинул карту.

— Ты уже думаешь о том, как использовать их внутреннюю борьбу.

— Я думаю о безопасности ахейских царей.

— Иногда мне кажется, что ты называешь безопасностью всё, что позволяет тебе распоряжаться чужими судьбами.

Агамемнон холодно улыбнулся.

— А иногда мне кажется, что ты забыл, каким должен быть царь.

Он направился к выходу, но у дверей остановился.

— Кстати, я советую тебе поговорить с Еленой. Возможно, она знает о человеке по имени Северий больше, чем ты предполагаешь.

Менелай резко обернулся.

— Почему ты считаешь, что она должна его знать?

— Потому что некоторые люди появляются в жизни женщины задолго до того, как она становится женой царя. И не всегда они забывают о своих обещаниях.

Агамемнон вышел, оставив брата наедине с картами и тревожными мыслями.

Ночью в Трое Иларион вновь спустился в архив. Он не мог избавиться от воспоминания о Северии. Перед ним возникал молодой мужчина с ясным взглядом, который когда-то сопровождал Лаомедонта и помогал ему вести переписку с представителями древнего совета.

Северий никогда не стремился к власти, но знал слишком много, чтобы оставаться обычным служителем царского дома.

Архивариус открыл старый сундук и достал кожаный свиток, перевязанный выцветшей лентой. Внутри находилась копия договора, заключённого между несколькими знатными родами за год до великого кораблекрушения. Иларион прочёл имена подписавших, затем остановился на одной строке.

Там стояло имя Северия, а рядом — имя человека, которого он не ожидал увидеть.

Это был прежний верховный жрец Трои, умерший задолго до возвращения Лаомедонта.

Иларион перечитал запись. Если документ был подлинным, значит, Северий действовал не один. За ним стоял человек, который официально давно покинул этот мир, но оставил после себя достаточно последователей, чтобы его воля продолжала исполняться.

Архивариус перевернул свиток и обнаружил на обороте короткую надпись, сделанную другой рукой:

«Два ребёнка должны вырасти вдали друг от друга. Один получит имя, другой — силу. Когда придёт время, они встретятся, и только тогда станет ясно, кому принадлежит будущее Трои».

Иларион почувствовал, как по спине пробежал холод. Он понял, что всё это время они искали не просто второго наследника. Кто-то готовил встречу двух молодых людей задолго до того, как они сами узнали о своём происхождении.

Он свернул документ и направился к покоям Приама. Но, выйдя из архива, заметил в конце коридора едва различимую тень. Человек стоял возле открытой двери, а затем бесшумно исчез за поворотом.

Иларион поспешил следом, однако коридор оказался пуст. На полу лежал небольшой предмет — бронзовое кольцо с изображением двух львов. Архивариус поднял его и сразу узнал старый знак тайного совета.

Кольцо было тёплым, словно его только что держали в руке.

Иларион крепко сжал его в ладони. Теперь он уже не сомневался, что кто-то из хранителей крови находился во дворце и следил за каждым их шагом. А если надпись на свитке не была ложью, то Парис и второй наследник с самого рождения предназначались для встречи, смысл которой мог оказаться страшнее самой войны.

Глава двадцатая. Клятва двух наследников

Иларион не стал сразу будить Приама. Он вернулся в архив, запер дверь и положил бронзовое кольцо рядом со старым договором. Теперь ему предстояло выяснить, кому принадлежал знак и почему его оставили именно здесь. Кольцо было тяжёлым, искусно выполненным, с двумя львами, обращёнными друг к другу. Между их головами находился небольшой камень тёмно-красного цвета. Архивариус поднёс его к светильнику и заметил на внутренней стороне ободка едва различимые буквы.

Он долго всматривался, пока не разобрал короткую надпись: «Верность выше крови».

Эти слова заставили его вспомнить давнюю историю, которую рассказывал прежний хранитель дворцового архива. Когда-то существовала особая группа людей, обязавшихся охранять царский род даже в том случае, если сами цари нарушат древние законы. Они называли себя не советом, а братством. Совет лишь представлял их интересы перед правителями. Никто не знал, сколько членов братства оставалось в живых и существовало ли оно теперь вообще.

Иларион понял, что найденное кольцо могло принадлежать не простому участнику совета, а одному из тех, кто давал древнюю клятву.

Он спрятал кольцо и направился к покоям Лаомедонта. Старший брат Приама ещё не спал. Он сидел у открытого окна, положив рядом меч, и смотрел на ночной город.

— Ты не отдыхаешь, — заметил архивариус.

— После возвращения я слишком долго спал, — ответил Лаомедонт. — Теперь мне кажется, что если я закрою глаза, то снова окажусь на том корабле.

Иларион сел напротив.

— Я нашёл документ, который может объяснить, почему второй ребёнок был так важен для хранителей крови.

Лаомедонт внимательно выслушал его рассказ, затем взял кольцо и долго рассматривал.

— Я видел такой знак прежде.

— Где?

— На руке человека, который сопровождал нашего отца во время последних переговоров с советом. Его звали Артемон. Он был старше нас, обладал большим влиянием, но никогда не появлялся на открытых заседаниях. Отец говорил, что Артемон служит не царю, а древнему закону.

— Ты знаешь, что с ним стало?

— После смерти отца он исчез. Некоторые говорили, что уехал на острова, другие — что его убили. Но я никогда не верил в его смерть.

Иларион достал свиток.

— Здесь сказано, что два ребёнка должны были вырасти вдали друг от друга. Один получит имя, другой — силу. Как ты понимаешь эти слова?

Лаомедонт нахмурился.

— Возможно, это не просто наследники. Один должен был получить право на престол, другой — влияние среди тех, кто управляет войском и советом. Если они объединятся, их положение станет почти неоспоримым.

— А если их заставят враждовать?

Старший брат Приама поднял глаза.

— Тогда Троя получит двух претендентов вместо двух защитников.

Они долго молчали. За окном шумел ночной ветер, и где-то вдалеке перекликались часовые.

— Я должен поговорить с Парисом, — наконец произнёс Лаомедонт. — Он обязан знать, что его происхождение может быть частью чужого замысла. Но я не хочу, чтобы он воспринимал второго ребёнка как соперника.

— Я тоже этого не хочу, — сказал Иларион. — Однако нам следует подумать, почему совету понадобилось сохранить обоих младенцев, а не устранить одного из них.

— Потому что даже самые жестокие люди иногда понимают, что будущее нельзя полностью подчинить своей воле.

На рассвете Гектор и Парис вернулись во дворец вместе с Дорием. Молодой человек согласился приехать в Трою, но предупредил, что не намерен становиться пленником ни Приама, ни Гектора. Его интересовала только правда о матери и о людях, которые распоряжались судьбами детей, пока те ещё не умели произносить собственные имена.

Гекуба распорядилась приготовить для него отдельные покои и приказала слугам не задавать лишних вопросов. Когда Дорий вошёл в отведённую ему комнату, он остановился у окна. Отсюда открывался вид на внутренний сад, где росли старые кипарисы и цвели кусты мирта.

— Здесь тихо, — произнёс он.

— Во дворце бывает тихо только до тех пор, пока кто-нибудь не приносит новую весть, — ответил Парис.

Дорий впервые за долгое время улыбнулся.

— Ты всегда так разговариваешь?

— Только когда пытаюсь успокоить человека, который явно не желает успокаиваться.

— Тогда у тебя плохо получается.

— Знаю.

Парис оставил его одного, но перед уходом сказал, что вечером они смогут поговорить с Иларионом. Дорий хотел узнать больше о матери, а архивариус обещал показать ему некоторые записи, если удастся установить их подлинность.

Во дворе Гектор ожидал брата.

— Ты слишком быстро доверяешь ему, — сказал он.

— Я не доверяю ему полностью. Но он не похож на человека, который ищет власть.

— Агенор тоже когда-то не казался опасным.

— Мы не можем судить сына по поступкам отца.

Гектор посмотрел на него с лёгкой улыбкой.

— Ты говоришь это так, словно давно готовился к подобному разговору.

— Возможно, потому что всю жизнь слышал, что я должен быть кем-то другим.

Гектор положил руку ему на плечо.

— Для меня ты всегда был Парисом. И мне не нужно знать, чья кровь течёт в твоих жилах, чтобы помнить, как мы росли вместе.

Парис ничего не ответил. Он знал, что брат говорит искренне, но после последних событий эти простые слова имели для него особую ценность.

В тот же день Ликон добрался до небольшого поселения у моря. Здесь когда-то находилась усадьба одного из доверенных людей Клеомены. Дом давно был заброшен, однако за его стенами ещё сохранялся старый колодец, а возле сада росло оливковое дерево, посаженное много лет назад.

Ликон постучал в деревянную дверь. Ему открыл мужчина с седыми волосами и глубоким шрамом на щеке.

— Я ждал тебя, — сказал незнакомец.

— Ты знаешь, зачем я пришёл?

— Знаю. Но прежде чем мы начнём разговор, скажи: мальчик жив?

— Он вырос. И теперь его ищут люди, которые должны были забыть о его существовании.

Старик опустил голову.

— Значит, время пришло.

Он пропустил Ликона внутрь. В комнате стоял простой стол, две скамьи и небольшой сундук. На стене висел старый щит, покрытый следами ударов. Ликон узнал его: когда-то такой щит носил человек, которого считали одним из лучших воинов царского дома.

— Ты всё ещё хранишь его оружие? — спросил он.

— Некоторые вещи невозможно выбросить, даже если они напоминают о потерянной жизни.

Старик открыл сундук и достал свёрнутую ткань. Внутри лежала бронзовая застёжка с изображением орла.

— Это принадлежало его отцу, — произнёс он.

Ликон осторожно взял застёжку.

— Значит, ты всё-таки сохранил её.

— Я сохранил не только её. У меня есть письмо, которое он написал перед тем, как исчезнуть.

— Почему ты не передал его Клеомене?

— Потому что она сама просила не искать мужа. Она считала, что его возвращение принесёт ребёнку больше опасности, чем его отсутствие.

Ликон поднял глаза.

— Ты хочешь сказать, что отец второго наследника жив?

Старик долго молчал, затем произнёс:

— Я не знаю. Но перед исчезновением он оставил мне обещание, что однажды вернётся и сам расскажет сыну правду. Он не назвал ни даты, ни места. Только сказал, что если мальчик вырастет и начнёт задавать вопросы, значит, настало время исполнить его последнюю просьбу.

— Какую?

— Найти Северия и передать ему знак орла.

Ликон медленно положил застёжку на стол.

— Тогда Северий всё это время знал, где находится ребёнок.

— Возможно, он знал больше, чем мы оба.

— И почему же он не пришёл раньше?

Старик посмотрел на него с усталой грустью.

— Потому что иногда человек ждёт не подходящего времени, а момента, когда перестанет бояться последствий.

Вечером Иларион собрал в малом зале Приама, Лаомедонта, Гектора, Париса и Дория. Он положил на стол старый свиток, бронзовое кольцо и найденную в архиве запись.

— Я хочу, чтобы вы внимательно выслушали меня, — начал он. — Долгое время мы считали, что второй ребёнок был нужен хранителям крови только как запасной наследник. Но теперь я думаю, что дело было сложнее. Они не собирались просто заменить одного царевича другим. Их замысел предполагал союз двух людей, каждый из которых должен был обладать собственной силой и собственным правом.

— Но почему они не могли просто рассказать нам об этом? — спросил Парис.

— Потому что дети должны были вырасти независимо друг от друга. Иначе их воспитание могло превратиться в борьбу за влияние ещё до того, как они научились бы понимать происходящее.

Дорий внимательно смотрел на старый документ.

— А если один из них не захочет участвовать в этом замысле?

— Тогда, возможно, именно этого и боялись хранители, — ответил Иларион. — Свободная воля наследников могла разрушить все их расчёты.

Приам поднялся.

— Я не позволю никому решать за моих сыновей, кем им быть и какую судьбу принимать.

— Тогда нужно узнать, кто ещё сохранил влияние в этом братстве, — сказал Гектор. — И найти Северия прежде, чем он встретится с тем, кого мы ищем.

Дорий вдруг поднял голову.

— Я хочу задать один вопрос.

— Говори, — ответил Лаомедонт.

— Если второй ребёнок был сыном Клеомены, то кем был его отец? Почему его имя скрывали даже от тех, кто спасал младенца?

В зале наступила тишина. Иларион посмотрел на Лаомедонта, затем на Приама.

— Есть основания полагать, что его отец принадлежал к царскому окружению и имел право претендовать на особое место в древнем совете. Но точного имени я пока не установил.

— А если он был врагом Трои? — спросил Дорий.

— Тогда его сын всё равно не виновен в поступках отца, — ответил Парис.

Дорий посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты всегда так легко прощаешь?

— Нет. Но я не хочу начинать свою жизнь с ненависти к человеку, которого даже не знаю.

Лаомедонт медленно поднялся и подошёл к столу.

— Я тоже хочу сказать кое-что. Когда я покидал Трою, мне было известно, что среди хранителей есть люди, которые не желают видеть моего сына на престоле. Я думал, что второй ребёнок станет для них лишь средством давления на нашу семью. Но теперь понимаю:

возможно, они готовили не борьбу за престол, а испытание, исход которого должен был определить будущее всего города.

— Какое испытание? — спросил Приам.

— Я не знаю. Но помню слова нашего отца. Он однажды сказал мне: «Настоящий наследник узнаётся не по тому, сколько людей готово преклониться перед ним, а по тому, сколько жизней он сумеет сохранить, когда ему дадут власть».

Парис посмотрел на Дория. Тот стоял неподвижно, словно пытался понять, почему эти слова вызывают у него странное чувство узнавания.

В этот момент дверь распахнулась, и в зал вошёл стражник.

— Государь! У западных ворот обнаружен человек. Он утверждает, что прибыл от имени Северия и должен немедленно передать послание Парису и Дорию.

— Почему только им? — спросил Гектор.

— Он отказался говорить с кем-либо другим.

Приам нахмурился.

— Приведите его.

Через несколько минут в зал вошёл высокий мужчина в дорожной одежде. Его лицо было скрыто капюшоном, а руки связаны за спиной. Стражники сообщили, что задержали его после того, как он попытался пройти к дворцу без разрешения.

Мужчина поднял голову и посмотрел сначала на Париса, затем на Дория.

— Я принёс вам не письмо, — произнёс он. — Я принёс то, что ваши отцы обещали друг другу задолго до вашего рождения.

Он освободил руки и достал из-за пояса две небольшие бронзовые пластины. На каждой был изображён лев. Но на одной лев смотрел влево, а на другой — вправо.

— Это знаки двух ветвей, — прошептал Иларион.

Незнакомец положил пластины на стол.

— Северий просит передать: если вы хотите узнать правду о своём происхождении, завтра на рассвете приходите к морским воротам. Он будет ждать вас там вместе с человеком, которого вы оба считали невозможным встретить.

— Кто этот человек? — спросил Парис.

Посланник посмотрел на него.

— Тот, кто дал жизнь одному из вас и сохранил жизнь другому.

Лаомедонт резко шагнул вперёд.

— Ты говоришь о двух отцах?

— Я говорю о человеке, который знает, почему два младенца должны были вырасти порознь.

Посланник повернулся к выходу, но у самых дверей остановился и добавил:

— И ещё одно. Северий просил предупредить вас: не берите с собой войско. Завтра вам придётся встретиться не с врагами, а с правдой, которую слишком долго охраняли мечами.

Когда дверь за ним закрылась, никто не заговорил. Парис и Дорий стояли рядом, но каждый думал о своём. Один вспоминал женщину, которая воспитала его и называла сыном, другой — мать, которую почти не знал, но чьё письмо теперь хранил у сердца.

Лаомедонт смотрел на две бронзовые пластины и понимал, что настал момент, которого он боялся с той самой ночи кораблекрушения. Возможно, завтра он увидит человека, чьё имя должно было навсегда остаться забытым. А возможно, узнает, что за все эти годы они ошибались не только в судьбе второго ребёнка, но и в том, кому на самом деле принадлежало право говорить от имени древнего троянского рода.

Приам подошёл к сыновьям.

— Вы не обязаны идти туда, если не хотите.

Парис посмотрел на Дория.

— Мы пойдём.

Дорий молча кивнул.

— Тогда вы отправитесь вместе, — сказал Приам. — И запомните: никто не вправе заставить вас стать врагами только потому, что когда-то так было записано на старом пергаменте.

В ту ночь оба молодых человека долго не могли уснуть. За стенами дворца шумело море, и его далёкий гул напоминал о корабле, который много лет назад унёс из Трои тайну двух младенцев. На рассвете им предстояло узнать, почему их жизни были разделены, кто стоял за этим решением и какую цену придётся заплатить за правду. Но ещё никто из них не знал, что встреча у морских ворот станет началом события, после которого прежняя Троя уже никогда не будет прежней.

Глава двадцать первая. Человек с двумя именами

Рассвет над Троей выдался пасмурным. Низкие облака медленно двигались со стороны моря, закрывая вершины холмов, а холодный ветер гнал по улицам пыль и опавшие листья. Город ещё не проснулся окончательно, когда Парис и Дорий вышли из дворца. Они не взяли с собой вооружённого сопровождения, как просил посланник, но Гектор всё-таки настоял, чтобы неподалёку от морских ворот находились несколько надёжных воинов. Он не собирался нарушать обещание, данное брату, однако и оставлять его без защиты не желал.

— Ты уверен, что нам следует идти вдвоём? — спросил Дорий, когда они спускались по узкой дороге к пристани.

— Нет, — ответил Парис. — Но, кажется, мы уже достаточно долго позволяли другим решать, что нам следует делать.

— А если там окажется ловушка?

— Тогда хотя бы будем знать, что нас обоих пытались обмануть.

Дорий усмехнулся.

— Ты странный человек, Парис. Я ещё не решил, доверять ли тебе, а ты уже говоришь так, будто мы знакомы всю жизнь.

— Возможно, потому что нас всю жизнь связывали обстоятельства, о которых мы ничего не знали.

Они замолчали. Впереди показались морские ворота, возле которых обычно разгружали небольшие торговые суда. Сейчас пристань была почти пустой. Несколько рыбаков чинили сети, а старый лодочник вытаскивал на берег перевёрнутую лодку.

У каменной стены стоял человек в тёмном плаще. Он не скрывал лица, но его внешность трудно было запомнить: седые волосы, глубокие морщины, спокойный взгляд. Рядом с ним находился Северий.

Парис узнал его по описанию, которое слышал во дворце. Дорий тоже понял, кто перед ним, хотя прежде видел его лишь однажды, мельком.

— Вы пришли, — произнёс Северий.

— Мы хотим знать, зачем ты нас позвал, — ответил Парис.

Северий посмотрел на обоих молодых людей.

— Потому что настало время вернуть вам то, что было отнято ещё до вашего рождения.

Старик в тёмном плаще сделал несколько шагов вперёд.

— А я пришёл потому, что больше не могу позволить другим говорить за меня.

Он снял с шеи небольшой кожаный мешочек и достал оттуда бронзовую застёжку с изображением орла. Парис сразу заметил, что она похожа на одну из тех, которые хранились в царской сокровищнице.

— Кто ты? — спросил Дорий.

— Меня зовут Артемон. Когда-то я служил твоему деду, прежнему царю Трои. Позднее был одним из хранителей древнего совета. Но самое важное для вас другое: я был свидетелем событий, которые привели к исчезновению двух младенцев.

Парис внимательно посмотрел на старика.

— Ты знаешь, кто был моим отцом?

— Да. И знаю, почему тебя назвали Парисом, хотя при рождении у тебя было другое имя.

Лицо молодого царевича изменилось.

— Какое?

Артемон помолчал.

— Лаомедонт назвал тебя Александром. Это имя означало для него надежду на то, что сын однажды сможет защитить свой народ. Но после кораблекрушения, когда тебя доставили в Трою, Приам решил дать тебе другое имя, чтобы скрыть происхождение.

Парис медленно перевёл взгляд на Северия.

— Ты знал об этом?

— Знал.

— И молчал?

— Да.

— Значит, все эти годы ты позволял мне жить среди людей, не зная собственного имени.

Северий выдержал его взгляд.

— Я позволил тебе вырасти. Иногда это было единственное, что я мог сделать.

Парис отвернулся. Ему было трудно принять, что даже имя, которым его называли с детства, оказалось частью чужого решения. Однако он понимал, что не может обвинить человека, не зная всей истории.

Дорий всё это время молчал. Наконец он спросил:

— А я? Кто был моим отцом?

Артемон повернулся к нему.

— Твой отец был человеком, который однажды спас Трою от большой беды, но затем сам стал причиной многих несчастий. Его звали Эвримедонт.

Дорий нахмурился.

— Я никогда не слышал этого имени.

— Потому что его вычеркнули из официальных летописей. Он был младшим братом прежнего царя и обладал правом претендовать на особое место в совете. Но он отказался от власти ради женщины, которую любил.

— Клеомены?

— Да.

Дорий почувствовал, как у него пересохло во рту.

— Значит, мой отец был братом отца Лаомедонта?

— Не совсем. Он был двоюродным братом прежнего царя, но по крови принадлежал к той же древней ветви. Его влияние было велико, и некоторые хранители считали, что именно он должен стать следующим правителем после смерти старого царя.

Парис посмотрел на Дория.

— Тогда получается, что мы оба связаны с царским домом.

— Именно поэтому вас и разделили, — сказал Артемон. — Совет боялся, что объединение двух ветвей даст вам слишком много власти. Но он также опасался, что если вы будете знать друг о друге, то сможете разрушить его влияние.

— А где мой отец? — спросил Дорий.

Старик опустил глаза.

— Я не знаю, жив ли он. Последний раз я видел Эвримедонта в ночь кораблекрушения. Он пытался помочь Лаомедонту спасти детей. Когда корабль раскололся, мы потеряли друг друга. Позднее мне сообщили, что он погиб, но тела никто не нашёл.

Дорий отвернулся к морю. Он столько лет жил с мыслью, что его отец — Агенор, человек, которого боялся и одновременно хотел понять. Теперь ему говорили о другом мужчине,

которого он никогда не видел, и о целой истории, в которой его собственная жизнь была лишь одной из многих чужих забот.

— Агенор знал? — спросил он.

— Он знал, что ты не его сын по крови, — ответил Северий. — Но он не знал всего о твоём происхождении. Клеомена доверила тебя его семье после того, как сама была вынуждена скрыться. Эрифила согласилась растить тебя как собственного ребёнка. Агенор принял это решение, потому что любил её и хотел сохранить семью. Но со временем страх перед советом превратил его в человека, которого ты теперь знаешь.

Дорий с трудом произнёс:

— Значит, моя мать и Агенор всё-таки любили меня?

— Эрифила любила тебя как сына, — ответил Северий. — Агенор тоже любил, хотя его любовь оказалась слабее его страха.

Дорий опустил голову. Впервые за много лет он почувствовал не гнев, а печаль по людям, которых уже не мог спросить ни о чём.

Когда Парис и Дорий вернулись во дворец вместе с Артемоном и Северием, Приам уже ожидал их в малом зале. Рядом находились Лаомедонт, Гектор, Гекуба и Иларион. Последний сразу узнал старика и медленно поднялся со своего места.

— Артемон, — произнёс он. — Я думал, что ты умер.

— Многие думали так. Это оказалось полезным.

— Ты знаешь, что произошло после кораблекрушения?

— Знаю достаточно, чтобы понять: мы совершили много ошибок.

Приам смотрел на него с нескрываемым волнением.

— Ты был другом моего отца. Почему же не пришёл ко мне раньше?

— Потому что тогда ты был молодым царём, который только что потерял старшего брата и пытался удержать государство от распада. Я боялся, что правда о двух младенцах приведёт к борьбе между знатными семьями. Позднее я понял, что моё молчание только продлило эту борьбу.

— Ты не имел права решать за меня, — сказал Приам.

— Возможно. Но тогда я считал, что выполняю последнюю волю твоего отца.

Лаомедонт внимательно посмотрел на старика.

— Что именно поручил тебе наш отец?

Артемон достал из мешочка небольшую пластинку, на которой был изображён лев, держащий в лапах ветвь оливы.

— Он просил сохранить обе линии царского рода. Не допустить, чтобы одна уничтожила другую. И прежде всего — не позволить никому превратить детей в оружие против собственной семьи.

— А кто нарушил эту волю? — спросил Гектор.

— Многие. Но первым был человек, которого вы считали мудрейшим среди хранителей.

Иларион нахмурился.

— Ты говоришь о верховном жреце?

Артемон кивнул.

— Его звали Меланф. Он умер много лет назад, но перед смертью успел передать свои полномочия другим людям. Они сохранили братство и продолжили действовать от его имени. Агенор был лишь одним из тех, кого они использовали.

— Значит, за Агенором стоял кто-то другой, — сказал Парис.

— Да. Но не думай, что все участники братства были злодеями. Среди них были люди, искренне верившие, что только они способны сохранить Трою. Они боялись слабого правителя, боялись междоусобицы, боялись чужеземного влияния. Постепенно страх стал для них оправданием любых поступков.

Гекуба впервые вмешалась в разговор:

— И ради этого страха вы позволили женщинам терять детей, а детям расти без матерей и отцов?

Артемон склонил голову.

— Я не прошу прощения. Я лишь пытаюсь объяснить, как мы дошли до этого.

Гекуба посмотрела на Париса.

— Объяснения не вернут прожитых лет.

Парис подошёл к ней и осторожно коснулся её руки.

— Но они могут помочь нам не повторить прежних ошибок.

После разговора Приам приказал оставить Артемона во дворце, предоставив ему свободу передвижения, но под наблюдением стражи. Он хотел услышать от него всё, что тот знал о древнем братстве и его нынешних участниках.

Дорий попросил разрешения встретиться с Агенором, если того удастся найти.

— Я не знаю, смогу ли простить его, — сказал он Приаму. — Но хочу услышать от него самого, почему он скрывал моё происхождение.

— Мы постараемся найти его, — ответил царь.

— И ещё я хочу посетить могилу Эрифилы.

Гекуба подошла к нему.

— Я распоряжусь, чтобы тебе приготовили всё необходимое. Ты не должен идти туда один, если не желаешь.

Дорий посмотрел на неё с благодарностью. Он ожидал холодного приёма, подозрений, расспросов о его праве находиться во дворце. Но вместо этого увидел женщину, которая понимала его боль, потому что сама когда-то боялась потерять ребёнка.

Парис тем временем вышел в сад. Гектор нашёл его возле фонтана.

— Теперь ты знаешь своё настоящее имя, — сказал старший брат.

— Александр, — произнёс Парис, словно пробуя непривычное звучание. — Странно. Всю жизнь я был Парисом, а теперь мне предлагают считать, что настоящее имя принадлежит человеку, которого я никогда не знал.

— Ты можешь оставить оба имени.

— Думаешь?

— Почему нет? Александр — имя, которое дал тебе отец. Парис — имя, под которым тебя вырастили и полюбили. Одно не отменяет другого.

Парис задумался.

— А если однажды люди потребуют, чтобы я выбрал между ними?

Гектор ответил не сразу.

— Тогда выбирай не имя. Выбирай поступок, за который тебе не будет стыдно.

Они некоторое время стояли молча. В саду работали слуги, у стены играли дети, а из дворцовой кухни доносился запах свежего хлеба. Всё казалось удивительно обыденным, и именно эта обыденность помогала не забывать, ради чего вообще стоило бороться за Трою.

К вечеру Северий попросил разрешения поговорить с Парисом наедине. Они встретились в небольшом дворцовом саду, где рос старый гранат, посаженный ещё при прежнем царе.

— Я должен тебе кое-что рассказать, — начал Северий.

— Я уже понял, что ты много лет скрывал от меня правду.

— Это не единственная моя вина.

Он рассказал, что после кораблекрушения долго искал обоих детей. Одного удалось доставить в Трою, другого — передать семье, связанной с Клеоменой. Но в пути на них напали люди, служившие тайному братству. Тогда Северий решил разделить сведения о младенцах, чтобы никто не смог найти обоих одновременно.

— А Ликон? — спросил Парис.

— Ликон был одним из тех, кому я доверял. Он помогал охранять второго ребёнка, но не знал всех обстоятельств. Он обещал Клеомене, что её сын никогда не станет участником борьбы за престол.

— И теперь нарушил обещание?

— Нет. Он просто понял, что больше не может защищать человека, скрывая от него самого себя.

Парис посмотрел на закатное небо.

— А ты чего хочешь теперь, Северий? Чтобы мы с Дорием объединились и заняли места, которые когда-то принадлежали нашим предкам?

Северий покачал головой.

— Я хочу, чтобы вы сами решили, что делать со своей жизнью. Но есть одна опасность, о которой вы пока не знаете. Люди, которые ищут вас, не намерены мириться с тем, что вы встретились.

— Они могут напасть на Трою?

— Они уже готовятся. И не только они. Агамемнон собирает ахейских царей, а Менелай пытается удержать его от поспешных действий. Скоро личная история Елены и Париса станет поводом для большой войны. Те, кто много лет манипулировал судьбами людей внутри Трои, могут попытаться использовать эту войну для окончательного уничтожения царского дома.

Парис долго смотрел на него.

— Значит, мы только начинаем понимать, что происходит.

— Да. И, возможно, самое трудное ещё впереди.

В тот вечер Парис впервые рассказал Дорию о своём путешествии в Спарту, о встрече с Еленой и о том, как легко человеческое чувство может превратиться в политическое обвинение. Дорий слушал внимательно и не осуждал его. Он сам слишком хорошо знал, как чужие решения способны изменить жизнь человека ещё до того, как тот успеет сделать собственный выбор.

А далеко от Трои, в лагере возле побережья, Агамемнон получил короткое сообщение от неизвестного гонца. На небольшой восковой табличке было всего несколько строк:

«Два наследника встретились. Артемон вернулся. Северий раскрыл часть тайны. Если ничего не предпринять, братство потеряет власть над Троей».

Агамемнон прочитал сообщение и передал его своему доверенному военачальнику.

— Значит, пора действовать, — сказал он. — Подготовьте корабли. Я хочу, чтобы к следующему полнолунию наши войска были готовы к отплытию.

Он подошёл к карте и положил палец на побережье Троады.

— Если Троя сама не откроет нам ворота, мы найдём способ заставить её это сделать.

За окном темнело море. На горизонте ещё сохранялась тонкая полоса багрового света, и никто из находившихся в лагере не мог знать, что именно с этого вечера мирная жизнь двух великих царств начала стремительно приближаться к последнему закату.

Глава двадцать вторая. Когда море становится врагом

В последующие дни Троя жила в тревожном ожидании. Слухи о возвращении Лаомедонта, появлении Артемона и встрече двух наследников постепенно распространились за пределы дворца. Сначала о них говорили только приближённые царя, затем খবর дошёл до ремесленных кварталов, торговых площадей и рыбацких поселений. Люди не знали подробностей, но чувствовали, что в городе происходит нечто необычное.

На рынке спорили о том, кому теперь принадлежит право наследовать престол. Одни утверждали, что Парис, как сын старшего царевича, должен занять место отца. Другие считали, что Приам, столько лет управлявший государством, не обязан уступать власть только потому, что вернулся его старший брат. Третьи вообще не желали обсуждать царские дела, опасаясь, что подобные разговоры могут навлечь беду на их семьи.

Старый гончар по имени Деметрий, торговавший возле восточных ворот, однажды сказал соседу:

— Пусть царские родственники сами разбираются, кто из них старше и кому принадлежит корона. Мне бы хотелось только одного: чтобы мои сыновья вернулись из мастерской вечером живыми, а дочь могла спокойно выйти замуж, не опасаясь, что завтра её дом сожгут чужие воины.

Эти слова услышала Мирина, юная помощница архивариуса Илариона. Она пришла на рынок за чернилами и восковыми табличками, но задержалась, наблюдая за людьми. В последние дни она часто вспоминала слова своего наставника о том, что настоящий город состоит не из дворцов и стен, а из тех, кто просыпается утром, работает, любит, растит детей и надеется на завтрашний день.

Вернувшись во дворец, Мирина рассказала Иларионе о разговорах на рынке.

— Значит, люди уже чувствуют опасность, — сказал старик.

— Они боятся войны.

— Люди всегда боятся того, чего не могут остановить.

— А мы можем её остановить?

Иларион снял очки и посмотрел на девушку.

— Иногда достаточно одного разумного решения, чтобы избежать большой беды. Но гораздо чаще для этого требуется мужество многих людей.

Приам созвал совет. На этот раз присутствовали не только члены царской семьи, но и представители торговых домов, военачальники, старейшины городских общин и главы нескольких союзных поселений.

— Я пригласил вас не для того, чтобы обсуждать наследование престола, — начал царь. — Вопрос о будущем Трои не должен решаться тайными соглашениями. Мы обязаны знать, что происходит за пределами наших стен.

Гектор развернул карту побережья.

— Наши разведчики обнаружили несколько кораблей у островов к югу от Троады. Они не заходят в гавани, но регулярно меняют положение. По нашим сведениям, на борту находятся вооружённые люди.

— Ахейцы? — спросил один из старейшин.

— Пока неизвестно. Их суда не несут узнаваемых знаков Микен или Спарты.

— Тогда почему мы считаем их угрозой? — возразил представитель торговцев.

— Потому что они дважды пытались высадить людей на нашем побережье, — ответил Гектор. — В одном случае наши дозорные обнаружили их раньше, в другом неизвестные успели проникнуть в рыбацкое поселение.

— Может быть, это пираты?

— Возможно. Но пираты обычно ищут добычу, а эти люди задавали вопросы о дворце, архиве и наследниках.

Приам поднял руку, призывая присутствующих к тишине.

— Я не намерен начинать войну из-за подозрений. Но и позволить неизвестным людям свободно проникать в наши земли не могу. Поэтому мы усилим охрану побережья и проверку прибывающих судов. Торговля продолжится, городские ворота останутся открытыми, но военные посты будут усилены.

Один из старейшин поднялся.

— Государь, народ должен знать, что происходит с царским домом. Слухи уже распространяются, и если мы не объясним людям правду, её место займут выдумки.

Приам посмотрел на Лаомедонта.

— Думаю, пришло время сказать им хотя бы часть правды.

Старший брат поднялся со своего места.

— Я не вернулся, чтобы отнимать у Приама власть. Он управлял Троей многие годы, защищал её и сохранил после того, как я исчез. Я вернулся как член нашей семьи, как отец Париса и как человек, который хочет увидеть, что его город продолжает жить. Между мной и братом нет борьбы за престол.

Зал постепенно успокоился.

— Что касается моего сына, — продолжил Лаомедонт, — его происхождение больше не должно быть предметом тайных разговоров. Он мой сын, но он также сын той женщины, которая растила его во дворце. Я не собираюсь отнимать у него прошлое ради восстановления своего.

Гекуба едва заметно улыбнулась.

Парис поднялся следом.

— Я не собираюсь требовать от Трои корону только потому, что узнал имя своего отца. Я люблю этот город и не хочу, чтобы его жители страдали из-за споров о моём происхождении. Если однажды мне придётся принять ответственность за его судьбу, я сделаю это ради людей, а не ради титула.

Гектор посмотрел на брата. Он знал, что эти слова дались Парису нелегко.

Дорий тоже поднялся.

— Я не прошу признать меня наследником. Я ещё не знаю, кем был мой отец и что он совершил. Но хочу, чтобы меня перестали использовать в чужих замыслах. Я не стану ни орудием Агенора, ни орудием древнего совета.

Его слова вызвали заметное волнение среди присутствующих. Некоторые старейшины переглянулись, но никто не возразил.

Впервые за долгие годы два человека, которых тайное братство собиралось противопоставить друг другу, выступили рядом и заявили о собственном праве решать свою судьбу.

В тот же день Елена получила приглашение на прогулку от Менелая. Она не любила такие приглашения, особенно когда муж заранее выбирал время и место, не спрашивая её мнения. Однако на этот раз она решила согласиться.

Они встретились в саду возле небольшого пруда. Менелай выглядел усталым. Последние дни он почти не спал, постоянно принимал посланников и обсуждал с военачальниками положение на море.

— Ты хотел поговорить со мной? — спросила Елена.

— Да. Агамемнон считает, что ты знаешь человека по имени Северий.

Елена остановилась.

— Кто рассказал ему обо мне?

— Не знаю. Но он уверен, что между вами существует какая-то связь.

— Возможно, он знает больше, чем говорит.

Менелай внимательно посмотрел на неё.

— Ты встречалась с Севериями раньше?

— Я встречалась с человеком, который спас мне жизнь. Он не назвал своего настоящего имени. Тогда я была совсем молодой и не понимала, почему он так настойчиво просил меня никому не рассказывать о нашей встрече.

— Когда это произошло?

— До нашего брака. Я возвращалась из храма, когда на дороге появились вооружённые люди. Они хотели увезти меня. Один из них схватил меня за руку, но незнакомец вмешался и помог мне скрыться. Он был ранен, однако отказался принять помощь и исчез до того, как прибыли мои сопровождающие.

— И ты никогда не рассказывала мне об этом?

Елена посмотрела на мужа.

— Я пыталась. Но ты тогда был занят подготовкой к нашей свадьбе и почти не слушал. А позднее мне показалось, что эта история не имеет значения.

Менелай опустил голову.

— Возможно, я действительно не умел слушать.

— Менелай, я не хочу обвинять тебя во всём. Но я должна знать, почему вокруг моей жизни столько людей, которые будто бы заранее знали, что однажды я стану причиной чужой войны.

— Ты не причина войны, Елена.

— Тогда почему Агамемнон говорит обо мне так, словно я уже принадлежу его планам?

Менелай не ответил. Он понимал, что брат давно перестал воспринимать её как самостоятельного человека. Для Агамемнона Елена была не столько женщиной, сколько символом, вокруг которого можно объединить ахейских царей.

— Я не позволю ему распоряжаться тобой, — наконец произнёс Менелай.

Елена посмотрела на него с осторожной надеждой.

— Тогда начни с того, чтобы не позволять ему распоряжаться тобой.

На морском побережье тем временем произошла встреча, которой Северий опасался больше всего. Человек в тёмном плаще прибыл в небольшой рыбацкий дом, расположенный за пределами основных поселений. Его встретил Агенор.

Бывший советник выглядел постаревшим. Лицо осунулось, глаза были воспалены от бессонницы, а на руках виднелись следы недавней драки.

— Ты опоздал, — сказал Агенор.

— Я не обязан приходить по твоему приказу.

— Но ты пришёл.

Незнакомец снял плащ и положил его на скамью. Это был мужчина лет шестидесяти, с аккуратно подстриженными волосами и холодным, почти неподвижным взглядом.

— Ты потерял контроль над Дорием, — произнёс он.

Агенор резко поднялся.

— Он мой сын.

— Нет. Ты сам знаешь, что это не так.

— Я растил его!

— И потому считаешь, что имеешь право распоряжаться его жизнью?

Агенор сжал кулаки.

— Я хотел защитить его.

— Ты хотел защитить себя. Это разные вещи.

Агенор отвернулся к окну.

— Что теперь будет?

— Теперь придётся исправить положение.

— Ты не тронешь Дория.

Незнакомец усмехнулся.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь ставить условия?

— Если с ним что-нибудь случится, я расскажу Приаму всё, что знаю о братстве.

На лице мужчины впервые появилось выражение настоящего раздражения.

— Ты не понимаешь, с кем разговариваешь.

— Возможно. Но я достаточно хорошо знаю, что ты боишься огласки.

Незнакомец подошёл к столу и достал из-под плаща небольшой свиток.

— Завтра ночью в Трое должен произойти пожар. Он уничтожит часть архивов, а вместе с ними — документы, которые могут привести к настоящим руководителям братства. После этого люди поверят, что нападение совершили сторонники Агамемнона. Между Троей и ахейцами начнётся открытый конфликт, и все прежние подозрения исчезнут.

Агенор побледнел.

— Ты собираешься сжечь архив?

— Не весь. Только те помещения, где хранятся старые документы о престолонаследии.

— Там работают люди.

— Их выведут заранее.

— А если кто-то не успеет?

Незнакомец посмотрел на него почти с любопытством.

— Ты снова вспоминаешь о людях, которых когда-то сам подвергал опасности?

Агенор опустил глаза. Он понимал, что оказался перед человеком, для которого человеческая жизнь давно превратилась в расходный материал.

— Я не буду участвовать в этом.

— Ты уже участвуешь. И слишком поздно решил выйти из игры.

Вечером Иларион получил от Мирины записку. Девушка сообщала, что заметила незнакомого человека возле архивного крыла. Он несколько раз подходил к дверям, внимательно осматривал замки и разговаривал с одним из дворцовых слуг.

Архивариус немедленно направился в хранилище. Он проверил двери, осмотрел окна и убедился, что старые свитки находятся на своих местах. Затем приказал перенести наиболее важные документы в нижнее помещение, где когда-то хранили царские печати.

Когда он закончил, в коридоре появился Лаомедонт.

— Что случилось?

— Кто-то готовится проникнуть в архив.

— Ты знаешь кто?

— Пока нет. Но я начинаю думать, что им нужны не только документы о двух наследниках.

— Что ещё?

Иларион достал копию старого договора.

— Здесь упоминается соглашение между троянскими родами и представителями нескольких островных царств. Если оно подлинное, значит, древнее братство имело влияние далеко за пределами Трои.

Лаомедонт внимательно прочитал документ.

— Эти имена мне знакомы. Некоторые из них принадлежали людям, которые участвовали в переговорах с ахейцами ещё до моего исчезновения.

— Тогда ты понимаешь, что происходит?

— Боюсь, что да. Кто-то пытается превратить внутренний конфликт Трои в повод для внешней войны.

В этот момент послышались быстрые шаги. В архив вошёл стражник.

— Государь! На западной стене замечены неизвестные люди. Они пытаются проникнуть в город со стороны старого водопровода.

Лаомедонт немедленно направился к выходу.

— Подними охрану. Гектор должен узнать об этом прежде, чем они доберутся до дворца.

Иларион остался возле стола. Он посмотрел на документы, затем на дверь, за которой исчез старший царевич. Впервые за много лет ему стало ясно, что главная опасность исходит не от тех, кто хочет занять троянский престол. Настоящая угроза заключалась в людях, которые стремились уничтожить саму возможность свободного выбора.

Ночью Гектор собрал небольшой отряд и направился к западной стене. Парис настоял на том, чтобы отправиться вместе с ним, хотя брат был против.

— Ты обещал отцу оставаться во дворце, — напомнил Гектор.

— Я обещал не подвергать себя бессмысленной опасности. Но если неизвестные уже проникли в город, сидеть за стенами дворца бессмысленно.

— Ты всегда находишь убедительные объяснения собственному непослушанию.

— А ты всегда находишь причины быть недовольным.

Гектор не удержался от улыбки.

— Хорошо. Но держись рядом со мной.

У старого водопровода они обнаружили следы взлома. Каменная плита была сдвинута, а возле входа лежал небольшой мешок с инструментами. Один из воинов поднял его и обнаружил внутри несколько факелов, смолу и куски сухой ткани.

— Это не разведчики, — сказал Гектор. — Они пришли поджечь что-то.

Парис осмотрел землю и заметил следы, ведущие к архивному крылу.

— Иларион!

Они поспешили обратно во дворец. Но, когда достигли архивных помещений, из-под двери уже тянулся тонкий дым.

Гектор приказал стражникам выбить дверь. Внутри никого не оказалось, однако один из шкафов горел, а на полу лежала опрокинутая масляная лампа. Парис бросился к ближайшему окну и увидел человека, перелезающего через стену.

— Там! — крикнул он.

Гектор и двое воинов бросились следом. Незнакомец успел добраться до внутреннего двора, но поскользнулся на мокрых камнях. Его схватили прежде, чем он успел вытащить спрятанный кинжал.

Когда его привели обратно, Парис узнал на его руке знак раскрытого крыла.

— Кто тебя послал? — спросил Гектор.

Человек молчал.

— Ты собирался уничтожить архив, — сказал Парис. — Значит, боялся того, что там хранится.

Незнакомец поднял голову и неожиданно рассмеялся.

— Вы всё ещё думаете, что сможете спасти свои свитки? Завтра их не будет. А послезавтра ваши стены будут окружены кораблями.

Гектор шагнул ближе.

— Кто готовит нападение?

Но пленник только повторил:

— Море уже стало врагом Трои.

Иларион подошёл к нему и внимательно посмотрел на знак на его руке.

— Это не знак обычного хранителя, — произнёс он. — Здесь есть дополнительная отметина. Она принадлежала людям, которые служили лично Артемону.

Все повернулись к старику, стоявшему у входа в архив.

Артемон побледнел.

— Этого не может быть, — сказал он.

— Ты узнаёшь его? — спросил Приам, появившийся вслед за стражниками.

Артемон медленно подошёл к пленнику.

— Я знаю этот знак. Но не понимаю, почему он появился здесь.

— Объясни, — потребовал царь.

Старик долго молчал, затем произнёс:

— Потому что когда-то я сам создал этот отряд. Я поручил этим людям защищать царский дом от тех, кто мог использовать тайны наследования против Трои. Но после моего исчезновения кто-то изменил их клятву. Они больше не защищают город. Они защищают тех, кто хочет им управлять.

Приам посмотрел на Артемона с холодным разочарованием.

— Значит, ты вернулся не только с правдой о прошлом, но и с угрозой, которую сам когда-то создал.

Артемон опустил голову.

— Да, государь. И если я не исправлю эту ошибку, то не заслуживаю права оставаться в вашем городе.

Приам повернулся к Гектору.

— Усиль охрану дворца и архива. Найди всех, кто связан с этим отрядом. А Парису и Дорию передай, чтобы они не покидали город без моего разрешения.

Но было уже поздно. Пока во дворце задерживали поджигателя, далеко за морем несколько больших кораблей снялись с якорей и направились к троянскому побережью. На их палубах стояли вооружённые люди, а на главном судне развевалось полотнище с изображением золотого льва.

Впереди находился человек, который много лет назад обещал вернуть Трое её прежнюю славу, а теперь собирался войти в город силой.

И когда первые огни кораблей показались на ночном горизонте, никто в Трое ещё не знал, что это было только начало.

Глава двадцать третья. Золотой лев на горизонте

К рассвету корабли приблизились настолько, что с троянских башен уже можно было различить очертания их парусов, высокие носы судов и фигуры людей, стоявших на палубах. Их было больше, чем предполагали ночные дозорные. Одни шли впереди, держась на некотором расстоянии друг от друга, другие двигались следом, образуя подобие широкого полумесяца. На главном корабле, возвышавшемся над остальными, развевалось знамя с золотым львом. Оно было незнакомо троянцам, и именно это настораживало сильнее всего.

Гектор стоял на западной башне рядом с начальником береговой стражи. Он давно привык оценивать опасность не по тому, как громко о ней говорят, а по тому, насколько разумно ведёт себя противник. Эти корабли не спешили. Они не пытались скрыться за утренним туманом и не держались у самой кромки берега. Казалось, их командир намеренно позволял Трое рассмотреть себя.

— Они хотят, чтобы мы увидели их силу, — произнёс начальник стражи.

— Нет, — ответил Гектор. — Они хотят, чтобы мы сами решили, что сопротивление бесполезно. Это разные вещи.

Он приказал передать сигнал на южные укрепления и распорядился поднять дозорные отряды на всех башнях. Затем отправил гонца к Приаму с просьбой немедленно собрать военный совет. Сам же ещё некоторое время не отводил взгляда от главного судна. Золотой лев на его знамени казался знаком, который кто-то намеренно выбрал для Трои. Слишком много в последнее время было разговоров о царской крови, наследниках и древних клятвах, чтобы считать это простым совпадением.

В городе тревожная весть распространялась быстрее, чем распоряжения стражи. Торговцы закрывали лавки, женщины уводили детей с улиц, а у колодцев собирались небольшие группы горожан. Одни уверяли, что ахейцы наконец решились на нападение, другие говорили, будто это всего лишь посольство, прибывшее потребовать объяснений. Но когда люди видели вооружённых воинов, направлявшихся к воротам, разговоры сами собой стихали.

Парис встретил Дория возле внутреннего двора дворца. Тот уже знал о кораблях и держал в руках небольшой бронзовый медальон, который получил от Артемона. На его поверхности были изображены два льва, обращённые друг к другу.

— Ты опять рассматриваешь его? — спросил Парис.

— Пытаюсь понять, почему люди, которые так долго говорили о нашей крови, никогда не спрашивали, какими людьми мы станем.

Парис внимательно посмотрел на него.

— Возможно, потому, что им было важно не то, какими мы станем, а то, кому будем подчиняться.

Дорий спрятал медальон.

— А если они до сих пор считают, что мы им что-то должны?

— Тогда им придётся услышать наш ответ.

В голосе Париса не было прежней беспечности. За последние дни он слишком многое узнал о собственном происхождении, о людях, которые распоряжались его судьбой, и о тех, кто пытался превратить его жизнь в средство достижения своих целей. Но сейчас он думал не о наследстве и не о троне. За стенами дворца находился город, в котором он вырос, где его знали как сына Приама и брата Гектора. Именно этот город он собирался защищать.

В тронном зале уже собрались Приам, Лаомедонт, Гектор, Иларион и Артемон. Гекуба настояла на том, чтобы присутствовать при обсуждении, хотя Приам поначалу возражал. Она не собиралась оставаться в покоях, пока решалась судьба её семьи.

— Мы должны знать, кто идёт к нашим берегам, — сказал Приам. — И прежде чем принимать решение, необходимо выяснить, имеют ли эти люди отношение к ахейскому союзу.

— Их знамя не принадлежит ни одному из известных мне царских домов, — заметил Лаомедонт. — Но изображение льва не случайно. Когда-то такой знак использовали некоторые прибрежные владетели, заключавшие договоры с нашим прежним царём.

Иларион поднял голову.

— В старых записях действительно встречается упоминание золотого льва. Однако там говорится не о царском гербе, а о знаке морского союза, который существовал задолго до моего рождения.

— И кто входил в этот союз? — спросил Гектор.

— Несколько правителей, торговые дома и люди, владевшие собственными кораблями. Их объединяли не родство и не общая земля, а договоры о взаимной защите. Позднее союз распался, по крайней мере официально.

Артемон, до этого молчавший, подошёл к столу и положил рядом с медальоном бронзовую застёжку с изображением орла.

— Я видел этот знак прежде, — сказал он. — Не на кораблях, а в доме одного человека, который много лет назад пытался заключить с Троей особое соглашение. Он предлагал Приаму помощь в обмен на право влиять на наследование престола.

Приам нахмурился.

— Я отказался от его предложения.

— Именно поэтому он не забыл Трою, — ответил Артемон.

— Ты знаешь его имя? — спросил Лаомедонт.

Старый хранитель помедлил.

— Я знаю имя человека, который представлял его интересы. Но не уверен, что он был настоящим хозяином этого союза.

В этот момент вошёл Парис, за ним — Дорий. Приам коротко изложил им содержание разговора. Парис выслушал и спросил:

— Если этот человек хочет влиять на наш престол, почему он не пришёл с посольством?

— Потому что посольство предполагает переговоры между равными, — ответил Гектор. — А он, вероятно, хочет, чтобы мы сначала почувствовали себя побеждёнными.

Приам посмотрел на сыновей.

— Я не позволю никому использовать вас против друг друга. Ни ахейцам, ни тем, кто называет себя хранителями нашего прошлого. Если эти корабли пришли за вами, они должны понять, что вы не разделены.

— Мы и не разделены, отец, — сказал Парис.

Дорий ничего не добавил, но его молчание было красноречивее любых слов. Он положил ладонь на плечо Париса, и в этом простом жесте было больше доверия, чем во всех старых клятвах, записанных на бронзовых пластинах.

На берегу тем временем происходило нечто неожиданное. Один из передовых кораблей отделился от строя и направился к небольшой бухте к югу от города. Там не было удобной гавани, но имелась старая пристань, которой пользовались рыбаки. Гектор, получив сообщение, немедленно отправил туда отряд. Парис вызвался сопровождать его, а Дорий попросил разрешения идти вместе с ними.

— Ты не обязан доказывать свою храбрость, — сказал Гектор.

— Я и не собираюсь ничего доказывать. Но если эти люди знают моё имя, я хочу услышать, что им от меня нужно.

Гектор посмотрел на него и кивнул.

Когда троянцы достигли бухты, корабль уже бросил якорь. На воду спустили небольшую лодку, в которой находились четверо мужчин. Они несли белое полотнище и не держали оружия на виду. Однако Гектор заметил, что двое из них двигались слишком уверенно для обычных посланников.

Лодка причалила. Из неё первым вышел высокий мужчина с коротко подстриженными седыми волосами. Его лицо было обветрено морскими ветрами, а на правой руке виднелся широкий шрам. Он осмотрел троянцев и задержал взгляд на Парисе.

— Я прибыл не для того, чтобы начинать сражение, — произнёс он. — Мне нужна встреча с царём Приамом.

— Назови своё имя, — потребовал Гектор.

— Меня зовут Филократ. Я представляю людей, которые считают, что Троя забыла о старом договоре.

— У Трои много договоров, — ответил Гектор. — Не все из них заслуживают того, чтобы их вспоминали.

Филократ едва заметно улыбнулся.

— Тогда, возможно, тебе стоит спросить у своего отца, почему он так долго молчал о золотом льве.

Парис сделал шаг вперёд.

— Ты прибыл с войском к нашим берегам, а теперь говоришь о договоре. Объясни, чего вы хотите.

Филократ посмотрел на него уже без улыбки.

— Мы хотим, чтобы два наследника перестали считать себя свободными от обязательств, которые были приняты до их рождения.

— Эти обязательства принимали не мы, — ответил Дорий.

— Но последствия касаются именно вас.

— Тогда говори прямо, — вмешался Гектор. — Что вам нужно?

Филократ не спешил отвечать. Он посмотрел на море, где за передовым кораблём продолжали подходить остальные суда.

— Я привёз приглашение. На главном корабле находится человек, который знает, кем был ваш настоящий покровитель и почему два младенца должны были вырасти порознь. Он желает поговорить с Парисом и Дорием без свидетелей.

— Этого не будет, — твёрдо сказал Гектор.

— Вы даже не знаете, кто он.

— Мне достаточно того, что он требует от нас тайной встречи, прибыв к нашим стенам с вооружённым флотом.

Филократ слегка склонил голову, словно ожидал именно такого ответа.

— Тогда передайте царю Приаму, что у него осталось мало времени. До захода солнца он должен решить, готов ли принять гостя. Если нет, завтра мы начнём высадку.

— Ты угрожаешь Трое на её собственной земле? — спросил Парис.

— Я передаю чужие слова. Не путай посланника с тем, кто отдаёт приказы.

Гектор приказал пропустить лодку обратно, но самого Филократа задержать до выяснения обстоятельств. Тот не сопротивлялся. Перед тем как его увели, он ещё раз взглянул на Париса и тихо произнёс:

— Ты очень похож на отца. Надеюсь, тебе хватит времени узнать, каким человеком он был на самом деле.

Эти слова не давали Парису покоя даже тогда, когда отряд возвращался к городу. Лаомедонт был жив, находился рядом с ним и уже рассказывал о прошлом, но оставалось слишком много событий, о которых он сам не знал или не хотел говорить. Теперь незнакомец с корабля утверждал, что знает нечто важное об отце Париса, и произнёс это так, словно речь шла не о семейной тайне, а о давнем обязательстве, которое ещё предстояло исполнить.

В Спарте весть о появлении кораблей у троянских берегов достигла Менелая в тот же день. Он получил донесение от посланника, прибывшего из одного из прибрежных городов, и несколько раз перечитал описание знамени с золотым львом. Затем приказал привести Агамемнона.

Старший брат появился не сразу. Он был занят подготовкой войска и явно не желал отвлекаться на сообщения, которые считал второстепенными.

— У Трои новые гости, — сказал Менелай, протягивая ему табличку.

Агамемнон прочитал её и усмехнулся.

— Значит, кто-то решил опередить нас.

— Ты знаешь, кто это?

— Догадываюсь. Есть люди, которые давно мечтают получить доступ к троянским торговым путям и царским сокровищам. Если они сумеют заставить Приама подчиниться, то могут изменить положение всего побережья.

— А если они нападут на город?

— Тогда мы окажемся в выгодном положении. Троя ослабнет, и нам будет легче добиться своего.

Менелай положил руки на стол.

— Ты говоришь так, словно жители Трои уже не люди, а всего лишь препятствие на пути к твоей цели.

— Война редко оставляет возможность выбирать удобные слова.

— Но выбор всё-таки остаётся. Ты собираешься использовать чужое нападение, чтобы начать собственную войну?

Агамемнон посмотрел на брата с холодным раздражением.

— Я собираюсь сделать то, что должен был сделать много лет назад. Троя слишком долго считала себя недосягаемой.

Менелай хотел возразить, но в этот момент дверь открылась, и вошла Елена. Она слышала последние слова и теперь смотрела на Агамемнона с выражением, которое он не сумел истолковать.

— Если ты позволишь другим начать войну за тебя, — сказала она, — однажды они потребуют плату за эту услугу. И тогда ты обнаружишь, что уже не распоряжаешься собственным решением.

Агамемнон поднялся.

— Женщинам лучше не вмешиваться в дела, которых они не понимают.

— Я достаточно хорошо понимаю, что бывает с теми, кого мужчины назначают причиной своих войн.

Менелай отвёл взгляд. Он знал, что спорить с Еленой сейчас бессмысленно, но впервые за долгое время почувствовал, что её слова могут оказаться важнее всех военных расчётов его брата.

Когда Агамемнон вышел, Елена подошла к столу и коснулась таблички с донесением.

— Золотой лев, — тихо произнесла она. — Значит, они всё-таки вернулись.

Менелай внимательно посмотрел на неё.

— Ты знаешь этот знак?

Елена не ответила сразу. Перед её глазами возникло воспоминание о давнем вечере, когда она ещё не была женой Менелая. Тогда, возвращаясь из храма, она оказалась среди людей, которые не должны были знать её имени. Один из них попытался схватить её за руку, но незнакомый мужчина со знаком крыла на застёжке плаща оттолкнул нападавшего и помог ей скрыться. Позднее она узнала, что его звали Северий. Теперь всё, что прежде казалось отдельными событиями, начинало складываться в одну тревожную картину.

— Я знаю человека, который может объяснить этот знак, — наконец сказала она. — Но не уверена, что он захочет говорить.

В Трое тем временем Приам получил сообщение Гектора и приказал привести пленённого посланника во дворец. Филократ вошёл в зал без страха, словно не он находился среди вооружённых стражников, а они пришли к нему просить о встрече. Приам внимательно рассмотрел его лицо.

— Кто послал тебя?

— Человек, чьё имя тебе известно, царь.

— Назови его.

Филократ помолчал, затем произнёс:

— Тот, кому ты отказал много лет назад, когда он просил признать древний договор. Он не забыл твоего отказа и считает, что теперь пришло время восстановить справедливость.

Приам побледнел, но быстро овладел собой.

— Я никому не обязан отдавать свой город за старые обещания, которые не заключал.

— Возможно. Но ты обязан помнить, что не все обещания исчезают вместе с людьми, которые их давали.

Лаомедонт, стоявший рядом с братом, сделал шаг вперёд.

— Ты говоришь о договоре, заключённом до моего исчезновения?

Филократ повернулся к нему, и впервые на его лице появилось неподдельное удивление.

— Значит, слухи правдивы. Старший царевич действительно вернулся.

— Я вернулся, — спокойно ответил Лаомедонт. — И теперь хочу знать, кто решил распоряжаться судьбой моих сыновей.

Посланник опустил глаза, но не от страха. Скорее, он понял, что в Трое теперь собрались люди, чьё существование должно было навсегда остаться тайной.

— Ваши сыновья не единственные, чья судьба была изменена тем договором, — произнёс он. — Есть ещё один человек. Он тоже считает себя обманутым. И именно он находится сейчас на главном корабле.

Приам и Лаомедонт переглянулись. Иларион медленно поднялся со своего места.

— Ты говоришь о третьем наследнике? — спросил архивариус.

Филократ не ответил. Он только посмотрел на старика, и этого оказалось достаточно, чтобы Иларион понял: в старых записях оставалась ещё одна страница, которую они так и не нашли.

За окнами дворца море постепенно темнело. Корабли с золотым львом заняли позиции у побережья, а на главном судне уже зажгли огни. Человек, стоявший у носовой фигуры, смотрел на город, который когда-то считал своим домом. Он держал в руке небольшой перстень с изображением двух львов и долго не решался надеть его на палец. Потом всё же надел и тихо произнёс, обращаясь к далёким троянским стенам:

— Вы думали, что похоронили прошлое. Но прошлое не умирает, пока остаётся хотя бы один человек, который помнит правду.

Глава двадцать четвёртая. Тот, кто пришёл за своим именем

Ночь опустилась на Трою, но город не спал. На башнях горели сторожевые огни, у ворот сменялись караулы, а на улицах то и дело появлялись небольшие отряды воинов. В домах люди старались говорить тише обычного, словно боялись, что тревога, поселившаяся за городскими стенами, может проникнуть внутрь вместе с ночным ветром. Женщины укладывали детей спать, но сами ещё долго сидели возле очагов, прислушиваясь к каждому звуку. Старики вспоминали прежние войны и говорили, что беда редко приходит тогда, когда её ждут: чаще она появляется в тот момент, когда люди начинают верить, будто самое страшное уже позади.

В царском дворце Приам долго не отпускал пленённого посланника. Он хотел услышать от него больше, но Филократ отвечал осторожно, не раскрывая ни имени человека на главном корабле, ни подлинных целей морского союза. Его спокойствие раздражало Гектора.

— Ты пришёл к нашим берегам с угрозами, — сказал он. — Теперь находишься в нашем городе. Неужели ты полагаешь, что можешь продолжать говорить загадками?

— Я не боюсь отвечать на вопросы, царевич. Но не всякий ответ принадлежит мне.

— Тогда зачем тебя прислали?

— Чтобы передать приглашение и убедиться, что оно дошло до нужных людей.

Парис, стоявший возле отца, внимательно наблюдал за посланником. В его поведении не было ни обычной наглости захватчика, ни робости человека, оказавшегося в плену. Филократ словно выполнял давно установленный порядок действий и не сомневался, что события будут развиваться именно так, как задумано его хозяином.

— Ты сказал, что на корабле находится человек, которого мы должны выслушать, — произнёс Парис. — Почему он сам не прибыл в город?

— Потому что его возвращение должно произойти иначе.

— Возвращение? Значит, он уже бывал в Трое?

Филократ посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Ты задаёшь правильные вопросы, царевич. Только слишком поздно.

Лаомедонт резко повернулся к посланнику.

— Ты знаешь, кто я такой?

— Знаю, государь.

— Тогда передай своему господину: я не позволю ему использовать моих сыновей для сведения старых счётов. Если он хочет говорить со мной, пусть придёт сам.

Филократ склонил голову.

— Я передам ваши слова.

Когда стража увела его, в зале воцарилось молчание. Приам медленно опустился на своё место. Возвращение брата, которое ещё недавно казалось чудом, теперь оборачивалось новыми опасностями.

— Кто бы ни стоял на этом корабле, он знает о договоре больше, чем мы, — сказал Иларион. — И, вероятно, знает о тех событиях, которые мы считали завершёнными.

— Договор был заключён без моего согласия, — ответил Приам. — Я не признавал права какого-либо морского союза вмешиваться в жизнь царского дома.

— Но кто-то из прежних правителей мог признать, — заметил Лаомедонт. — И если этот договор касался наследников, то он мог быть заключён ещё при жизни нашего отца.

Иларион задумался.

— Мне необходимо вернуться в архив. Там должны оставаться упоминания о морском союзе. Возможно, мы искали не под тем названием.

— Ты пойдёшь не один, — сказал Гектор. — После сегодняшнего происшествия я не намерен оставлять тебя без охраны.

Старик хотел возразить, но, взглянув на Гектора, понял, что спорить бесполезно.

Тем временем Парис вышел во внутренний сад. Там, возле старого кипариса, сидела Гекуба. Она держала в руках незаконченный узор, но игла давно лежала рядом, а сама царица смотрела в темноту.

— Ты не спишь, мать? — спросил Парис.

Гекуба подняла голову.

— Разве сегодня кто-нибудь в Трое сможет спокойно заснуть?

Он сел рядом. Некоторое время они молчали. Издалека доносился глухой шум моря.

— Ты думаешь, отец знает больше, чем говорит? — спросил Парис.

— Твой отец всю жизнь несёт на себе тяжесть решений, которые принимал ради других. Иногда он ошибался. Иногда молчал там, где следовало говорить. Но я не верю, что он когда-либо желал тебе зла.

— Я знаю, мать. Но теперь каждый человек, которого мы встречаем, словно открывает перед нами ещё одну дверь, за которой обнаруживается новая тайна. Иногда мне кажется, что я прожил чужую жизнь.

Гекуба отложила работу и взяла его за руку.

— Нет, сын мой. Ты прожил свою жизнь. Тебя могли назвать другим именем, могли скрыть твоё происхождение, могли лишить знания о твоём отце, но никто не способен отнять у тебя то, кем ты стал. Ты был ребёнком в этом доме, рос рядом с Гектором, смеялся, спорил, совершал ошибки. Всё это принадлежит тебе, и никакой договор не может изменить прожитые годы.

Парис склонил голову. Ему хотелось сказать, что именно эти слова он и надеялся услышать, но он не нашёл подходящего ответа. Он просто прижал её руку к своим губам.

— Я не хочу, чтобы из-за меня город снова оказался перед выбором, — произнёс он.

— Тогда не позволяй другим выбирать за тебя, — ответила Гекуба. — Но и не забывай, что иногда человек должен защищать не только тех, кого любит, но и тех, кого никогда не узнает.

В другом крыле дворца Дорий разговаривал с Лаомедонтом. Их встреча была непростой. Они оба знали, что связаны общей тайной, но не могли назвать друг друга братьями в том смысле, в каком это слово обычно понимали люди. Между ними не было общего детства, воспоминаний о матери или привычки делить радости и обиды. Однако в их судьбах оказалось слишком много общего.

— Ты когда-нибудь видел мою мать? — спросил Дорий.

Лаомедонт долго смотрел на огонь.

— Я видел Клеомену несколько раз. Она была женщиной необыкновенной стойкости. Не из тех, кто громко говорит о своей смелости, но из тех, кто принимает решение и уже не отступает от него.

— Она знала, что меня разлучат с ней?

— Знала, что ребёнка придётся скрыть. Но я не уверен, что она понимала, насколько долго продлится разлука.

— А мой отец?

Лаомедонт поднял глаза.

— Эвримедонт был человеком, которому доверяли. Он не стремился к власти, хотя имел право претендовать на многое. Когда мы отправлялись в плавание, он был уверен, что сумеет вернуться. Но море распорядилось иначе.

— Ты считаешь, что он погиб?

— Я не видел его тела, Дорий. И не стану утверждать то, чего не знаю.

Дорий отвёл взгляд. В его душе одновременно жили надежда и страх. До недавнего времени он считал Агенора своим отцом, и даже после открытия правды не мог избавиться от

чувства привязанности к человеку, который воспитывал его с детства. Теперь ему предстояло принять ещё одну возможность: биологический отец мог быть жив.

— Если он вернётся, я не знаю, что скажу ему, — признался Дорий.

— Не торопись готовить слова для человека, которого ещё не видел. Сначала нужно выяснить, жив ли он и чего хочет. А потом ты сам решишь, какое место он сможет занять в твоей жизни.

В это время на главном корабле происходил разговор, которого никто в Трое не мог услышать.

Человек с перстнем двух львов сидел в небольшой каюте. Перед ним лежала деревянная шкатулка, внутри которой хранились несколько старых писем, бронзовая застёжка и детская одежда, давно утратившая первоначальный цвет. Он осторожно провёл пальцами по ткани, словно пытался прикоснуться к далёкому прошлому.

Вошёл Филократ, только что вернувшийся с берега.

— Они приняли тебя за посланника, — доложил он. — Приам требует личной встречи. Лаомедонт подтвердил, что вернулся в город. Оба молодых наследника находятся рядом с ним.

— А Гектор?

— Не доверяет нам. Он считает, что мы собираемся использовать его братьев.

Человек с перстнем едва заметно улыбнулся.

— По крайней мере, один из них понимает опасность.

— Прикажешь высаживаться?

— Нет. Пока нет.

— Но если мы будем ждать, Агамемнон может опередить нас.

— Агамемнон думает, что управляет событиями. Пусть продолжает так думать. Нам не нужна война с ахейцами раньше времени.

Филократ приблизился к столу.

— Что ты скажешь Приаму, если он согласится на встречу?

Человек закрыл шкатулку.

— Я скажу ему, что слишком долго жил без имени, которое принадлежало мне по праву. И что теперь хочу услышать от него правду.

— Ты собираешься требовать престол?

— Нет, Филократ. Я собираюсь потребовать то, чего меня лишили. Не всякий человек, возвращающийся домой, мечтает стать царём.

Посланник помолчал.

— А если Приам откажет?

— Тогда я войду в Трою не как гость.

Вскоре после этого к берегу приблизилась ещё одна лодка. На этот раз в ней находился всего один человек — пожилой моряк в тёмном плаще. Он не нёс знамени и не пытался скрывать своё лицо. Троянские дозорные узнали его прежде, чем лодка коснулась берега.

Это был Северий.

Гектор, которому сообщили о прибытии незнакомца, сам спустился к пристани. Он давно хотел поговорить с человеком, чьё имя постоянно возникало в историях о двух младенцах, о Клеомене и о судьбе Елены. Теперь Северий стоял перед ним, усталый, постаревший, но с тем же внимательным взглядом, который Гектор уже видел однажды.

— Ты пришёл вовремя, — сказал царевич.

— Боюсь, что слишком поздно.

— Для чего?

Северий посмотрел на корабли.

— Для того, чтобы остановить человека, который наконец решился вернуться.

— Ты знаешь его?

— Лучше, чем мне хотелось бы.

— Кто он?

Северий не ответил сразу. Он оглянулся на море, затем на городские стены.

— Это человек, которого Троя однажды потеряла, а потом сама же помогла забыть. Но он не забыл ни Трою, ни тех, кто оставил его без семьи.

— Он имеет отношение к Парису и Дорию?

— К обоим. И к Лаомедонту тоже.

Гектор почувствовал, как внутри нарастает тревога.

— Ты должен рассказать всё Приаму.

— Я расскажу. Но прежде мне нужно увидеть Елену.

— Елену? Она в Спарте.

— Знаю. Поэтому ты должен отправить ей письмо немедленно. Скажи, что человек, которого она считала погибшим, находится у троянских берегов. И что на этот раз его возвращение может изменить не только судьбу Трои, но и судьбу всей Ахейской земли.

Гектор внимательно посмотрел на Северия.

— Ты говоришь об Эвримедонте?

Старый моряк впервые за весь разговор не сумел скрыть волнения.

— Значит, вы уже знаете это имя.

— Мы знаем, что он был отцом Дория. Но не знаем, жив ли он.

Северий посмотрел на городские стены, над которыми медленно гасли последние звёзды.

— Тогда приготовься, Гектор. Завтра вам придётся встретиться с человеком, который всю жизнь считал, что его сын был отнят у него навсегда. И я не знаю, простит ли он тех, кто решил за него, что ему больше не следует возвращаться.

Гектор молча посмотрел на главный корабль. Теперь он понимал, что надвигающаяся опасность не сводится к захвату побережья или спору о старых договорах. За золотым львом стояла человеческая история, в которой слишком много людей были разлучены, обмануты и лишены права самим распоряжаться своей судьбой. И если этот человек действительно был Эвримедонтом, то встреча двух наследников могла стать лишь началом куда более трудного испытания: им предстояло узнать, способны ли они принять правду, не позволив ей разрушить то немногое, что уже успели построить между собой.

Глава двадцать пятая. Возвращение отца

Утро в Трое началось с необычной тишины. Обычно первые часы после рассвета принадлежали торговцам, ремесленникам и тем, кто спешил по своим повседневным делам. Теперь же улицы оставались почти пустыми. Горожане знали, что у побережья стоят чужие корабли, и ждали решения царя. Даже на рынке, где ещё вчера спорили о цене зерна и свежей рыбы, сегодня говорили вполголоса, словно опасались, что само произнесённое слово может приблизить войну.

Приам провёл бессонную ночь. Слишком многое из прошлого возвращалось одновременно, и каждое новое известие заставляло его сомневаться в том, насколько хорошо он знал историю собственной семьи. Он сидел у окна, когда вошёл Иларион.

— Северий прибыл, государь.

— Где он?

— В малом зале. Гектор разговаривает с ним.

Приам поднялся.

— Пусть войдёт. И позови Лаомедонта.

Через несколько минут Северий стоял перед царём. За годы странствий он постарел, его движения стали медленнее, но в глазах сохранилась прежняя твёрдость.

— Ты слишком долго заставлял нас ждать, — сказал Приам.

— Я знаю.

— Ты знал о возвращении Лаомедонта?

— Да.

— Знал о Парисе и Дории?

— О Парисе я знал с самого начала. О Дории — почти всё, но не его нынешнюю судьбу.

— А Эвримедонт? — спросил Лаомедонт, входя в зал. — Ты знаешь, что с ним произошло?

Северий повернулся к нему.

— Я знаю, что он пережил кораблекрушение. Знаю, что его спасли люди, не имевшие отношения ни к Трое, ни к морскому союзу. Но после этого его следы затерялись. Я искал его много лет и уже начал думать, что никогда не узнаю правды.

— Почему же ты теперь говоришь о его возвращении?

— Потому что человек на главном корабле утверждает, что именно он привёл Эвримедонта к Трое.

Приам нахмурился.

— Ты видел его?

— Нет. Но я узнал знак, который передал мне один из его людей. Это знак старого морского союза. И я знаю, что союз не был обычным объединением торговцев. В его руках находились судьбы людей, которых он считал необходимыми для сохранения древнего порядка.

— Ты говоришь так, будто они решали, кому жить, а кому умирать, — заметил Гектор.

— Иногда они решали, кому позволено помнить собственное прошлое. Это не менее страшно.

Иларион подошёл ближе.

— Северий, ты знаешь, почему Эвримедонт оказался на том корабле?

— Знаю только часть истории. После кораблекрушения его нашли люди, служившие одному из членов союза. Он был тяжело ранен и долго не приходил в сознание. Когда же поправился, ему сообщили, что его жена и ребёнок погибли. Он не поверил, но доказательств у него не было.

— Значит, ему солгали, — тихо произнёс Приам.

— Да. И эта ложь продолжалась годами.

Лаомедонт подошёл к окну. Внизу, во внутреннем дворе, Парис разговаривал с Дорием. Оба ещё не знали, что их прошлое снова изменится.

— Если Эвримедонт жив, — сказал Лаомедонт, — его возвращение должно стать радостью для сына, а не поводом для новой борьбы.

— Я боюсь, что он думает иначе, — ответил Северий.

— Почему?

— Потому что за годы изгнания он слышал слишком много рассказов о Трое. Ему говорили, что его сына отняли у него, что Приам скрыл правду, а люди, которые должны были защитить ребёнка, использовали его ради своих целей. Он не знает, кому верить.

Приам медленно повернулся.

— Я не знал, что Дорий был сыном Эвримедонта. Если бы знал, никогда не позволил бы ему исчезнуть из нашей жизни.

— Но ты знал о втором младенце, — напомнил Иларион. — И распорядился скрыть записи.

Приам посмотрел на старика.

— Я пытался защитить ребёнка. Возможно, слишком долго принимал молчание за единственный способ сохранить ему жизнь. Теперь я понимаю, что у каждого молчания есть своя цена.

В это время Парис и Дорий находились в саду. Они говорили о предстоящей встрече, стараясь не показывать друг другу тревогу.

— Ты готов увидеть его? — спросил Парис.

— Не знаю. Вчера я думал, что самое трудное уже произошло. Узнал о Клеомене, об Эвримедонте, о людях, которые скрывали моё происхождение. А теперь выясняется, что отец может быть жив.

— Это ведь хорошая новость.

— Конечно. Но я не знаю, каким он окажется. Человека, которого я помню как отца, у меня нет. Агенор воспитывал меня, и я не могу вычеркнуть из своей жизни все годы, проведённые рядом с ним.

Парис понимающе кивнул.

— Тебе и не нужно ничего вычёркивать. Если Эвримедонт действительно твой отец, это не отменяет того, что сделал для тебя Агенор. Человек может быть обязан своим появлением на свет одному, а жизнью — другому.

Дорий посмотрел на него.

— Ты легко говоришь об этом.

— Нет, брат. Мне тоже нелегко. Но я давно понял, что Гекуба останется моей матерью независимо от того, кто дал мне жизнь. И Лаомедонт не станет для меня чужим только потому, что я не рос рядом с ним.

Дорий впервые за долгое время улыбнулся.

— Значит, у нас с тобой необычная семья.

— По-моему, вполне достойная. Просто слишком много людей пытались устроить её за нас.

Они рассмеялись, и этот короткий смех прозвучал особенно естественно среди тревожного утра. За стенами дворца стояли корабли, на которых могли находиться люди, способные изменить их судьбу, но на мгновение Парис и Дорий снова почувствовали себя молодыми людьми, которым ещё предстоит прожить собственную жизнь.

Вскоре к ним подошёл Гектор.

— Отец просит вас обоих явиться в зал совета. Северий рассказал о человеке на главном корабле.

— Он действительно Эвримедонт? — спросил Дорий.

— Северий считает, что это возможно. Но пока у нас нет подтверждения.

— Я хочу увидеть его, — сказал Дорий.

Гектор положил руку ему на плечо.

— Увидишь. Только помни: ты не обязан сразу принимать ни его слова, ни его требования. Сначала выслушай.

Когда они вошли в зал, Приам уже стоял рядом с Лаомедонтом. Северий разложил на столе несколько предметов: бронзовую застёжку с орлом, небольшой перстень и старую деревянную пластинку с вырезанным на ней знаком морского союза.

Дорий сразу узнал застёжку.

— Я видел такую у Агенора.

Северий поднял глаза.

— Она принадлежала Эвримедонту. После кораблекрушения её сняли с его плаща и передали людям, которые нашли его на берегу.

— Почему она оказалась у Агенора?

— Потому что Агенор участвовал в поисках ребёнка. Он знал, что должен был воспитывать тебя, но ему не сообщили, кто был твоим настоящим отцом. Позднее он узнал больше, чем хотел признать.

Дорий сжал кулаки.

— Значит, он знал, что моя жизнь построена на лжи?

— Он знал, что от тебя скрывают часть правды. Но я не могу сказать, когда именно понял, кем был твой отец.

Приам приказал пригласить Агенора, если удастся установить его местонахождение. Затем обратился к сыновьям:

— Мы не станем отдавать вас на суд чужих людей. Ни один договор не имеет права решать, кем вы должны быть. Но я хочу, чтобы вы сами услышали того, кто пришёл к нашим берегам.

— Я готов, — сказал Дорий.

Парис кивнул.

— И я.

Приам посмотрел на Гектора.

— Ты будешь рядом с ними.

— Разумеется, отец.

Вскоре с главного корабля подали сигнал. Над палубой подняли белое полотнище, а затем спустили на воду большую лодку. В ней находились трое воинов и человек в тёмном плаще. Он сидел неподвижно, не обращая внимания на волну, которая время от времени захлёстывала борта.

Когда лодка приблизилась к пристани, человек поднялся. Он был высок, широкоплеч, с заметной сединой на висках. Лицо его казалось суровым, но в чертах угадывалось сходство с Дорием. Троянские стражники пропустили его на берег.

Дорий стоял впереди остальных. Человек остановился в нескольких шагах от него.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Потом незнакомец произнёс:

— Ты вырос.

Дорий не ответил.

— Я не знаю, что тебе рассказывали обо мне. Возможно, ты вообще не знал, что я существую. Но я искал тебя много лет.

— Ты Эвримедонт?

— Да.

— Почему ты не вернулся раньше?

Мужчина опустил глаза.

— Потому что мне сказали, что ты погиб. А когда я узнал, что это неправда, оказалось, что люди, которые могли помочь мне найти тебя, давно исчезли или боялись говорить.

— И ты поверил им?

— Нет. Но иногда одной правды недостаточно, чтобы найти дорогу домой.

Дорий сделал шаг вперёд, но тут же остановился. Он хотел обнять человека, которого никогда не знал, и одновременно хотел спросить, почему тот не сумел защитить его. Эти чувства не противоречили друг другу, хотя ему самому казалось, что он должен выбрать одно.

Эвримедонт не стал приближаться.

— Я не прошу тебя называть меня отцом, — сказал он. — Я не заслужил такого права одним своим появлением. Я только хотел увидеть тебя живым.

Дорий долго смотрел на него, затем спросил:

— Ты знал Клеомену?

При упоминании этого имени лицо Эвримедонта изменилось.

— Я любил её. И до сих пор не знаю, как мне жить с мыслью, что не смог уберечь ни её, ни тебя.

— Она умерла, когда я был ребёнком?

— Мне сказали, что она умерла после твоего рождения. Но я не видел её тела. Не видел и твоего. Мне сообщили, что вас обоих больше нет, а потом заставили поверить, что возвращение в Трою может привести к новой гибели тех, кто ещё оставался жив.

Дорий опустил голову.

— Я всю жизнь считал своим отцом другого человека.

— Я знаю.

— Он воспитывал меня. Он учил меня держать оружие, читать, понимать людей. Он был рядом, когда я болел, когда боялся, когда впервые покинул дом. Я не могу теперь сказать, что он мне никто.

Эвримедонт внимательно выслушал его.

— И не говори. Если он любил тебя и заботился о тебе, значит, он заслужил твою благодарность. Я пришёл не для того, чтобы отнять у тебя прошлое.

Эти слова стали для Дория неожиданным облегчением. Он впервые почувствовал, что перед ним не человек, требующий немедленного признания, а отец, который тоже боялся этой встречи.

Парис наблюдал за ними, стараясь не вмешиваться. Но когда Эвримедонт повернулся к нему, тот сам сделал шаг вперёд.

— А ты, должно быть, Александр, — произнёс мужчина.

Парис слегка улыбнулся.

— Теперь меня чаще называют Парисом.

— Я слышал о тебе. Ты сын Лаомедонта.

— Да.

Эвримедонт внимательно посмотрел на него.

— Значит, старший царевич всё-таки вернулся. Тогда, возможно, ещё не всё потеряно.

— Что именно ты имеешь в виду?

Эвримедонт взглянул на Приама и Лаомедонта.

— Я пришёл не только ради сына. На главном корабле находится человек, который много лет удерживал меня вдали от Трои. Он утверждает, что знает, кто отдал приказ скрыть двух младенцев, кто изменил старый договор и почему морской союз так долго следил за вашим домом. Я не доверяю ему, но без его свидетельства нам будет трудно понять, что произошло на самом деле.

Приам сделал шаг вперёд.

— Кто этот человек?

Эвримедонт помедлил.

— Его зовут Леонтий. Когда-то он был ближайшим доверенным лицом нашего отца. После кораблекрушения все считали его погибшим. Но именно он организовал моё спасение, а затем убедил меня, что возвращаться в Трою опасно.

Лаомедонт побледнел.

— Леонтий? Я помню это имя. Он сопровождал нашего отца во время последних переговоров с морскими правителями. Но после его смерти исчез.

— Он не исчез, — ответил Эвримедонт. — Он просто перестал показываться тем, кто мог его узнать.

Иларион медленно опустился на скамью. Теперь он понял, почему в некоторых старых документах отсутствовали последние страницы, почему свидетельства о кораблекрушении расходились и почему люди, которых считали погибшими, неожиданно возвращались спустя десятилетия.

Однако прежде чем кто-либо успел задать новый вопрос, со стороны моря раздался глухой звук рога. На главном корабле подняли другое знамя — тёмное полотнище с золотым львом, над которым была вышита узкая красная полоса.

Северий резко повернулся к воде.

— Это не знак приветствия, — сказал он. — Так объявляли о начале особого собрания морского союза.

— Что это означает? — спросил Гектор.

— Что Леонтий больше не намерен скрываться. Он собирается выступить перед всеми, кто находится на кораблях, и объявить своё решение.

Эвримедонт посмотрел на троянские стены.

— Тогда нам лучше поторопиться. Потому что я знаю его достаточно хорошо. Когда Леонтий принимает решение, он редко оставляет другим возможность отказаться.

В этот момент на главном корабле появился человек в светлом плаще. Он поднял руку, и вокруг него собрались офицеры. Затем его голос, усиленный рупором, разнёсся над водой:

— Троя! Я возвращаюсь не просить у вас милости. Я возвращаюсь за тем, что вы однажды отняли у меня. Пусть Приам приготовится услышать правду о своём отце, о старом договоре и о цене, которую придётся заплатить за его нарушение.

Приам застыл. Лаомедонт медленно повернулся к нему, и оба поняли, что теперь речь шла уже не только о двух младенцах и не только о судьбе их семей. Кто-то из прошлого предъявлял права на историю всего царского дома, а вместе с ней — на будущее Трои. И впервые за многие годы Приам почувствовал, что самое опасное испытание ещё даже не началось.

Глава двадцать шестая. Цена старого договора

Слова Леонтия ещё долго звучали над морем, хотя сам он уже скрылся за бортовыми надстройками главного корабля. Троянцы стояли на берегу, не произнося ни слова. Каждый пытался понять, что именно скрывалось за угрозой человека, который называл себя возвращающимся за отнятое. Приам знал немало людей, недовольных его правлением, но имя Леонтия пробуждало в нём воспоминания, к которым он не хотел возвращаться.

— Ты уверен, что это он? — спросил Лаомедонт у Эвримедонта.

— Уверен. Я провёл рядом с ним слишком много лет, чтобы ошибиться.

— Тогда почему он говорит о нашем отце?

Эвримедонт опустил глаза.

— Потому что именно после смерти нашего отца всё началось. И, возможно, мы до сих пор не знаем, каким человеком он был на самом деле.

Приам резко повернулся к нему.

— Не смей судить нашего отца по словам Леонтия. Ты не знаешь, что происходило в Трое после твоего исчезновения.

— А ты не знаешь, что происходило со мной за морем, — спокойно ответил Эвримедонт. — Я не обвиняю тебя, Приам. Но если Леонтий действительно обладает документами, о которых говорит, мы должны их увидеть.

— Я готов выслушать его, — произнёс Лаомедонт. — Но не позволю ему диктовать условия встречи.

Гектор уже отдавал распоряжения начальнику стражи. Он приказал усилить охрану пристани, закрыть малые ворота и не допускать вооружённых людей с кораблей на территорию города. При этом он понимал, что одной обороной стен проблему не решить. Если Леонтий действительно сумел собрать вокруг себя людей старого союза, его влияние могло распространяться далеко за пределы флота.

— Отец, — обратился Гектор к Приаму, — нам нужно решить, как отвечать на его заявление. Если мы промолчим, он может представить это как признание своей правоты.

— А если ответим, он получит возможность навязать нам свои условия, — заметил Иларион.

— Значит, мы должны говорить не с ним одним, — сказал Парис. — Пусть все, кто находится на кораблях, услышат нашу позицию. Мы не отказываемся от правды, но и не признаём за чужим человеком права распоряжаться Троей.

Дорий поддержал его:

— И пусть он объяснит, почему столько лет держал Эвримедонта вдали от собственного сына.

Эвримедонт посмотрел на него с благодарностью.

— Этот вопрос я задам ему сам.

Приам некоторое время молчал, затем обратился к Илариону:

— Найди всё, что сохранилось о последних годах правления моего отца. Особенно о переговорах с морским союзом. Если Леонтий говорит о старом договоре, мы должны знать, что в нём было записано.

— Я уже начал поиски, государь. Но есть одна трудность. Часть документов хранилась не в главном архиве, а в личном собрании царя. После его смерти эти записи исчезли.

— Кто имел доступ к ним?

Иларион посмотрел на Лаомедонта.

— Леонтий. И ещё несколько человек, имена которых я пока не установил.

Лаомедонт нахмурился.

— Тогда мы должны искать не только документы. Нам необходимо найти тех, кто участвовал в переговорах и остался жив.

— Возможно, таких людей уже не осталось, — заметил Приам.

— Возможно, — согласился старший брат. — Но мы слишком долго принимали исчезновение людей за доказательство их смерти.

Вскоре братья вернулись во дворец. Гекуба встретила их в большом зале. Она уже знала о появлении Эвримедонта и о заявлении Леонтия, но больше всего её беспокоило состояние Дория. Юноша стоял возле окна, задумчиво глядя на дальние башни.

— Ты должен отдохнуть, — сказала она ему.

— Не могу, царица.

— Тогда хотя бы поешь. Человеку трудно принимать решения, когда он забыл о простых вещах.

Дорий улыбнулся.

— Вы всегда так говорите?

— Только тем, за кого тревожусь.

Он посмотрел на неё.

— Вы знали Клеомену?

Гекуба задумалась.

— Лично — очень мало. Я помню её молодой женщиной, которая однажды приходила во дворец. Она была сдержанной, почти застенчивой, но в её взгляде чувствовалась необыкновенная решимость. Я не знала, что она ждёт ребёнка Эвримедонта. Если бы знала, возможно, многое сложилось бы иначе.

— Вы думаете, она любила его?

— Думаю, да. Иначе ей было бы гораздо труднее решиться на то, что она сделала ради тебя.

Дорий опустил голову.

— Я не помню её лица.

— Но это не значит, что её любовь исчезла. Иногда человек оставляет нам не воспоминание, а возможность жить. И этого уже немало.

Гекуба осторожно коснулась его щеки. В этот момент Дорий вдруг почувствовал, что рядом с этой женщиной ему не нужно объяснять свою растерянность. Она не пыталась занять место его матери и не требовала благодарности. Просто принимала его таким, каким он был.

Тем временем в архиве Иларион вместе с Мириной разбирал старые свитки. Девушка принесла несколько деревянных коробов, найденных в боковом помещении, куда после недав-

ней попытки поджога почти никто не заходил. Они были покрыты пылью, а на крышках сохранились следы старой печати.

— Эти ящики стояли здесь всегда? — спросил Иларион.

— Нет, — ответила Мирина. — Я помню, что раньше их не было. Их принесли после возвращения Лаомедонта.

— Кто принёс?

— Не знаю. Двое служителей сказали, что это распоряжение дворца. Но я не видела, чтобы они передавали бумаги в общий архив.

Иларион осторожно снял крышку. Внутри лежали несколько свитков, перевязанных потемневшей лентой. На одном из них сохранилась печать прежнего царя.

— Вот что нам было нужно, — прошептал старик.

Он развернул документ. Почерк был знакомым, но содержание заставило его несколько раз перечитать первые строки. Это был не договор о престолонаследии, как предполагал Леонтий. В документе говорилось о соглашении между Троей и морским союзом, заключённом после крупного торгового конфликта. Союз обещал защищать морские пути, а царский дом предоставлял его представителям право участвовать в наблюдении за соблюдением торговых обязательств.

Но в конце имелась дополнительная запись, сделанная другой рукой. В ней упоминались два наследника старшей царской ветви и обязательство сохранить их жизнь в случае внутреннего конфликта.

— Иларион, что там написано? — спросила Мирина.

Старик провёл пальцем по строкам.

— Здесь сказано, что морской союз должен был обеспечить безопасность двух детей, если царская семья окажется под угрозой. Но дальше добавлено, что в случае нарушения соглашения союз получает право потребовать восстановления прежнего порядка.

— Какого именно порядка?

— Вот этого я пока не понимаю.

Он перевернул свиток и увидел маленький знак, почти незаметный под слоем воска. Два льва, между которыми находилась корона, но над ними — изображение золотого корабля.

— Это не обычная царская печать, — сказал Иларион. — Возможно, она принадлежала самому союзу.

Мирина заметила на краю документа ещё одну надпись.

— Здесь есть имя.

Иларион наклонился ближе. Под дополнительной записью стояло имя Леонтия. Рядом — подпись прежнего царя.

Старик медленно откинулся на спинку стула.

— Значит, он действительно был участником соглашения. Но это ещё не доказывает, что он имел право распоряжаться судьбами детей.

— А если он считает, что имел?

Иларион посмотрел на девушку.

— Тогда он совершил ошибку, за которую теперь может заплатить весь город.

На главном корабле Леонтий тем временем принимал своих приближённых. Он был человеком, привыкшим к подчинению, но сегодня ему приходилось скрывать нетерпение. Возвращение в Трою, которое он представлял себе много лет, оказалось сложнее, чем ожидалось. Он рассчитывал увидеть испуганного Приама, растерянного Лаомедонта и двух молодых людей, которые не знали бы, кому верить. Вместо этого перед ним оказалась семья, уже начавшая собираться вокруг общей правды.

— Филократ, — произнёс он, — что известно об Агеноре?

— Он покинул Трою, но наши люди видели его неподалёку от северной дороги.

— Найди его. Он должен вернуться.

— А если откажется?

— Тогда напомни ему, что именно благодаря нам он получил возможность воспитывать Дория.

Филократ кивнул, но не спешил уходить.

— Есть ещё одно обстоятельство. Северий находится в городе.

Леонтий поднял голову.

— Северий?

— Да. Он встретился с Гектором и привёл Эвримедонта.

Впервые за всё время лицо Леонтия утратило спокойствие.

— Значит, Эвримедонт тоже вернулся.

— Да.

Леонтий подошёл к окну. Теперь многое становилось понятнее. Он надеялся, что Эвримедонт останется за морем, а Дорий продолжит считать Агенора своим отцом. Но судьба распорядилась иначе.

— Мы не должны позволить им встретиться с теми, кто знает всю историю, — сказал он.

— Кто ещё знает?

Леонтий повернулся к нему.

— Человек, которого они считают погибшим вместе с нашим прежним царём. Если он жив, то все наши усилия могут оказаться напрасными.

— Ты говоришь о царском советнике?

— Нет. Я говорю о самом свидетеле, который видел последнюю ночь старого дворца и знает, кто первым нарушил клятву.

Филократ побледнел.

— Но его имя давно исключено из всех списков.

— Именно поэтому мы должны найти его раньше Илариона.

Вечером Приам созвал совет. На этот раз он пригласил не только военачальников и членов царской семьи, но и нескольких старейшин, которые помнили последние годы правления прежнего царя. Эвримедонт также присутствовал. Он сидел рядом с Дорием, хотя между ними всё ещё сохранялась осторожность двух людей, которым предстояло заново узнать друг друга.

Иларион принёс найденный документ и зачитал его содержание.

— Получается, морской союз действительно имел обязательства перед нашим домом, — произнёс один из старейшин. — Возможно, Леонтий лишь требует исполнения договора.

— Но договор не давал ему права управлять Троей, — возразил Гектор.

— Здесь есть ещё одна запись, — продолжил Иларион. — В случае гибели или исчезновения обоих наследников старшей ветви союз должен был временно обеспечить сохранность царского имущества и защиту торговых путей. Но никаких прав на престол в документе не указано.

Приам внимательно посмотрел на старейшин.

— Значит, если Леонтий утверждает обратное, он лжёт.

— Или располагает другой частью соглашения, — заметил Лаомедонт.

— Тогда пусть предъявит её, — сказал Парис.

Эвримедонт поднялся.

— Я хочу обратиться к вам не как наследник и не как человек, который только что вернулся из долгого изгнания. Я хочу говорить как отец. Если Леонтий считает, что имеет право требовать от меня подчинения, пусть объяснит, почему столько лет скрывал от меня судьбу моего сына. Если он утверждает, что защищал нас, пусть ответит, от кого именно.

Дорий поднялся рядом с ним.

— И пусть объяснит, почему меня лишили возможности знать собственную мать.

В зале стало тихо. Даже те, кто ещё недавно склонялся к мысли о необходимости уступить морскому союзу, теперь смотрели на Леонтия иначе. Старые договоры могли объяснить поступки людей, но не могли оправдать каждую совершённую ими жестокость.

Приам встал.

— Завтра утром я приму Леонтия в городе. Он получит возможность представить свои доказательства. Но ни один вооружённый отряд не пересечёт наши ворота без моего разрешения. Троя не будет вести переговоры под угрозой оружия.

Гектор одобрительно кивнул.

— Я обеспечу безопасность встречи.

— Нет, — сказал Приам. — Ты будешь отвечать за городские укрепления. Встречу проведёт Лаомедонт вместе со мной.

Старший брат удивлённо посмотрел на него.

— Ты доверяешь мне это дело?

— Ты имеешь не меньше прав говорить от имени нашего отца, чем я. Возможно, даже больше. И я не собираюсь снова принимать решения за тебя.

Лаомедонт долго смотрел на брата, затем протянул ему руку. Приам пожал её. Этот жест не отменял прошлого, но впервые за долгое время между ними возникло настоящее согласие.

Позднее, когда совет закончился, Парис вышел на балкон. Внизу горели огни города, а над морем медленно поднималась луна. Дорий вскоре присоединился к нему.

— Завтра многое решится, — сказал Дорий.

— Возможно. Но я не думаю, что Леонтий расскажет нам всё сразу.

— Тогда придётся научиться отличать правду от того, что он захочет выдать за правду.

Парис посмотрел на море.

— Знаешь, чего я боюсь больше всего? Не того, что кто-то попытается отнять у нас власть. Я боюсь, что мы так увлечёмся поисками прошлого, что перестанем замечать тех, кто живёт рядом с нами сейчас.

Дорий кивнул.

— Тогда нам придётся напоминать друг другу, ради чего всё это.

В ту же ночь в старом доме за пределами города появился человек, которого давно считали умершим. Он не зажигал свет и не подходил к окнам. В руках у него был небольшой свёрток, внутри которого находилась вторая часть договора с морским союзом. На последней странице сохранилась запись, способная изменить смысл всего, что они узнали за последние дни.

Человек развернул свиток и провёл пальцем по выцветшей строке, затем произнёс:

— Леонтий вернулся слишком поздно. Теперь я должен рассказать Приаму, кто на самом деле нарушил клятву его отца.

И впервые за долгие годы он направился к Трое не для того, чтобы скрыться от прошлого, а чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

Глава двадцать седьмая. Свидетель последней клятвы

Человек, покинувший старый дом, двигался медленно, опираясь на тяжёлую деревянную трость. Ночь была прохладной, дорога после недавнего дождя размокла, и каждый шаг давался ему с трудом. Он мог бы дождаться рассвета, но знал: времени почти не осталось. Леонтий уже вернулся к троянским берегам, а значит, скоро начнёт действовать. Если старый свидетель не успеет добраться до Приама, правда снова может исчезнуть на долгие годы.

Он остановился возле придорожного источника, умыл лицо и посмотрел на своё отражение в воде. Из воды на него смотрел незнакомый старик с глубокими морщинами и седыми волосами. Трудно было поверить, что когда-то он служил при царском дворе, сопровождал правителей в дальних поездках и участвовал в переговорах, от которых зависела судьба целых городов.

— Сколько лет прошло, — прошептал он. — А я всё ещё боюсь произнести правду.

Он достал из-под плаща небольшой перстень. На нём был изображён золотой корабль, окружённый двумя львами. Такой же знак Иларион видел на старом договоре, найденном в архиве. Старик долго рассматривал его, затем спрятал обратно и продолжил путь.

На рассвете его заметил дозорный у восточных ворот. Незнакомец попросил передать царю, что прибыл человек, который знал прежнего правителя и может рассказать о последней клятве царского дома. Когда его спросили об имени, он ответил не сразу.

— Скажите Приаму, что пришёл Феодор. Он вспомнит.

Весть быстро дошла до дворца. Приам, услышав имя, побледнел.

— Феодор? — переспросил он.

— Да, государь, — ответил гонец.

Лаомедонт, находившийся рядом, поднялся.

— Это невозможно. Феодор погиб вместе с нашим отцом.

— Я тоже так думал, — тихо произнёс Приам. — Но теперь, кажется, нам придётся пересмотреть многое из того, что мы считали установленным.

Он приказал немедленно привести старика во дворец.

Феодор вошёл в зал, опираясь на трость. Приам несколько мгновений смотрел на него, не узнавая, а затем медленно подошёл.

— Ты жив…

— Как видишь, государь.

— Мы оплакивали тебя. Нам сообщили, что ты погиб в ту ночь, когда наш отец отправился на последнее совещание с представителями морского союза.

— Мне пришлось исчезнуть. Иначе я бы не дожил до сегодняшнего дня.

Лаомедонт подошёл ближе.

— Ты был свидетелем того, что произошло?

— Я был не просто свидетелем, царевич. Я участвовал в событиях, которые привели к гибели прежнего царя и исчезновению нескольких членов нашего дома. И теперь должен рассказать то, что скрывал слишком долго.

Приам приказал всем присутствующим сесть. В зале остались Лаомедонт, Гектор, Парис, Дорий, Иларион и Северий. Феодор медленно опустился на скамью, попросил воды и только после этого начал рассказ.

— Ваш отец, государь, не собирался передавать власть морскому союзу. Напротив, он намеревался разорвать соглашение, которое заключил много лет назад. Он понял, что союз постепенно превращается из защитника торговых путей в силу, стремящуюся управлять царскими домами. Его представители вмешивались в наследственные споры, подкупали советников, поддерживали одних наследников против других и старались сделать так, чтобы каждый правитель зависел от их помощи.

— Почему же он не объявил об этом открыто? — спросил Гектор.

— Потому что не все его приближённые были верны ему. Среди них находились люди, которые получали деньги от союза. Царь опасался, что любое открытое выступление приведёт к перевороту.

Иларион внимательно слушал, не перебивая.

— Однажды ваш отец созвал тайное совещание, — продолжил Феодор. — Там присутствовали Леонтий, я, Эвримедонт и ещё несколько человек. Лаомедонт в то время находился за пределами Трои. Приам был слишком молод, чтобы участвовать в государственных делах. Царь объявил, что соглашение должно быть пересмотрено, а все права союза на вмешательство в дела наследования отменены.

— И что произошло? — спросил Приам.

— Леонтий выступил против. Он утверждал, что Троя не сможет самостоятельно защитить свои морские пути. Ваш отец ответил, что лучше потерять часть торговли, чем потерять

независимость. Тогда Леонтий предложил компромисс: союз продолжит охранять побережье, но не станет вмешиваться в дела царского дома. Царь согласился рассмотреть предложение.

— Значит, они могли договориться? — спросил Парис.

Феодор покачал головой.

— Нет. Потому что в ту ночь Леонтий уже знал, что решение царя будет окончательным. Он подготовил людей, которые должны были задержать его и не позволить вернуться во дворец.

Лаомедонт сжал подлокотник кресла.

— Ты хочешь сказать, что нашего отца убили?

— Я не видел самого удара. Но видел, как после совещания его унесли из помещения без сознания. Леонтий приказал объявить, что царь умер от внезапной болезни. А затем потребовал сохранить договор в прежнем виде.

В зале стало тихо.

— Почему ты не рассказал об этом тогда? — спросил Приам.

— Потому что у меня не было доказательств, а моя семья находилась в руках людей Леонтия. Я сумел скрыться, но не мог вернуться. Я надеялся, что со временем его влияние ослабнет. Однако он не исчез. Он продолжал действовать через морской союз, а после кораблекрушения использовал случившееся, чтобы закрепить свою власть.

Эвримедонт, до этого молчавший, поднял голову.

— Значит, ты знаешь, почему меня разлучили с Клеоменой и сыном?

— Да, — ответил Феодор. — Но здесь есть обстоятельство, о котором я узнал значительно позднее. Леонтий не собирался убивать тебя. Ему был нужен человек, который мог бы претендовать на власть, но не имел возможности вернуться в Трою. Ты был удобен ему именно потому, что оставался живым наследником, оторванным от своего дома.

— А Дорий? — спросил Эвримедонт.

— Твой сын должен был стать средством давления на тебя. Но Клеомена сумела скрыть его от людей союза. Она знала, что ребёнок будет в безопасности только вдали от тех, кто искал наследников.

Дорий слушал, не отводя взгляда от старика.

— Она знала, что больше никогда меня не увидит?

— Боюсь, что да. Перед тем как исчезнуть, Клеомена передала мне письмо. Она просила сохранить его до того дня, когда ты узнаешь правду.

Феодор достал из внутреннего кармана плаща небольшой свёрток, обёрнутый потемневшей тканью. Дорий осторожно принял его. На воске сохранился знак двух львов.

— Это письмо моей матери?

— Да.

Дорий развернул свёрток. Почерк был неровным, местами почти нечитаемым, словно письмо писали в спешке.

«Мой сын, если однажды ты прочтёшь эти строки, значит, я не смогла вернуться к тебе. Не знаю, каким ты станешь и кто будет рядом с тобой. Не знаю даже, узнаешь ли ты моё имя. Но хочу, чтобы ты понял: я не отдала тебя потому, что не любила. Я отдала тебя потому, что любила слишком сильно, чтобы позволить другим распоряжаться твоей жизнью. Не ненавидь тех, кто будет скрывать от тебя правду, пока не узнаешь, чего они боялись. И не позволяй чужой крови определять, кем тебе быть. Ты не обязан становиться наследником, воином или царём только потому, что кто-то так решил. Ты прежде всего человек. Этого я желала тебе больше всего».

Дорий остановился. Он перечитал последние строки, но не смог продолжить. Парис положил руку ему на плечо. Никто не пытался утешить его словами. Иногда молчание было единственным способом дать человеку пережить то, что нельзя разделить с другим.

Наконец Дорий сложил письмо и спрятал его за пазуху.

— Где она погибла? — спросил он.

Феодор опустил глаза.

— Я не знаю точно. Мне сообщили, что Клеомена умерла вдали от Трои, после долгой болезни. Но я никогда не видел её могилы. И теперь, после всего, что мы узнали, не могу ручаться, что это правда.

Дорий глубоко вздохнул.

— Значит, даже её смерть остаётся загадкой.

— Да, — ответил Феодор. — Но я обещаю помочь тебе найти ответ.

Приам поднялся.

— Ты сказал, что Леонтий организовал заговор против нашего отца. Почему же он теперь требует исполнения старого договора, если сам нарушил его первым?

Феодор достал второй свиток.

— Потому что в договоре существовало приложение, о котором вы не знали. После смерти прежнего царя Леонтий получил право временно представлять интересы морского союза при дворе, если наследники не смогут самостоятельно управлять государством. Но это право действовало только до возвращения старшей ветви царского дома. С возвращением Лаомедонта оно утратило силу.

Лаомедонт посмотрел на Приама.

— Значит, он знает, что его полномочия закончились.

— Именно поэтому он прибыл с флотом, — ответил Феодор. — Ему нужно заставить вас признать его власть прежде, чем станет известно содержание второй части договора.

Иларион взял свиток и внимательно изучил печать.

— Здесь есть ещё одна строка, — сказал он. — Она добавлена позднее. «Если представитель союза нарушит клятву, его полномочия переходят к тому, кто сохранил верность царскому дому».

— И кто этот человек? — спросил Гектор.

Феодор посмотрел на Северия.

— Это Северий.

Все повернулись к старому моряку.

— Я? — переспросил тот.

— Да. Именно тебе прежний царь поручил следить за исполнением соглашения. Ты должен был вернуться после завершения переговоров и передать Приаму вторую часть договора. Но Леонтий перехватил тебя, а затем заставил скрываться.

Северий медленно поднялся.

— Я помню, что царь дал мне какое-то поручение. Но после кораблекрушения всё смешалось. Я думал, что речь шла только о спасении детей.

— Это было частью поручения, — подтвердил Феодор. — Но не всем.

Приам взял документ и долго рассматривал его.

— Значит, теперь именно Северий имеет право объявить о нарушении договора?

— Да, государь.

— Тогда он должен сделать это перед всеми, кто находится на кораблях.

Северий задумался.

— Я готов. Но есть одна опасность. Если Леонтий узнает, что его полномочия официально прекращены, он может начать высадку раньше времени.

— Пусть попробует, — произнёс Гектор. — Троя не останется без защиты.

— Не торопись, сын, — сказал Приам. — Мы должны дать ему возможность отступить. Даже виновный человек иногда способен остановиться, если понимает, что дальнейшее сопротивление приведёт к гибели многих.

Парис посмотрел на отца.

— А если он не остановится?

— Тогда мы будем защищать город. Но первыми мечи мы не поднимем.

К вечеру в Трое стало известно о прибытии Феодора. Новость быстро распространилась среди старейшин, и многие пришли к дворцу, чтобы своими глазами увидеть человека, которого считали погибшим. Некоторые помнили его ещё молодым советником, другие знали только по старым рассказам. Его появление стало для горожан ещё одним доказательством того, что прошлое Трои далеко не так хорошо изучено, как они думали.

В это время Агенор, находившийся в небольшом поселении к северу от города, получил сообщение от человека Леонтия. В письме содержалось короткое требование: немедленно прибыть на главный корабль и подтвердить, что Дорий был передан ему на воспитание по распоряжению морского союза.

Агенор прочитал письмо дважды. Он понимал, что Леонтий пытается вернуть его в прежнюю игру. Но теперь всё изменилось. Дорий знал правду, Эвримедонт вернулся, а Приам больше не собирался скрывать происхождение второго наследника.

Агенор подошёл к окну. Во дворе играли дети, и один из мальчиков напомнил ему Дория в том возрасте, когда тот впервые научился держать деревянный меч. Он вспомнил, как сын падал, сердился, снова поднимался и требовал продолжать урок. Тогда Агенор был уверен, что сумеет защитить его от всего мира. Теперь же ему предстояло признать, что именно его страх помогал людям Леонтия скрывать правду.

Он позвал слугу и приказал готовить коня.

— Ты едешь в Трою? — спросил тот.

— Да.

— Но ведь тебя могут арестовать.

Агенор посмотрел на него.

— Пусть. Мне нужно увидеть Дория.

Он помолчал и добавил:

— И, если потребуется, я должен буду ответить перед ним за всё, что сделал и чего не сделал.

Ночью Агенор отправился в путь. Он не знал, примут ли его во дворце, но впервые за долгие годы не собирался искать оправданий. Ему предстояло встретиться с человеком, которого он называл сыном, хотя теперь знал, что не был его отцом по крови.

А на главном корабле Леонтий получил донесение о появлении Феодора в Трое. Он прочитал сообщение, сжал лист и долго сидел неподвижно.

— Значит, старик всё-таки решился, — произнёс он.

Филократ стоял рядом и ждал приказа.

— Что будем делать?

Леонтий поднялся и подошёл к карте побережья.

— Завтра мы не будем ждать приглашения Приама. Передай капитанам, чтобы приготовились к высадке. Если Троя хочет услышать правду, она услышит её на своих улицах.

— Но договор…

— Договор больше не имеет значения. Теперь всё решит сила.

Он посмотрел в сторону города. В темноте над башнями горели сторожевые огни, и каждый из них напоминал ему о том, что когда-то он сам ходил по этим улицам, верил в царскую справедливость и считал Трою своим домом. Но те времена закончились. Теперь он возвращался не для того, чтобы просить прощения, а чтобы заставить город признать его правоту.

И пока Троя готовилась к новой встрече, на кораблях уже поднимали якоря, а первые десантные лодки спускали на воду. Леонтий решил не ждать утра.

Глава двадцать восьмая. Ночь перед сражением

Первую лодку заметили с южной башни незадолго до полуночи. За ней двигались ещё несколько судов, и вскоре стало ясно, что Леонтий не намерен дожидаться рассвета. Воины на борту не зажигали факелов, стараясь воспользоваться темнотой, однако лунный свет выдавал их движение. Троянский дозорный ударил в бронзовый колокол, и его тревожный звон разнёсся над городом.

Гектор уже находился в казармах, когда прибежал гонец.

— К южному берегу приближаются лодки! По меньшей мере десять!

— Сколько людей?

— Трудно определить. Но они вооружены.

Гектор застегнул ремни панциря и взял меч.

— Поднять весь гарнизон. Лучникам занять башни, пехоте собраться у южных ворот. Никто не должен покидать укрепления без приказа.

Он вышел во двор, где уже собирались воины. Многие были молодыми, ещё не участвовавшими в настоящем сражении. Они смотрели на своего командира и ждали, что он скажет.

— Сегодня ночью нас проверят на прочность, — произнёс Гектор. — Не позволяйте страху управлять вашими руками. За стенами находятся наши дома, семьи и близкие. Мы не обязаны ненавидеть тех, кто идёт против нас, но обязаны защитить тех, кто доверил нам свою жизнь. Держите строй и не бросайтесь в погоню за противником. Наша задача — не уничтожить каждого нападающего, а не дать ему войти в город.

Воины ответили коротким возгласом и направились к назначенным позициям.

В царском дворце Приам получил известие о начале высадки. Он поднялся со своего ложа и приказал немедленно созвать военный совет. Гекуба уже была одета и стояла возле двери.

— Ты должен остаться во дворце, — сказал он ей.

— Я останусь там, где смогу быть полезной.

— Сейчас тебе нечего делать среди воинов.

— А кто позаботится о раненых, если они появятся? Кто успокоит женщин, которые приведут сюда детей? Ты думаешь, что царский дворец должен заниматься только приказами?

Приам хотел возразить, но понял, что спорить бесполезно.

— Будь осторожна, — произнёс он.

— Ты тоже.

Они обменялись коротким взглядом, в котором было больше тревоги, чем могли выразить слова. Приам вышел из комнаты, а Гекуба направилась к внутренним помещениям, где уже готовили воду, повязки и место для приёма раненых.

Лаомедонт встретил брата у входа в зал совета.

— Значит, Леонтий решил говорить оружием.

— Он сам выбрал этот путь, — ответил Приам. — Но мы ещё можем остановить кровопролитие.

— Не думаю, что он теперь станет слушать.

— Тогда придётся заставить его услышать.

Парис и Дорий вошли в зал одновременно. Оба были вооружены, но на их лицах не было той горячности, которая иногда заставляет молодых людей искать опасность ради собственной славы.

— Мы пойдём к Гектору, — сказал Парис.

Приам внимательно посмотрел на сыновей.

— Вы не обязаны участвовать в каждом столкновении. Ваша жизнь важна для города.

— Именно поэтому мы не можем оставаться здесь, пока другие защищают наши дома, — ответил Дорий.

Лаомедонт подошёл к ним.

— Я понимаю ваше желание сражаться. Но помните, что вы не просто воины. Если сегодня кто-то погибнет, это не вернёт нам прошлое и не исправит совершённых ошибок.

— Мы не ищем мести, — сказал Парис. — Мы хотим, чтобы завтра в городе снова открылись рынки, чтобы дети могли играть на улицах, а люди не боялись каждого корабля на горизонте.

Приам обнял обоих.

— Идите. Но обещайте мне, что будете беречь друг друга.

— Обещаем, — ответил Парис.

На южном побережье первые лодки уже достигли мелководья. Люди Леонтия высаживались небольшими группами, стараясь не создавать шума. Их командир рассчитывал захватить старую пристань, затем пробраться к южным воротам и открыть их изнутри. Для этого он заранее подкупил нескольких служителей, которые должны были находиться возле сторожевого поста.

Однако Гектор предусмотрел возможность подобного манёвра. Ещё днём он приказал заменить караулы у всех малых ворот и проверить каждого человека, имевшего доступ к механизмам запоров.

Когда первые нападавшие приблизились к укреплению, их встретили стрелы. Несколько человек упали в воду, остальные попытались укрыться за лодками. С берега ответили выстрелы из луков, и над побережьем раздались первые боевые крики.

Гектор находился на стене вместе с Парисом и Дорием.

— Они не собираются штурмовать город сразу, — заметил Парис. — Пытаются отвлечь нас от пристани.

— Верно, — ответил Гектор. — Основной отряд ещё не высадился.

Он приказал лучникам перенести огонь на лодки, которые приближались к небольшому мысу. Там находилась старая дорога, ведущая к южным воротам. Если нападающие сумеют закрепиться на ней, они получат возможность атаковать укрепления с двух сторон.

Дорий заметил движение среди камней у подножия стены.

— Гектор! Там люди!

Несколько воинов противника уже добрались до нижней части укрепления и пытались установить лестницы. Дорий первым бросился к лестничному спуску. Парис последовал за ним.

— Не разделяться! — крикнул Гектор.

Но было поздно. Нападающие начали подниматься, и троянским защитникам пришлось вступить в ближний бой. Один из воинов противника сумел перебраться через край стены, однако Дорий встретил его ударом щита и сбросил вниз. Парис помог раненому троянцу подняться, затем вместе с ним оттеснил ещё двоих нападавших.

Сражение продолжалось недолго, но было ожесточённым. Люди Леонтия не ожидали столь организованного сопротивления и вскоре начали отступать к лодкам. Гектор приказал не преследовать их за пределами укреплений.

— Пусть уходят, — сказал он. — Сегодня нам важнее сохранить стены.

Когда стрельба стихла, Парис обнаружил, что на его предплечье появилась глубокая царапина. Он попытался скрыть её, но Дорий заметил кровь.

— Ты ранен.

— Пустяки.

— Не говори глупостей. Пойдём к лекарю.

— Сначала проверим, что с остальными.

Гектор подошёл к ним.

— Я сам проверю. А вы отправляйтесь во дворец. Это приказ.

Парис хотел возразить, но увидел выражение лица брата и не стал спорить.

В это время в городе происходило нечто не менее важное. Несколько человек, проникших в Трою ещё до начала высадки, попытались открыть малые ворота изнутри. Однако караульные задержали их прежде, чем они успели снять засовы. Среди задержанных оказался молодой служитель дворца, которого Иларион знал с детства.

Старик был потрясён, когда увидел его связанным во дворе.

— Зачем ты это сделал? — спросил он.

Юноша опустил голову.

— Мне обещали, что никто не пострадает. Сказали, что люди Леонтия только войдут в город и потребуют исполнения договора.

— И ты поверил?

— Мне заплатили. Моя семья задолжала торговцу, а он угрожал отнять наш дом. Я не знал, что начнётся нападение.

Иларион долго смотрел на него. Ему хотелось разгневаться, но перед ним стоял не безжалостный предатель, а испуганный человек, который позволил чужим обещаниям купить собственную совесть.

— Ты должен был прийти ко мне, — сказал старик. — Я мог бы помочь твоей семье.

— Я боялся.

— Вот так и начинаются большие беды. Не всегда с ненависти. Иногда достаточно страха и уверенности, что за собственную ошибку можно заплатить чужой жизнью.

Иларион приказал передать юношу стражникам, но просил не причинять ему вреда до окончания разбирательства.

Агенор прибыл к восточным воротам в тот момент, когда туда доставили первых раненых. Он спешился и, увидев происходящее, сразу понял, что опоздал на важный разговор. Стражники узнали его и окружили.

— Я должен увидеть Приама, — сказал он.

— Ты арестован по приказу царя, — ответил начальник караула.

— Я не собираюсь сопротивляться. Но прежде мне необходимо увидеть Дория.

Начальник стражи помедлил, затем приказал отвести Агенора во дворец.

Когда Дорий увидел его, то на мгновение растерялся. Он не ожидал, что приёмный отец решится вернуться именно сейчас. Агенор стоял перед ним без оружия, в дорожной одежде, с усталым лицом.

— Ты приехал к Леонтию? — спросил Дорий.

— Нет. Я приехал к тебе.

— Зачем?

Агенор посмотрел ему в глаза.

— Потому что больше не хочу прятаться за словами о необходимости и защите. Я знал, что от тебя скрывают правду. Я боялся потерять тебя и поэтому позволял другим решать, что тебе следует знать. Возможно, я не понимал всего, но достаточно понимал, чтобы однажды задать правильный вопрос. Я не задал его.

Дорий молчал.

— Я воспитывал тебя как собственного сына, — продолжил Агенор. — И это не было ложью. Но я должен был сказать тебе, что ты родился не у меня и что твоя мать была другой женщиной. Я не сделал этого. Прости меня, если когда-нибудь сможешь.

Дорий отвернулся к окну.

— Ты был рядом, когда я нуждался в тебе. Я помню это. Но теперь мне трудно понять, почему ты боялся правды больше, чем моей боли.

— Потому что я был слабее, чем хотел казаться.

Эти слова прозвучали просто, без попытки оправдаться. Дорий снова посмотрел на него.

— Я не могу сейчас назвать тебя отцом так, как раньше. Но и ненавидеть тебя не хочу.

Агенор кивнул.

— Этого я не вправе требовать.

Парис, стоявший неподалёку, почувствовал, что им обоим необходимо остаться одним. Он тихо вышел из комнаты и направился к Гектору, чтобы узнать о положении на южном побережье.

К утру первая попытка высадки была отбита. На берегу остались несколько лодок, оружие и тела погибших. Троянцы потеряли девять воинов, ещё несколько десятков получили ранения. Нападавших оказалось значительно больше, но они не сумели закрепиться на побережье.

Гектор вернулся во дворец вместе с начальником стражи. Его одежда была испачкана кровью и морской грязью.

— Они отступили, — доложил он Приаму. — Но это не поражение Леонтия. Он проверял нашу оборону.

— И что ты понял?

— Что его люди знают расположение наших укреплений. Кто-то передал им сведения о старых дорогах и сторожевых постах. Кроме того, среди нападавших были люди, которые говорили на троянском языке и знали местные обычаи. Это не случайные наёмники.

Приам нахмурился.

— Значит, у него есть сообщники внутри города.

— Были, — ответил Гектор. — Нескольких мы задержали. Но я не уверен, что нашли всех.

Северий подошёл к столу.

— Леонтий не станет долго ждать. Он понимает, что Феодор и Иларион нашли документы, а значит, его положение становится всё слабее. Ему нужна победа, пока остальные корабли ещё подчиняются его приказам.

— Тогда нам необходимо обратиться к экипажам напрямую, — сказал Лаомедонт. — Многие из этих людей, вероятно, не знают настоящей цели похода.

— Я готов выступить перед ними, — произнёс Северий. — Если они увидят вторую часть договора и услышат о нарушении клятвы, часть моряков может отказаться воевать против Трои.

— Это опасно, — возразил Гектор. — Леонтий может расправиться с теми, кто решит перейти на нашу сторону.

— Опасность уже существует, — ответил Северий. — Но если мы ничего не предпримем, она только возрастёт.

Приам согласился с ним. Было решено отправить к кораблям посланника с копией договора и предложением провести открытое собрание на нейтральной территории. Однако прежде чем посланник успел покинуть дворец, во двор вошёл незнакомый воин.

Он был ранен в плечо и едва держался на ногах. Стражники поддержали его и подвели к Приаму.

— Государь, — выговорил он, — я служил на главном корабле. Я больше не могу оставаться с Леонтием.

— Почему?

Воин посмотрел на Северия, затем на Эвримедонта.

— Потому что сегодня ночью я услышал разговор. Леонтий приказал своим людям захватить не только южные ворота, но и царский дворец. Ему нужен живой Приам. Он собирается заставить его подписать новый договор, по которому Троя признаёт власть морского союза.

— А что он намерен сделать с наследниками? — спросил Лаомедонт.

Воин помедлил.

— Париса и Дория приказано взять живыми. Но если они окажут сопротивление, их могут убить.

Дорий посмотрел на Париса. Тот ничего не сказал, только крепче сжал рукоять меча.

— И ещё, — продолжил воин. — Леонтий приказал подготовить отдельный отряд для захвата Эвримедонта. Он считает, что тот знает, где находится последний документ нашего прежнего царя.

Эвримедонт побледнел.

— Какой документ?

Воин покачал головой.

— Я не знаю. Но Леонтий сказал, что без него старый договор нельзя считать окончательно исполненным.

Иларион поднял глаза.

— Значит, вторая часть соглашения — ещё не всё.

Приам посмотрел на Феодора.

— Ты знаешь, о каком документе идёт речь?

Старик долго молчал. Затем медленно произнёс:

— Да. И если Леонтий ищет именно его, нам придётся вернуться к последней ночи нашего отца. Потому что тогда он передал этот документ не мне и не Северии. Он отдал его человеку, которого мы все считали предателем.

— Кому? — спросил Гектор.

Феодор посмотрел на Агенора, стоявшего у двери под охраной.

— Человеку, который много лет назад помог Леонтию скрыть правду о двух младенцах. И который, возможно, всё это время хранил последнюю волю прежнего царя.

В зале повисла тишина. Агенор поднял голову, и на его лице появилось выражение человека, который услышал имя собственного прошлого. Он медленно произнёс:

— Теперь я понимаю, почему Леонтий приказал найти меня. Он знает, что документ всё ещё существует. И знает, что я могу указать место, где он спрятан.

Дорий повернулся к нему.

— Ты снова что-то от меня скрываешь?

Агенор выдержал его взгляд.

— Да. Но на этот раз я расскажу тебе всё. Даже если после этого ты больше никогда не захочешь меня видеть.

За окнами дворца начинал светлеть горизонт. Троя пережила первую ночь нападения, но впереди её ждало не только новое сражение. Теперь каждый из тех, кто стоял в зале, понимал: судьба города зависит от тайны, которую слишком долго хранили люди, считавшие себя его защитниками. И прежде чем Леонтий сможет получить желаемое силой, им предстояло выяснить, кому именно прежний царь доверил свою последнюю волю.

Глава двадцать девятая. Последняя воля царя

Агенор не сразу заговорил. Он стоял посреди зала, окружённый людьми, которым за последние годы успел причинить немало боли, и понимал, что теперь уже не сможет укрыться за привычными оправданиями. Дорий смотрел на него настороженно, Приам ждал объяснений, а Феодор, казалось, пытался вспомнить какую-то подробность, давно затерявшуюся среди событий прошлого.

— Ты сказал, что знаешь, где находится документ, — наконец произнёс Приам. — Объясни, почему наш отец доверил его тебе.

— Не мне одному, государь. Я был лишь одним из тех, кто должен был обеспечить его сохранность. Но тогда я ещё не понимал, насколько опасным окажется это поручение.

Агенор снял с пальца простое бронзовое кольцо и положил его на стол. На внутренней стороне была едва заметная надпись, почти стёртая временем.

Иларион приблизился и внимательно осмотрел украшение.

— Это знак царской канцелярии, — сказал он. — Но я не припоминаю, чтобы такие кольца выдавали советникам.

— Их не выдавали советникам, — ответил Агенор. — Их получали хранители личных поручений царя. Нас было четверо. Один погиб во время кораблекрушения. Второго я больше никогда не видел. Третий, как я теперь понимаю, оказался на стороне Леонтия. А четвёртым был я.

— Почему ты молчал столько лет? — спросил Лаомедонт.

— Потому что мне приказали молчать. И потому что я боялся. Сначала боялся Леонтия, потом — потерять Дория, а позднее уже не знал, как рассказать правду, не разрушив всё, что успел построить.

Дорий отвёл взгляд. Ему было тяжело слушать признания человека, которого он ещё недавно считал своим единственным отцом.

— Что именно ты хранил? — спросил Северий.

— Не сам договор. Его первоначальную копию, составленную ещё до появления морского союза в Трое. В ней были перечислены права царской семьи, условия заключения союза и обстоятельства, при которых его полномочия прекращались. Но самое важное находилось в приложении, написанном рукой прежнего царя.

Иларион задумался.

— Я видел упоминание о таком приложении в старом реестре. Там говорилось о трёх печатях, подтверждавших законность соглашения.

— Верно, — сказал Агенор. — Одна печать принадлежала царю, вторая — представителю морского союза, третья — человеку, который должен был следить за соблюдением условий. Но существовал ещё один знак, не предусмотренный официальным договором. Он подтверждал, что соглашение не может быть использовано против троянского народа.

— Где находится документ? — спросил Гектор.

Агенор посмотрел на Приама.

— В старом доме у северной гавани. Там, где прежде хранились царские корабельные списки. Я спрятал его в каменной нише под полом, когда понял, что люди Леонтия ищут его.

— Ты мог уничтожить его, — заметил Приам.

— Мог. Но тогда исчезло бы последнее доказательство того, что морской союз никогда не получал права распоряжаться Троей. Я надеялся, что однажды появится человек, способный восстановить справедливость.

— И ты ждал этого дня, пока другие расплачивались за твоё молчание? — тихо спросил Дорий.

Агенор не стал оправдываться.

— Да. Это одна из моих самых тяжёлых ошибок.

Лаомедонт подошёл к окну. За стенами дворца уже слышались голоса горожан, возвращавшихся к своим делам после тревожной ночи. Однако спокойствие было обманчивым: на южном побережье продолжали дежурить вооружённые отряды, а корабли Леонтия оставались у берега.

— Мы должны забрать документ до того, как он узнает о нашем разговоре, — сказал Лаомедонт.

— Это невозможно сделать незаметно, — возразил Гектор. — Северная гавань находится под наблюдением. После ночного нападения Леонтий наверняка усилит разведку.

— Тогда отправимся небольшим отрядом, — предложил Парис. — Без царских знамён и сопровождения.

— Я пойду с вами, — сказал Дорий.

Агенор поднял голову.

— Я тоже должен идти. Только я знаю, как открыть тайник.

Гектор посмотрел на Приама. Тот некоторое время молчал, затем принял решение.

— Гектор, возьми с собой Париса, Дория и несколько проверенных воинов. Агенор будет вашим проводником. Иларион останется здесь и подготовит место для изучения документа. Северий должен отправить послание на корабли Леонтия. Мы не станем ждать, пока он снова нападёт.

— А ты? — спросил Лаомедонт.

— Я останусь в городе. Если противник узнает, что вы покинули дворец, он может попытаться воспользоваться этим. Троя не должна оказаться без управления.

Гектор коротко кивнул и направился готовить отряд.

Когда Парис и Дорий вышли во двор, Гекуба уже ждала их. Она узнала о ночном столкновении и сразу заметила повязку на руке Париса.

— Опять говоришь, что пустяк? — спросила она, осторожно осматривая рану.

— Ничего серьёзного, мать.

— Для тебя, возможно, пустяк. А для меня каждая капля твоей крови имеет значение.

Она поправила повязку и перевела взгляд на Дория.

— А ты почему такой мрачный?

— Сегодня я узнал, что человек, которого считал отцом, скрывал от меня больше, чем я мог предположить.

Гекуба взяла его за руку.

— Иногда люди совершают ошибки не потому, что перестают любить, а потому, что не умеют справиться со страхом. Это не освобождает их от ответственности, но помогает понять, почему они поступают именно так.

— А если любовь оказывается частью обмана?

— Тогда человеку приходится самому решить, что в его прошлом было настоящим. Я не могу дать тебе готового ответа. Но помни: твоё детство, твои радости, забота о тебе и всё доброе, что ты получил, не исчезают оттого, что ты узнал своё происхождение.

Дорий опустил голову.

— Ты говоришь так, словно сама однажды прошла через это.

Гекуба улыбнулась грустной улыбкой.

— Я слишком хорошо знаю, каково это — любить ребёнка и бояться, что однажды его у тебя отнимут.

Парис обнял её.

— Мы вернёмся.

— Я буду ждать вас обоих.

Отряд покинул дворец через восточные ворота. Утренний воздух был прохладным, и после ночной сырости камни мостовой ещё сохраняли влагу. Город постепенно оживал: торговцы открывали лавки, женщины несли к фонтанам кувшины, дети торопились по узким улицам, хотя взрослые всё ещё говорили вполголоса о ночном нападении.

Гектор ехал впереди, внимательно наблюдая за улицами. Парис держался рядом с Дорием, а Агенор следовал за ними на небольшой дистанции. Он почти не разговаривал и, казалось, с каждым шагом всё глубже погружался в воспоминания.

Когда они приблизились к северной гавани, Агенор остановил коня.

— Дальше пешком. У старого дома есть второй вход, со стороны складов. Но сначала нужно убедиться, что там никого нет.

Гектор разделил воинов на две группы. Одна осталась у дороги, другая вместе с ним направилась к складам. Парис и Дорий пошли за Агенором.

Северная гавань выглядела почти безлюдной. Несколько рыбацких лодок покачивались у причала, а возле дальнего склада двое рабочих перекладывали корзины с сетями. Но Агенор заметил человека, который слишком внимательно следил за проходившими мимо.

— Не смотри на него, — тихо сказал он Парису. — Он не рыбак.

Парис продолжал идти, словно не заметил предупреждения. Дорий немного отстал и сделал вид, что поправляет ремень. Незнакомец двинулся следом.

Гектор, заметив это, подал условный знак. Двое воинов незаметно отделились от основной группы и направились к складам.

У старого дома Агенор остановился перед низкой дверью, скрытой за грудами деревянных ящиков.

— Здесь, — прошептал он.

Внутри пахло пылью, старым деревом и высохшими морскими водорослями. Когда-то помещение использовалось для хранения документов, связанных с торговыми судами. Теперь здесь остались лишь поломанные полки и несколько пустых сундуков.

Агенор подошёл к дальней стене, отодвинул тяжёлый деревянный шкаф и указал на каменную плиту.

— Под ней тайник.

Гектор помог ему приподнять плиту. В глубине обнаружилась небольшая полость, закрытая металлической крышкой. Агенор достал кольцо, которое утром положил на стол, и вставил его в узкое отверстие.

Раздался сухой щелчок.

Под крышкой лежал свёрнутый пергамент, обёрнутый в промасленную ткань. Рядом находилась небольшая деревянная коробка с царской печатью.

Именно в этот момент снаружи послышался шум.

— Кто-то идёт! — предупредил один из воинов.

Гектор вынул меч.

— Парис, Дорий, оставайтесь возле Агенора. Остальные — к дверям.

Но нападение началось не с главного входа. Сначала разбилось небольшое окно, затем в помещение полетела стрела. Один из воинов успел укрыться за шкафом, а другой получил ранение в плечо.

— Они знали, что мы придём, — произнёс Дорий.

— Или следили за нами с самого города, — ответил Парис.

Гектор вместе с двумя воинами выбежал во двор. За домом показались четверо вооружённых людей. Они пытались отрезать троянцам путь к гавани.

Первого Гектор обезоружил быстрым ударом, второго оттеснил к стене. Остальные отступили, увидев, что их противник не намерен уступать. Парис выбежал следом и помог одному из воинов задержать человека, пытавшегося пробраться через боковой проход.

Дорий остался внутри. Агенор уже убрал пергамент в кожаный футляр, но деревянная коробка всё ещё лежала в тайнике.

— Возьми её, — сказал Агенор.

— Что там?

— Не знаю. Я никогда не открывал её. Прежний царь приказал сохранить печать нетронутой.

Дорий взял коробку. Она оказалась тяжелее, чем выглядела. На крышке был вырезан знак двух львов, а рядом находилась маленькая печать с изображением корабля.

Через несколько минут Гектор вернулся.

— Уходим. Остальные нападавшие скрылись. Но они могут привести подкрепление.

Отряд покинул дом через задний проход и направился к городу. На этот раз никто не пытался их остановить.

Когда они вернулись во дворец, Иларион уже ждал их в архивном помещении. Он осторожно принял пергамент, но, прежде чем развернуть его, заметил коробку в руках Дория.

— Откуда она?

— Лежала рядом с документом.

Старик внимательно осмотрел печать.

— Эту коробку я видел однажды. Очень давно, ещё при прежнем царе. Но тогда мне не позволили даже прикоснуться к ней.

— Почему? — спросил Приам.

— Потому что она предназначалась не для архивариуса. Её должны были открыть только при одновременном присутствии трёх людей: законного наследника старшей ветви, представителя царской власти и хранителя договора.

Лаомедонт посмотрел на Северия.

— Значит, здесь должны присутствовать мы трое?

— Именно так, — ответил Иларион.

Приам медленно перевёл взгляд на старшего брата, затем на Северия.

— Тогда откроем её.

Но Северий не спешил приближаться к столу.

— Прежде я должен сказать одну вещь. Прежний царь не случайно установил такое условие. Он опасался, что один человек может использовать содержимое коробки в собственных интересах. Если мы откроем её, то уже не сможем сделать вид, будто ничего не узнали.

— Мы слишком долго жили среди недосказанности, — ответил Лаомедонт. — Пора узнать, что именно хотел сказать нам отец.

Иларион поставил коробку на стол. Приам положил рядом царскую печать, которую принесли из дворца, Лаомедонт снял с пальца старое кольцо своей ветви, а Северий достал бронзовый знак хранителя договора.

Три символа оказались рядом.

Замок открылся.

Внутри лежал небольшой свиток и тонкая золотая пластина. На свитке была надпись, сделанная рукой прежнего царя. Иларион развернул его и начал читать вслух:

«Если этот свиток будет открыт после моего ухода, значит, в доме царей снова возникла опасность, от которой я пытался защитить Трою. Не верьте тому, кто обещает сохранить мир ценой свободы города. Не верьте и тому, кто объявляет себя единственным хранителем законной крови. Ни один человек не может владеть будущим Трои».

Старик остановился, перевёл дыхание и продолжил:

«Я оставляю своим сыновьям не приказ бороться за власть, а обязанность сохранить единство. Если старшая ветвь вернётся, она не должна унижать младшую. Если младшая удержит престол, она не должна забывать о правах старшей. И если когда-нибудь два наследника окажутся перед выбором между кровью и совестью, пусть они выберут совесть».

Приам опустил глаза. Лаомедонт долго смотрел на слова отца, словно вновь увидел перед собой человека, которого потерял много лет назад.

Но на этом свиток не заканчивался.

Иларион развернул последнюю часть и прочитал имя, от которого Северий резко поднял голову:

— «Мой последний свидетель — не Леонтий, не Агенор и не Феодор. Есть ещё один человек, которому я доверил знать всю правду о событиях той ночи. Он жив, и его имя должно оставаться скрытым до тех пор, пока не будет нарушен договор».

— Кто он? — спросил Гектор.

Иларион перевернул золотую пластину. На её обратной стороне была выгравирована короткая фраза: «Тот, кто однажды спас царя, может оказаться тем, кто погубил его».

Никто не произнёс ни слова. За окнами дворца продолжал шуметь город, а на далёком побережье всё ещё стояли корабли Леонтия. Теперь стало ясно, что даже Феодор, считавший себя одним из последних свидетелей той ночи, знал далеко не всё. И где-то за пределами тро-

янских стен находился человек, чьё возвращение могло изменить не только судьбу старой царской семьи, но и сам смысл начавшейся борьбы.

Глава тридцатая. Свидетель последней ночи

Иларион ещё долго держал золотую пластину в руках, словно надеялся обнаружить на ней дополнительные строки, которые могли бы объяснить загадочную надпись. Но золото было гладким, а короткая фраза оставалась единственной подсказкой, оставленной прежним царём.

— Тот, кто однажды спас царя, может оказаться тем, кто погубил его, — повторил Приам. — Это обвинение или предупреждение?

— Пока не знаю, — ответил Иларион. — Но отец явно не хотел, чтобы имя этого человека стало известно раньше времени.

Лаомедонт подошёл к столу и внимательно осмотрел пластину.

— Если он действительно спас нашего отца, значит, находился рядом с ним в последнюю ночь. Возможно, видел то, чего не видел Феодор.

— Или участвовал в том, что произошло, — заметил Северий.

Феодор, до сих пор молчавший у окна, повернулся к ним.

— Я помню ту ночь. Помню, как царь приказал мне покинуть внутренние покои и передать Северии, что соглашение должно быть сохранено. Когда я вернулся, его уже не было. Мне сказали, что он умер. Я не видел тела и не присутствовал при погребении.

— Почему ты никогда не говорил об этом? — спросил Приам.

— Потому что тогда мне сообщили, что тело уже подготовлено к погребению, а церемонию проводили без свидетелей. Я был молод, растерян и боялся, что мои слова вызовут мятеж. Позже, когда я понял, что нас обманули, было уже слишком поздно. Люди Леонтия следили за каждым моим шагом.

— Ты допускаешь, что отец мог остаться жив? — спросил Лаомедонт.

Феодор не ответил сразу.

— Я допускаю многое. Но не хочу давать вам ложную надежду. Прошло столько лет, что даже если он был спасён, мы не знаем, где его искать и в каком состоянии он находился.

Приам отвернулся. Мысль о том, что отец мог прожить долгие годы вдали от семьи, казалась почти невозможной. Но ещё труднее было принять, что его смерть могла стать частью тщательно подготовленного обмана.

— Нам нужно найти этого человека, — сказал он. — Прежде чем Леонтий доберётся до него.

Северий посмотрел на золотую пластину.

— Есть один человек, который мог бы знать, кто находился рядом с царём в последнюю ночь. Это старый врач Хрисанф. Он служил при дворе ещё до моего назначения хранителем договора.

Иларион поднял голову.

— Хрисанф? Я считал, что он умер.

— Так считали многие. Но незадолго до моего отъезда из Трои я получил известие, что он живёт в небольшом поселении на острове Тенос. Он покинул город после смерти прежнего царя.

— Почему ты не сообщил об этом раньше? — спросил Приам.

— Потому что не знал, насколько достоверно это известие. А затем начались события, связанные с возвращением Лаомедонта, и я не хотел отвлекать вас предположениями.

— Теперь это уже не предположение, — произнёс Лаомедонт. — Мы должны отправить к нему человека.

— Я отправлюсь сам, — сказал Северий.

Гектор возразил:

— Сейчас ты слишком нужен здесь. Леонтий знает, что именно ты можешь лишить его последнего основания для притязаний. Если ты покинешь город, он воспользуется этим.

— Тогда поедет кто-нибудь другой, — предложил Парис.

— Нет, — ответил Северий. — Хрисанф знает меня. Он не станет доверять незнакомцу, особенно если поймёт, что тот прибыл по поручению царского дома.

— Я могу сопровождать тебя, — сказал Дорий.

Северий внимательно посмотрел на него.

— Ты уже достаточно сделал. Кроме того, Леонтий ищет тебя не меньше, чем Париса. Тебе нельзя покидать город без необходимости.

— Я не хочу всю жизнь оставаться человеком, которого прячут ради его же безопасности.

— И не должен, — согласился Северий. — Но мужество заключается не только в том, чтобы идти навстречу опасности. Иногда оно требует остаться там, где ты нужнее всего.

Дорий хотел ответить, но вмешался Эвримедонт:

— Северий прав. Ты ещё не успел разобраться с собственным прошлым, а уже готов броситься в новое испытание. Не торопись доказывать, что имеешь право на свою судьбу. Оно у тебя есть независимо от того, сколько опасностей ты выдержишь.

Дорий посмотрел на отца, затем на Агенора, стоявшего неподалёку. Впервые за долгое время он почувствовал, что вокруг него находятся два человека, каждый из которых по-своему был связан с его жизнью. Один дал ему начало, другой — детство. Между ними лежала правда, которую ещё предстояло принять.

В это время в Спарте Елена получила письмо, доставленное небольшим торговым судном. Послание было запечатано знаком Северия, который она узнала сразу.

Она попросила Мирто оставить её одну и вскрыла письмо.

«Елена, я долго откладывал этот разговор, надеясь, что однажды смогу рассказать тебе всё лично. Но обстоятельства изменились. В Трое начались события, связанные с прежним царём и старым морским договором. Леонтий пытается силой вернуть себе полномочия, которых больше не имеет. Мы нашли свидетельство, указывающее на человека, который мог спасти прежнего царя в последнюю ночь его жизни. Возможно, он знает и о твоём спасении много лет назад.

Я не прошу тебя возвращаться в Трою. Но если ты помнишь мужчину, который помог тебе тогда, расскажи всё, что знаешь. Даже самая незначительная подробность может оказаться важной».

Елена перечитала письмо несколько раз. Воспоминание, которое она долгие годы старалась не тревожить, вновь стало необыкновенно ясным.

Это произошло задолго до её свадьбы с Менелаем. Она тогда ещё не знала, какой дорогой ей придётся пройти, и однажды, возвращаясь из святилища, оказалась на пустынной дороге. Несколько вооружённых людей преградили ей путь. Они не пытались ограбить её, не требовали денег, а задавали странные вопросы о её семье и происхождении.

Появившийся из-за деревьев незнакомец помог ей скрыться. Он был ранен, но сумел вывести её к дому старого пастуха. Елена запомнила его спокойный голос и небольшую серебряную застёжку на плаще. На застёжке был изображён лев, держащий в лапах морскую раковину.

Тогда она решила, что это был случайный защитник, оказавшийся поблизости. Позже, когда попыталась узнать его имя, ей сказали, что мужчина покинул Спарту.

Теперь она понимала, что его появление могло быть вовсе не случайным.

Вечером Елена попросила Менелая встретиться с ней.

— Я получила письмо из Трои, — сказала она.

Менелай насторожился.

— От Северия?

Она удивлённо посмотрела на мужа.

— Ты знал, что он связан с моей прежней историей?

— Я знал, что он однажды помог тебе. Но никогда не понимал, почему он так настойчиво просил меня не расспрашивать тебя об этом.

— Значит, ты тоже что-то скрывал?

— Не скрывал, Елена. Я обещал не вмешиваться в то, о чём ты сама не хотела говорить. Я знал лишь, что тот человек спас тебя от неизвестных преследователей и что Северий поручил ему доставить тебя в безопасное место.

— Но кто поручил Северии?

Менелай задумался.

— Возможно, прежний царь Трои.

Елена медленно села.

— Тогда моя жизнь была связана с этой историей задолго до того, как Парис появился в Спарте.

— Возможно, — ответил Менелай. — Но не позволяй Агамемнону использовать это против тебя. Он уже спрашивал меня о Северии и хотел знать, почему тот поддерживает троянский дом.

— А ты что ответил?

— Что не собираюсь участвовать в чужих интригах.

Елена посмотрела на мужа с благодарностью.

— Но если этот человек действительно знает правду, я должна её услышать.

— Тогда мы попробуем найти его, — сказал Менелай. — Вместе.

В Трое тем временем Северий готовился к отъезду. Он выбрал небольшой корабль, который должен был отправиться к острову Тенос под видом торгового судна. С ним отправлялись двое воинов и молодой моряк, хорошо знавший островные гавани.

Перед отплытием Северий зашёл в храм Аполлона. Там он встретил Кассандру, которая стояла у каменной колонны и смотрела на солнечный свет, падавший через верхнее окно.

— Ты отправляешься за человеком, которого боишься найти, — сказала она, не поворачиваясь.

Северий остановился.

— Ты видела что-то?

— Не знаю, было ли это видением. Я видела море, старого человека и дверь, которую открывают с двух сторон. За одной стороной стоял царь, за другой — тот, кто называл себя его спасителем.

— Ты знаешь, кто этот человек?

Кассандра покачала головой.

— Нет. Но мне кажется, ты уже встречал его. И однажды дал обещание, о котором предпочёл забыть.

Северий долго молчал.

— Я помню слишком много обещаний, дочь царя. Некоторые из них невозможно исполнить, другие невозможно нарушить без последствий.

— Тогда вспомни самое первое, — тихо произнесла Кассандра. — Не то, которое ты дал людям, а то, которое дал самому себе.

Северий ничего не ответил. Он покинул храм, но слова Кассандры продолжали звучать в его памяти.

На главном корабле Леонтия тем временем царило напряжённое ожидание. Первая попытка высадки закончилась неудачей, и командиры требовали объяснений. Некоторые моряки уже открыто говорили, что не собираются сражаться против города, с которым их семьи торговали поколениями.

Леонтий выслушал их в своей каюте.

— Вы забываете, что Троя нарушила соглашение, — сказал он. — Морской союз не может позволить себе слабость.

— Но соглашение было временным, — возразил один из капитанов. — Мы все знаем, что возвращение Лаомедонта должно было прекратить ваши полномочия.

Леонтий поднял глаза.

— Ты говоришь о том, чего не понимаешь.

— Тогда объясните нам, почему мы должны проливать кровь?

Несколько человек поддержали капитана. Леонтий почувствовал, что теряет контроль над собственными людьми. Он приказал всем выйти, оставив только своего ближайшего помощника.

— Найди человека, который передал троянцам сведения о нашем плане. Мне нужно знать, кто предал нас.

— Мы уже подозреваем одного из капитанов.

— Подозревать недостаточно. Я хочу доказательства.

Помощник помедлил.

— А что делать с Агенором? Его люди говорят, что он вернулся в Трою.

Леонтий подошёл к столу и положил ладони на его поверхность.

— Агенор знает, где находится последняя воля прежнего царя. Он может сколько угодно изображать раскаяние, но пока документ не у меня, он опаснее любого троянского воина. Если не удастся вернуть его живым, придётся заставить его молчать навсегда.

— А если он уже передал документ Приаму?

Леонтий впервые за весь разговор потерял самообладание.

— Тогда мы должны действовать немедленно.

Он подошёл к окну. Вдали, за морской дымкой, виднелись стены Трои. Город казался спокойным, почти беззащитным, но Леонтий уже знал, что его противники получили новые доказательства. И всё же он не собирался отступать.

— Подготовь вторую высадку, — приказал он. — Но на этот раз мы ударим не по воротам. Мы заставим город защищать то, что он сам считает самым дорогим.

Помощник не понял, что именно имел в виду его господин, но задавать вопросы не решился.

А в Трое Дорий тем временем нашёл Париса возле внутреннего сада. Брат сидел на низкой каменной скамье и рассматривал небольшую деревянную игрушку, которую когда-то сделал для него Гектор.

— О чём задумался? — спросил Дорий.

— О том, как странно устроена наша жизнь. Мы столько лет искали ответы на вопросы о рождении, о крови, о наследии, а теперь выясняется, что за каждым ответом скрывается новый вопрос.

— Возможно, так бывает всегда.

— Я не хочу, чтобы наша жизнь превратилась в бесконечную борьбу за то, кому принадлежит Троя.

Дорий сел рядом.

— Я тоже. Мне не нужен престол. Я хочу узнать, кем была моя мать, почему она отдала меня другим людям и что произошло с ней после этого. И ещё я хочу понять, можно ли сохранить любовь к человеку, который столько лет лгал.

— А ты сам как думаешь?

Дорий посмотрел на дворец, где за колоннами виднелись силуэты Агенора и Эвримедонта.

— Пока не знаю. Но, наверное, если я откажусь от всего, что было между нами хорошего, то стану таким же несправедливым, как те, кто использовал меня ради своих целей.

Парис положил руку ему на плечо.

— Тогда не торопись с решением. У нас ещё будет время разобраться.

В этот момент во двор вошёл гонец с побережья. Он передал Гектору небольшую дощечку, найденную возле южной пристани. На ней было вырезано несколько слов, написанных на старом троянском языке:

«Не ищите спасителя среди живых. Тот, кто спас царя, давно похоронен под чужим именем».

Гектор прочитал надпись и сразу отнёс её Илариону.

Старик долго рассматривал дощечку, затем поднял глаза на Северия, который ещё не успел покинуть город.

— Теперь я понимаю, — произнёс он. — Кто-то хочет, чтобы мы перестали искать живого свидетеля. Но если это предупреждение, то оно может означать, что человек, которого мы ищем, всё ещё находится среди нас.

Северий медленно повернулся к нему.

— Или что тот, кого мы считали мёртвым, давно живёт под другим именем.

Иларион снова посмотрел на надпись. Впервые за много лет он почувствовал, что архивные тайны Трои перестали быть только воспоминанием о прошлом. Они становились частью настоящего, и каждый новый шаг приближал город к правде, которую кто-то всеми силами пытался удержать во тьме.

Глава тридцать первая. Чужое имя

Иларион положил дощечку рядом с золотой пластиной и ещё раз прочитал вырезанные на ней слова. Почерк был неровным, словно тот, кто оставил послание, торопился или писал в темноте. Но язык не вызывал сомнений: это был старый троянский диалект, которым пользовались при дворе ещё во времена прежнего царя.

— «Не ищите спасителя среди живых. Тот, кто спас царя, давно похоронен под чужим именем», — произнёс он. — Кто-то намеренно направляет нас к мысли, что свидетель умер.

— Или действительно умер, — заметил Феодор.

— Тогда почему послание оставлено именно сейчас? — спросил Северий. — Тот, кто его написал, знает о нашем разговоре. Он знает, что мы нашли коробку, и понимает, что теперь можем отправиться на поиски Хрисанфа.

Гектор внимательно осмотрел дощечку.

— Её обнаружили возле южной пристани. Значит, посланник мог прибыть с корабля Леонтия.

— Не обязательно, — ответил Иларион. — Такие дощечки продаются на любом рынке. Послание мог оставить человек, который живёт в Трое.

Приам поднялся.

— Я не хочу, чтобы мы снова начали подозревать каждого встречного. Нам нужны доказательства. Гектор, усили охрану гавани и дворца, но не допускай необоснованных арестов. Северий, отправляйся к Хрисанфу. Если он действительно знает что-то о последней ночи нашего отца, мы должны услышать его рассказ.

Северий кивнул.

— Я отплыву до полудня.

— И ещё, — добавил Приам. — Передай Елене, что мы получили её ответ, если она решит его отправить. Возможно, она вспомнит человека, которого когда-то встретила на дороге.

Северий на мгновение задержал взгляд на царе.

— Я сделаю это.

Когда совет закончился, Иларион попросил Феодора остаться. Они прошли в небольшую комнату, где хранились старые карты и записи о царских владениях.

— Ты ведь помнишь людей, служивших при дворе в последнюю ночь? — спросил архивариус.

— Помню многих. Но не всех.

— А кто мог быть рядом с царём, кроме врачей, стражи и ближайших советников?

Феодор задумался.

— Был ещё один человек. Его звали Аристей. Он отвечал за царские покои и сопровождал государя во время поездок. Но после той ночи исчез.

— Почему ты не упоминал его раньше?

— Потому что считал его погибшим. Он сопровождал царя в тот вечер, когда тот почувствовал себя плохо. Позднее мне сказали, что Аристей умер от ран, полученных при нападении неизвестных людей.

Иларион резко поднял голову.

— Кто сообщил тебе об этом?

— Леонтий.

— Сам Леонтий?

— Да. Он сказал, что тело Аристея нашли за городом и похоронили без церемонии. Тогда я не придал этому значения. У нас было слишком много других забот.

Иларион медленно опустился на стул.

— Значит, человек, который объявил его погибшим, мог знать, что тот жив.

— Или действительно убил его.

— Возможно. Но теперь мы обязаны проверить обе версии.

В это время в доме Агенора происходил другой разговор. Дорий пришёл туда вместе с Эвримедонтом. После возвращения биологического отца он старался проводить с ним больше времени, но каждый раз чувствовал неловкость, словно должен был научиться заново понимать человека, которого никогда прежде не знал.

Агенор встретил их у входа.

— Я приготовил всё, что сохранилось у меня от прежнего царя, — сказал он. — Некоторые записи могут показаться незначительными, но теперь я понимаю, что даже самые мелкие подробности способны многое объяснить.

Он провёл их в комнату и открыл старый сундук. Внутри лежали несколько свитков, бронзовые застёжки, печати и небольшая деревянная фигурка корабля.

Дорий взял её в руки.

— Откуда это?

— Её сделал прежний царь для своего внука. Тогда он ещё не знал, что ребёнок исчезнет. Я сохранил игрушку после того, как мне поручили перевезти часть его вещей.

— Ты знал, что я существую?

— Да. Но не знал, где ты находишься. Когда мне сообщили, что ребёнок Клеомены погиб, я поверил. Позже узнал, что тебя воспитывают в другой семье, но мне запретили вмешиваться.

— Кто запретил?

Агенор опустил глаза.

— Человек, которому я доверял больше, чем следовало. Он сказал, что любое вмешательство приведёт к гибели и тебя, и тех, кто тебя защищает.

— Это был Леонтий?

— Нет. Я не хочу сейчас называть имя, пока не смогу подтвердить свои слова.

Эвримедонт внимательно посмотрел на него.

— Ты опять собираешься молчать?

— Нет. Я просто не хочу обвинять человека, не имея доказательств. Я уже достаточно раз ошибался.

Дорий положил игрушку обратно в сундук.

— Тогда расскажи всё, что знаешь о Клеомене.

Агенор достал небольшой свёрток, перевязанный выцветшей синей лентой.

— Это письмо, которое мне передали много лет назад. Я никогда не вскрывал его, потому что оно было адресовано тебе.

Дорий осторожно развязал ленту. Внутри оказался лист тонкого пергамента. Почерк был женским, уверенным, с лёгким наклоном букв.

«Мой сын, если однажды ты прочитаешь эти строки, значит, люди, которым я доверила твою жизнь, сумели сохранить тебя. Я не знаю, каким ты станешь и кто будет рядом с тобой. Но прошу об одном: не позволяй чужой власти определять твою ценность. Ты не обязан становиться царём только потому, что родился в царском доме. И не обязан отказываться от своего происхождения, чтобы доказать любовь тем, кто тебя воспитал.

Я не знаю, смогу ли когда-нибудь увидеть тебя. Но если этого не произойдёт, знай: я отдала тебя не потому, что не хотела быть матерью. Я отдала тебя потому, что хотела, чтобы ты жил».

Дорий остановился. Он перечитал последние слова, но не смог продолжить.

Эвримедонт положил руку ему на плечо.

— Она любила тебя.

— Я понимаю это, — тихо ответил Дорий. — Но мне всё равно хочется знать, почему она не вернулась.

Агенор ничего не сказал. Он знал, что ответа на этот вопрос у него нет.

На другом конце города Гектор осматривал южные укрепления. После ночного нападения он приказал заменить часть караулов и проверить все сигнальные устройства. У старой башни его встретил начальник дозора.

— Мы обнаружили следы ещё одной группы, — доложил тот. — Они не участвовали в нападении. Судя по следам, несколько человек наблюдали за нашими действиями с холма.

— Куда они направились?

— К старой дороге, ведущей к храму Посейдона.

Гектор задумался.

— Сколько их было?

— Трое или четверо.

— Отправь двух разведчиков. Но не вступайте в столкновение, пока не узнаете, кто они.

Вскоре к нему присоединился Парис.

— Что-то нашли?

— Люди Леонтия продолжают наблюдать за нами. Возможно, они ищут возможность проникнуть в город без нового нападения.

— А если это не люди Леонтия?

Гектор посмотрел на брата.

— Ты думаешь о том, кто оставил послание?

— Да. Если кто-то знает о коробке и последней воле царя, он может действовать независимо от морского союза.

— Тогда у нас появляется ещё один противник.

— Или человек, который пытается предупредить нас.

Гектор ничего не ответил. Он тоже понимал, что не всякий незнакомец является врагом, но в нынешних обстоятельствах доверять кому-либо было опасно.

К вечеру Северий поднялся на борт небольшого судна. Перед отплытием к нему подошёл гонец с письмом из Спарты. На печати был знак Менелая.

Северий вскрыл послание и прочитал:

«Елена помнит человека, который спас её на дороге много лет назад. На его плаще была серебряная застёжка с изображением льва и морской раковины. Он представился ей именем Аристей. Елена не знает, было ли это его настоящее имя. Но она помнит, что он сказал ей перед расставанием: однажды ты узнаешь, почему твоя жизнь оказалась важнее чужого соглашения».

Северий медленно опустил письмо.

— Аристей, — произнёс он почти шёпотом.

Теперь всё приобретало иной смысл. Человек, которого Леонтий объявил погибшим после смерти прежнего царя, мог быть тем самым незнакомцем, который спас Елену в Спарте. Если это действительно был один и тот же человек, значит, Аристей не только пережил ту ночь, но и продолжал выполнять поручение, о котором никто не знал.

Северий приказал капитану изменить курс.

— Мы не можем идти прямо на Тенос, — сказал он. — Сначала нам нужно зайти в Спарту.

— Но вы говорили, что Хрисанф ждёт нас на острове.

— Возможно, теперь я знаю, кто может привести нас к нему быстрее.

Капитан не стал задавать вопросов.

А в Спарте Елена тем временем стояла у окна своей комнаты и смотрела на вечерний город. Менелай вошёл тихо, чтобы не нарушить её размышлений.

— Северий получил твоё письмо, — сказал он.

— И что теперь?

— Он собирается искать человека по имени Аристей.

Елена повернулась.

— Значит, он действительно был связан с Троей.

— Похоже на то.

Она помолчала, затем спросила:

— Менелай, если выяснится, что моё спасение было частью большого замысла, ты будешь считать, что я должна была поступить иначе?

— Нет, — ответил он. — Ты не отвечаешь за решения людей, которые скрывали от тебя правду. И не обязана расплачиваться за их ошибки.

Елена подошла к мужу.

— Иногда мне кажется, что все эти годы кто-то незримо направлял мою жизнь.

— Возможно. Но теперь ты сама можешь выбирать, что делать дальше.

Она посмотрела на него с благодарностью. Впервые за долгое время ей показалось, что прошлое не обязательно должно управлять будущим.

Тем временем на корабле Леонтия его помощник получил донесение от наблюдателей. В нём сообщалось, что Северий покинул Трою и направился в сторону Спарты.

Леонтий прочитал записку и нахмурился.

— Он догадался, — произнёс он.

— О чём?

— Что Аристей жив.

Помощник помедлил.

— Но ведь вы сами объявили его погибшим.

Леонтий медленно поднял глаза.

— Я объявил его погибшим потому, что так было необходимо. Иногда человек должен исчезнуть, чтобы сохранить жизнь другим.

— Вы хотите сказать, что Аристей был вашим союзником?

— Нет. Я хочу сказать, что когда-то мы оба служили одному царю. И каждый из нас по-своему понял его последнюю волю.

Леонтий подошёл к карте и долго смотрел на обозначенный маршрут Северия.

— Отправь судно в Спарту. Мне нужно, чтобы Аристей не встретился с ним.

— А если они уже знакомы?

— Тогда постарайся, чтобы их встреча стала последней.

Помощник вышел, а Леонтий остался один. Он достал из потайного отделения стола маленькую серебряную застёжку с изображением льва и морской раковины. Некоторое время держал её в ладони, затем закрыл руку и убрал украшение обратно.

Он знал, что прежняя история возвращается к нему не только в виде документов и свидетельских показаний. Она возвращалась через людей, которых он когда-то любил, которым доверял и которых предал ради убеждения, что только он способен сохранить порядок.

Но теперь, когда правда приближалась к Трое, Леонтий впервые задумался, не было ли его главное поражение совершено задолго до начала этой войны. И не тот ли человек, которого он столько лет считал своим противником, однажды спас ему самому жизнь.

Глава тридцать вторая. Человек, которого предали

Судно Северия вошло в спартанскую гавань на следующий день после полудня. Ветер был попутным, море оставалось спокойным, но сам Северий почти не обращал внимания на погоду. Письмо Елены не выходило у него из головы. Имя Аристей, которое он прочитал на пергаменте, возвращало его к событиям давно минувших лет, когда прежний царь ещё был жив, а Троя не знала, насколько близко подошла к собственной катастрофе.

Елена ожидала его в небольшом саду возле дворца. Она была одна, без обычного сопровождения, и, увидев Северия, поднялась навстречу.

— Значит, это действительно был он? — спросила она.

— Я пока не могу утверждать наверняка. Но твои воспоминания совпадают с тем, что мне известно об Аристее.

— Ты знал его?

— Знал. Он был человеком необыкновенной преданности. Иногда даже слишком преданной. Он мог пожертвовать собой ради приказа, но никогда не соглашался жертвовать невиновными ради чужих амбиций.

Елена внимательно смотрела на него.

— Почему он спас меня?

Северий некоторое время молчал.

— Потому что кто-то пытался использовать тебя задолго до того, как ты стала женой Менелая. Тогда ещё не существовало никакого похода на Трою, и никто не говорил о похищении. Но уже были люди, которые считали, что твоя судьба может повлиять на отношения между несколькими царскими домами.

— Кто они?

— Этого я не знаю. Аристей не сообщил мне всех подробностей. Он только сказал, что получил поручение защитить тебя, если возникнет опасность.

— От кого?

— От тех, кто хотел превратить тебя в средство достижения власти.

Елена опустила глаза.

— Значит, всё началось гораздо раньше Париса.

— Да. И, возможно, именно поэтому Аристей однажды появился возле тебя в тот день, когда ты возвращалась из святилища.

Она подошла к каменной скамье и села.

— Я помню его голос. Он был спокойным, хотя сам истекал кровью. Когда мы добрались до дома пастуха, он попросил меня никому не рассказывать о встрече. Я спросила, как его зовут, и он ответил: «Сегодня меня зовут Аристей. Завтра, возможно, я буду другим человеком». Тогда я подумала, что он шутит.

Северий нахмурился.

— Он не шутил. Это было предупреждение.

— Ты знаешь, где он сейчас?

— Пока нет. Но я собираюсь найти его.

— Тогда позволь мне помочь.

— Это может быть опасно.

Елена посмотрела на него без страха.

— Я уже слишком долго оставалась в стороне от собственной жизни. Если кто-то защищал меня, не объясняя причин, я хочу хотя бы теперь понять, за что мне пришлось столько лет бояться неизвестности.

Северий не стал спорить. Он понимал, что удерживать Елену от поисков правды было бы несправедливо.

В тот же вечер Менелай сообщил Северии, что его брат Агамемнон отправил несколько кораблей к побережью Малой Азии. Формально они должны были сопровождать торговые суда, но численность экипажей и количество вооружения указывали на подготовку к военным действиям.

— Он хочет воспользоваться столкновением Трои с Леонтием, — сказал Менелай. — Если город ослабнет, Агамемнон предложит союзным царям выступить против него.

— А ты?

— Я не хочу войны. Но не уверен, что смогу остановить его.

— Тогда тебе следует поговорить с другими царями до того, как он соберёт их под своими знамёнами.

Менелай горько усмехнулся.

— Ты говоришь так, будто речь идёт о простом собрании торговцев.

— Иногда даже цари должны вспомнить, что война начинается легче, чем заканчивается.

Менелай посмотрел на него с уважением.

— Я попытаюсь.

На следующий день Северий отправился к старому пастуху, у которого Елена когда-то нашла убежище. Тот давно оставил прежний дом и жил теперь в небольшом поселении неподалёку от Спарты. Его звали Дамаст, и он сразу узнал Северия.

— Я думал, ты больше никогда не появишься, — сказал старик.

— Я тоже так думал.

Дамаст пригласил его в дом. Елена осталась снаружи, чтобы не смущать старика своим присутствием.

— Ты пришёл за Аристееем? — спросил Дамаст.

Северий удивился.

— Ты знаешь, где он?

— Нет. Но знаю, что он жив. Несколько лет назад он приходил ко мне. Был уже стар, сильно хромал и почти не пользовался левой рукой.

— Почему ты не сообщил об этом?

— Кому? Тебе? Я не знал, где тебя искать. А потом он сам попросил меня молчать.

— Что он говорил?

Старик долго вспоминал.

— Он спрашивал о девушке, которую когда-то спас. Хотел узнать, счастлива ли она. Я сказал, что она стала женой царя и живёт во дворце. Он улыбнулся, но радости в его глазах я не увидел.

— Он назвал место, куда собирался отправиться?

— Сказал только, что хочет вернуться домой. Я спросил, где его дом, и он ответил: «Там, где меня однажды перестали ждать».

Северий задумался.

— Это мог быть остров Тенос?

— Возможно. Но перед уходом он оставил у меня небольшую вещь и попросил передать её человеку, который придёт с бронзовым знаком хранителя договора.

Старик поднялся, подошёл к сундуку и достал маленький кожаный мешочек.

Внутри находился перстень с изображением льва и морской раковины. Северий узнал его сразу. Это был знак, который прежний царь вручал Аристеею за особую службу.

— Он оставил ещё что-нибудь? — спросил Северий.

— Да. Сказал, что если ты когда-нибудь найдёшь этот перстень, то должен вспомнить о человеке, который погиб вместо царя.

Северий побледнел.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю. Он не объяснил.

Когда Северий вышел из дома, Елена сразу поняла, что произошло нечто важное.

— Ты нашёл след?

— Да. Но он привёл нас к ещё одной тайне.

— Какой?

— Аристей мог быть не просто свидетелем последней ночи. Возможно, именно он помог прежнему царю исчезнуть, а затем позволил всем считать себя погибшим.

Елена посмотрела на перстень.

— Значит, царь мог остаться жив?

— Я не знаю. Но теперь впервые у нас есть причина искать не могилу, а человека.

В Трое тем временем положение становилось всё напряжённее. Леонтий не предпринимал новых открытых атак, однако его корабли продолжали блокировать часть побережья. Торговые суда опасались входить в гавань, а на рынках начали дорожать привозные товары.

Гектор собрал начальников городских отрядов и распорядился обеспечить продовольствием наиболее уязвимые районы. Он понимал, что противник может рассчитывать не только на мечи, но и на голод, страх и недоверие жителей к собственным властям.

Парис вместе с Дорием занимался проверкой складов и распределением зерна. Они посещали дома, в которых жили семьи погибших воинов, разговаривали с ремесленниками и помогали организовать доставку воды в кварталы, где перестали работать обычные колодцы.

Однажды возле пекарни Парис увидел мальчика, который пытался поднять тяжёлый мешок с мукой. Мальчик был худым, лет десяти, и никак не мог справиться с грузом.

— Подожди, — сказал Парис и помог ему поставить мешок на тележку.

— Спасибо, господин.

— Как тебя зовут?

— Тимон.

— А где твой отец?

Мальчик опустил голову.

— Он был на южной стене. Его ранили.

Парис присел рядом с ним.

— Он поправится. Наши лекари умеют помогать таким ранам.

— А если придут снова?

Парис посмотрел на улицу, где женщины раскладывали хлеб на деревянных прилавках, а неподалёку старик чинил колесо повозки.

— Тогда мы снова защитим город. Но ты не должен думать только о войне. Твоя задача — помогать матери и учиться. А наша — сделать всё, чтобы у тебя было будущее.

Мальчик кивнул и взялся за тележку.

Дорий, наблюдавший за разговором, сказал:

— Ты умеешь разговаривать с людьми так, что они начинают верить.

— А разве это плохо?

— Нет. Просто иногда я думаю, что именно это и должно быть главным достоинством царя.

Парис улыбнулся.

— Тогда пусть царём будет тот, кто лучше всех умеет слушать людей. А не тот, у кого больше золота или древнее имя.

Они продолжили путь.

В это время Иларион изучал старые списки царской охраны. Он хотел выяснить, кто находился во дворце в последнюю ночь прежнего царя. Сведения оказались неполными: некоторые имена были вычеркнуты, другие добавлены позднее. Но среди записей обнаружилось имя, которое заставило его остановиться.

Аристей числился не только служителем царских покоев, но и командиром небольшого отряда личной охраны. Напротив его имени стояла дата смерти, однако она была внесена другим почерком, значительно позднее.

Иларион вызвал к себе Феодора.

— Посмотри сюда.

Феодор внимательно изучил запись.

— Это не почерк Леонтия.

— Верно. Но кто-то использовал его печать.

— Значит, Леонтий мог не знать, что Аристей жив.

— Или знал, но позволил другим считать его погибшим.

Феодор провёл пальцем по строке.

— Здесь ещё одна странность. В день смерти Аристея его отряд был расформирован, а оружие передано на склад. Но в списке выдачи нет ни одного подтверждения, что оружие действительно вернули.

— Сколько человек было в отряде?

— Двенадцать.

Иларион медленно поднял голову.

— Двенадцать человек могли сопровождать царя, когда он покинул дворец.

Феодор побледнел.

— Ты думаешь, они помогли ему бежать?

— Я думаю, что у нас есть основание это проверить.

Старик снова посмотрел на список.

— Но если царь был жив, почему он не вернулся к сыновьям?

Иларион не ответил. Этот вопрос был слишком тяжёлым даже для него.

Вечером в Трою пришло послание от Северия. Он сообщал, что обнаружил след Аристеея и собирается продолжить поиски. Однако в конце письма стояла приписка, сделанная другой рукой:

«Не верьте первому человеку, который назовёт вам имя спасителя. Истинное имя известно только тому, кто был рядом с царём в последнюю ночь».

Иларион перечитал эти строки несколько раз. Он уже собирался отнести письмо Приаму, когда заметил, что на обороте остался слабый отпечаток ещё одного текста. Старик поднёс пергамент к свету и осторожно развернул его.

Под основным письмом проступали слова, написанные невидимыми чернилами:

«Царь не покидал Трою добровольно».

Иларион замер.

Теперь перед ними открывалась совершенно иная возможность. Возможно, прежний царь действительно был спасён, но не по собственной воле покинул город. Возможно, его

увезли, чтобы уберечь от убийц. А возможно, человек, которого все считали спасителем, на самом деле участвовал в похищении.

Старик поспешил к Приаму.

В царских покоях он застал братьев вместе. Приам и Лаомедонт обсуждали положение на побережье, но, увидев лицо архивариуса, сразу прекратили разговор.

— Что случилось? — спросил Приам.

Иларион положил письмо перед ними.

— Северий нашёл след Аристеея. Но здесь есть ещё кое-что.

Он показал им скрытую надпись.

Лаомедонт прочитал её первым.

— «Царь не покидал Трою добровольно».

Приам медленно опустился в кресло.

— Значит, нашего отца могли увезти против его воли?

— Да, — ответил Иларион. — И если это правда, то все эти годы мы искали не пропавшего царя, а человека, которого когда-то лишили возможности вернуться домой.

За окнами уже сгущались сумерки. Вдали, на море, зажглись огни кораблей Леонтия. Они стояли неподвижно, словно ожидали приказа, который должен был изменить судьбу города. А в одном из портов Спарты Северий держал в руках перстень Аристея и впервые за долгие годы понимал, что его собственное молчание могло стать частью чужого преступления.

Глава тридцать третья. Тень исчезнувшего царя

В Трое наступило утро, которое не принесло облегчения. Над городом стояло ясное небо, море казалось спокойным, и только люди, привыкшие различать малейшие перемены в его настроении, замечали, что ветер переменился. Он дул с востока, приносил запах далёких земель и едва уловимый запах дыма, хотя на побережье нигде не было видно пожара.

В покоях Приама собрались Лаомедонт, Иларион и Феодор. На столе лежали письмо Северия и копия старой записи о смерти Аристеея. Приам перечитал послание несколько раз, словно надеялся обнаружить в знакомых словах нечто, что прежде ускользнуло от его внимания.

— «Царь не покидал Трою добровольно», — произнёс он наконец. — Значит, его могли увезти силой?

— Могли, — ответил Феодор. — Но я не стану утверждать того, чего не видел собственными глазами.

Лаомедонт стоял у окна, повернувшись спиной к остальным. Он давно научился не показывать окружающим, насколько глубоко его задевают разговоры о прошлом. Однако теперь, когда речь шла об отце, сдержанность давалась ему особенно трудно.

— Я всю жизнь считал, что он умер, — произнёс он. — Не потому, что видел его тело, а потому, что так было записано. Мы оплакивали его, принимали решения, делили ответственность за царство. И всё это время, возможно, он находился где-то на земле, не имея возможности вернуться.

— Или не желая возвращаться, — осторожно заметил Приам.

Лаомедонт резко повернулся.

— Ты действительно допускаешь, что отец добровольно оставил бы нас?

— Я допускаю, что мы пока не знаем всей правды. И не хочу, чтобы надежда заставила нас принять желаемое за действительное.

Иларион, до этого молча изучавший письмо, поднял голову.

— Есть ещё одно обстоятельство. В старых архивах сохранились сведения о подземном проходе, который соединял восточную часть дворца с небольшим помещением за пределами крепостной стены. Он был построен задолго до нашего рождения, во времена, когда царям приходилось опасаться не только внешних врагов, но и собственных приближённых.

— Я знаю этот проход, — сказал Приам. — Его закрыли после смерти отца.

— Именно после смерти, — подчеркнул архивариус. — Но в документах нет ни одного распоряжения о том, кто и когда его закрыл. Есть только отметка о доставке камня и известкового раствора.

Феодор нахмурился.

— Значит, кто-то мог воспользоваться проходом в ту ночь, а потом уничтожить следы.

— Ты что-нибудь знаешь об этом? — спросил Лаомедонт.

Феодор долго не отвечал. Затем медленно опустился на скамью.

— Я не хотел говорить раньше, потому что боялся ошибиться. В ту ночь меня вызвали во дворец незадолго до полуночи. Я не видел царя, но слышал шум в нижнем коридоре. Сначала мне показалось, что там спорят несколько человек. Потом раздался глухой удар, и кто-то приказал принести воду. Когда я вышел во внутренний двор, двое слуг несли носилки, накрытые тёмной тканью. Я спросил, кто ранен, но мне ответили, что это не моё дело.

— Почему ты молчал? — тихо спросил Приам.

— Потому что утром мне сообщили о смерти царя. А через два дня Леонтий сказал, что всякое дальнейшее любопытство будет расценено как предательство. Я уже тогда понял, что случилось нечто страшное, но у меня не было ни свидетелей, ни доказательств. Вскоре меня самого объявили погибшим.

Лаомедонт подошёл к нему.

— Ты думаешь, на тех носилках был отец?

— Я не знаю. Но теперь, когда мы нашли письмо и узнали об Аристеее, я больше не могу исключать такую возможность.

Приам отвернулся к окну. Он вспомнил последние дни перед исчезновением отца: усталое лицо старого царя, его долгие разговоры с Лаомедонтом, тревогу, которую тот пытался скрывать даже от семьи. Тогда Приам был моложе и считал, что власть означает прежде всего способность принимать решения. Лишь годы спустя он понял, сколько чужих судеб скрывается за каждым царским решением.

— Если отец был жив, — сказал он, — то почему никто не попытался сообщить нам?

— Возможно, потому, что сообщение погубило бы его, — ответил Иларион. — А возможно, потому, что тот, кто знал правду, сам оказался пленником обстоятельств.

Лаомедонт медленно кивнул. В его глазах появилась не только надежда, но и горечь.

— Тогда нам предстоит узнать, кто решил, что мы не заслуживаем правды.

В Спарте Северий почти не спал. Перстень Аристеея лежал перед ним на столе. Он несколько раз брал его в руки, поворачивал к свету, рассматривал изображение льва и морской раковины. Это был не просто знак принадлежности к старой царской службе. Такие перстни получали люди, которым доверяли жизнь правителя.

Елена вошла без стука. В последние дни она привыкла к тому, что Северий мог часами сидеть над бумагами, забывая о еде и отдыхе.

— Ты опять не спал, — сказала она.

— Сон приходит к тем, у кого нет причин бояться утра.

— А у тебя их слишком много?

Северий посмотрел на неё.

— У меня слишком много причин помнить прошлое.

Елена села напротив.

— Ты знаешь больше, чем говоришь. Я вижу это по твоему лицу. Ты не просто ищешь Аристеея. Ты боишься того, что найдёшь.

Он не стал отрицать.

— Когда-то я получил приказ охранять тайну, которая, как мне казалось, могла спасти царство от распада. Я исполнил его. Но теперь понимаю, что молчание иногда бывает не менее опасным, чем предательство.

— И ты считаешь, что должен был поступить иначе?

— Я должен был хотя бы попытаться узнать, что произошло на самом деле.

Елена взяла перстень и внимательно посмотрела на него.

— Дамаст сказал, что Аристей хотел вернуться домой. Но разве человек, который просто скрывается от врагов, говорит о доме с такой тоской?

— Нет. Так говорит тот, кто потерял возможность вернуться.

— Тогда, возможно, мы ищем не человека, который боится быть найденным, а человека, который слишком долго ждал, пока кто-нибудь догадается его искать.

Северий задумался. Ему вспомнилось старое сообщение, полученное много лет назад от одного из морских купцов. В нём упоминалось небольшое поселение на острове Тенос, где жил хромой старик, лечивший рыбаков и моряков. Купец называл его человеком, который никогда не рассказывал о своём прошлом, но знал дворцовые обычаи лучше многих бывших придворных.

— Тенос, — произнёс Северий.

— Ты знаешь это место?

— Возможно, там находится человек, которого мы ищем. Но я не уверен, что это Аристей.

Елена вернула ему перстень.

— Тогда поедем туда.

— Это может быть опасно.

— Ты ведь не думаешь, что я собираюсь оставаться здесь и ждать, пока ты вернёшься с ответом? Я слишком долго жила среди людей, которые решали за меня, что мне следует знать и чего следует бояться.

Северий хотел возразить, но остановился. В её словах не было ни упрямого каприза, ни желания доказать собственную смелость. Она говорила как человек, который наконец понял цену собственного выбора.

— Хорошо, — сказал он. — Но сначала поговорим с Менелаем. Нам понадобятся корабль и надёжные люди.

— Я сама поговорю с ним, — ответила Елена. — А ты пока приготовь письмо. Если мы не вернёмся вовремя, кто-то должен знать, куда мы отправились и почему.

Северий впервые за долгое время улыбнулся.

— Ты стала гораздо решительнее, чем в тот день, когда я встретил тебя.

— В тот день я ещё не знала, сколько решений мне предстоит принять самой.

В это же время на борту корабля Леонтия капитан доложил о прибытии посыльного из Спарты. Молодой человек был одет как торговый помощник и не имел при себе оружия. Однако Леонтий приказал обыскать его прежде, чем допустить в каюту.

— Кто тебя прислал? — спросил он.

— Человек, который не желает называть своего имени, господин.

— В последнее время слишком многие предпочитают оставаться безымянными. Передай, что я не принимаю послания от теней.

Посыльный достал из-за пояса небольшой свёрток.

— Мне велено передать только это.

Леонтий развернул ткань. Внутри лежала половина старой серебряной застёжки. Он узнал её сразу: такая же половина когда-то принадлежала Аристеею. Две части были сделаны одним мастером и составляли единый знак.

Леонтий долго смотрел на металл.

— Где ты получил это?

— Мне передали в порту. Сказали, что вы поймёте.

— Кто передал?

— Старик. Он назвался рыбаком. У него была хромая нога и повреждена левая рука.

Леонтий поднял глаза.

— Ты видел его лицо?

— Да. Он был очень стар, но держался прямо. И ещё он сказал, чтобы я передал вам одну фразу: «Двенадцать человек не исчезают бесследно, даже если одиннадцать из них считают себя мёртвыми».

На лице Леонтия не дрогнул ни один мускул, но пальцы крепче сжали серебро.

— Ты можешь идти.

Когда посыльный вышел, Леонтий подошёл к иллюминатору. За стеклом медленно двигались тёмные волны. Он вспомнил Аристеея таким, каким видел его много лет назад: человеком, который не спорил громко, не угрожал и никогда не обещал того, чего не мог исполнить. Именно поэтому его боялись больше, чем многих военачальников.

Леонтий считал его погибшим. Вернее, он долгие годы заставлял себя считать его погибшим, потому что другая возможность была слишком опасна.

Он достал из тайника вторую половину застёжки и приложил к найденной. Металл соединился без зазора.

— Значит, ты всё-таки жив, — произнёс он едва слышно.

Затем позвал капитана.

— Отправь двух надёжных людей на Тенос. Пусть выяснят, кто там живёт, но не вступают в разговоры и ни при каких обстоятельствах не называют моего имени. Если старик действительно находится там, я хочу знать об этом раньше Северия.

— А если он узнает о наблюдении?

— Тогда пусть узнает, что я не забыл его.

Капитан замялся.

— Господин, а если он решит вернуться?

Леонтий посмотрел на соединённые половинки серебряной застёжки.

— Тогда нам всем придётся вспомнить, что произошло в ту ночь, когда умер царь.

Вечером в Трое Иларион снова спустился в старый архив. Он попросил Мирину принести записи о двенадцати воинах, служивших под началом Аристеея. Девушка быстро нашла нужный свиток, но заметила, что на его последней странице есть небольшая приписка, сделанная другим почерком.

— Господин Иларион, посмотрите. Здесь указано, что один из воинов был переведён в охрану северной гавани за три дня до исчезновения царя.

Иларион взял свиток.

— Имя?

— Не указано. Только номер и знак отряда.

Архивариус приблизил свиток к светильнику. Рядом с записью стояла маленькая отметка — изображение открытого крыла.

Он долго рассматривал её, затем осторожно свернул пергамент.

— Это может быть важнее, чем кажется.

— Почему?

— Потому что человек, который сделал эту приписку, знал, что обычная запись о переводе не привлечёт внимания. Но он оставил знак, который должен был понять кто-то другой.

Мирина посмотрела на него с тревогой.

— Значит, среди двенадцати воинов был человек Леонтия?

— Или человек, который хотел, чтобы мы так подумали. Не торопись с выводами. В нашем деле даже самая убедительная улика может оказаться ловушкой.

Иларион погасил одну из ламп и направился к выходу. У двери он задержался, словно вспомнил что-то ещё.

— Мирина, завтра утром отправь человека к северной гавани. Пусть узнает, сохранились ли старые списки служителей и караульных. Только не говори ему, что мы ищем конкретного человека.

— А если кто-нибудь спросит?

— Тогда пусть ответит, что архивариус снова пытается навести порядок в старых бумагах. Это занятие редко вызывает подозрения.

Они поднялись по лестнице. За узким окном уже темнело, и над морем медленно зажигались первые звёзды. В одном из дворцовых помещений Приам разговаривал с Лаомедонтом, пытаясь убедить брата не торопиться с поисками отца. На другом конце города Гектор проверял приготовления защитников, а Парис и Дорий помогали жителям укреплять дома возле южной стены. Никто из них ещё не знал, что Леонтий получил знак, способный изменить всё, что они думали о прошлом. И пока Троя готовилась к новой опасности, на далёком острове Тенос старый человек, которого многие считали мёртвым, впервые за долгие годы достал из деревянного ларца сложенную карту родного города и долго смотрел на неё, словно пытался вспомнить дорогу, по которой однажды ушёл навсегда.

Глава тридцать четвёртая. Двенадцать теней

На острове Тенос наступило утро. Небольшое поселение, расположенное у подножия каменистого холма, постепенно оживало. Рыбаки вытаскивали лодки на берег, женщины развешивали на верёвках выстиранное бельё, а дети бежали к источнику, споря о том, кому первому набирать воду. Здесь редко говорили о большой политике. Войны, царские распри и торговые союзы казались жителям далёкими событиями, пока однажды не приходил корабль с вооружёнными людьми.

Старик, которого местные называли Филоном, сидел у открытой двери своего дома и чинил деревянную рукоять рыбацкого ножа. Его левая рука плохо слушалась, а правая нога при ходьбе причиняла боль. Никто не знал, откуда он приехал и почему поселился именно здесь. Он лечил раненых, помогал рыбакам, иногда читал детям старые истории и никогда не спрашивал за свою работу денег, если видел, что у человека их нет.

На столе за его спиной лежала карта Трои. Старик провёл пальцем по изображению северной гавани, затем остановился у дворцовой стены. Он помнил каждый поворот улиц, каждый каменный выступ и каждую лестницу, ведущую к верхнему городу. Но особенно хорошо помнил одну ночь, когда покинул Трою, оставив там не только своё имя, но и двенадцать человек, которых поклялся защищать.

— Ты опять смотришь на эту карту, — раздался голос у двери.

На пороге стояла женщина лет пятидесяти, которую звали Мелитой. Она была вдовой рыбака и несколько лет помогала старику по хозяйству.

— Она напоминает мне о дороге, которую я не закончил, — ответил он.

— Дороги заканчиваются там, куда человек приходит.

— Не всегда. Иногда человек приходит туда, где ему приходится ждать.

Мелита поставила на стол корзину с хлебом и сыром.

— Вчера у пристани спрашивали о тебе двое незнакомцев. Сказали, что прибыли по торговым делам. Но торговцы обычно интересуются ценами на рыбу, а эти спрашивали, давно ли ты живёшь на острове и откуда приехал.

Старик перестал работать.

— Как они выглядели?

— Один молодой, другой постарше. Оба хорошо одеты, но руки у них были не купеческие. Я заметила на запястье старшего след от старого шрама.

Филон медленно положил нож на стол.

— Если они придут снова, скажи, что я ушёл к северному берегу. И никому не показывай карту.

— Ты думаешь, они опасны?

— Я думаю, что люди редко ищут чужое прошлое просто из любопытства.

Мелита внимательно посмотрела на него.

— Филон, ты ведь никогда не рассказывал мне, кем был прежде.

— Потому что тогда мне пришлось бы рассказать и о тех, кого я оставил.

— А они заслуживали того, чтобы их оставили?

Старик поднял глаза. Вопрос оказался неожиданно тяжёлым.

— Нет, — ответил он после долгого молчания. — Но иногда человек совершает поступок, который считает единственным способом спасти других. И только потом узнаёт, сколько боли принёс тем, кого хотел уберечь.

В Трое Иларион продолжал изучать записи о двенадцати воинах. Мирина принесла ему несколько старых свитков, обнаруженных в хранилище северной гавани. Среди них оказался список караульных, составленный за несколько недель до исчезновения прежнего царя.

Архивариус разложил документы на столе и стал сравнивать почерки. Некоторые имена повторялись, другие были зачёркнуты, а возле трёх фамилий стояли отметки о переводе в разные части города.

— Вот здесь, — произнёс он, указывая на одну строку. — Аристей и его люди были распределены по дворцу не случайно. Они отвечали не только за безопасность царя, но и за охрану помещений, где хранились государственные документы.

— Значит, они могли знать о договоре? — спросила Мирина.

— Несомненно. Но меня интересует другое. Посмотри на эти даты.

Девушка наклонилась над свитком.

— Перевод одного воина произошёл за три дня до исчезновения царя. Второго — за день. А третьего вообще нет в списке после той ночи.

— Именно. И все трое служили в разных местах. Один охранял северную гавань, другой — внутренние покои дворца, третий отвечал за царские конюшни.

— Они могли помогать царю бежать?

— Могли. Но могли и участвовать в его похищении. Пока мы не знаем, кому они служили в действительности.

Иларион задумался, затем достал отдельный лист.

— Нужно найти их родственников. Люди могут менять имена, скрываться, исчезать из списков, но редко удаётся уничтожить все следы их семей.

Мирина кивнула и уже собиралась уходить, когда архивариус остановил её.

— Ещё одно. Узнай, кто был начальником караула северной гавани в ту ночь. Не обращайся к дворцовым служителям. Начни с семей моряков.

— Почему именно с них?

— Потому что моряки помнят не только корабли. Они помнят, кто ночью выходил из гавани и кто возвращался без груза.

В покоях Приама разговор с Лаомедонтом продолжался уже больше часа. На этот раз к ним присоединился Гектор. Он выслушал рассказ Феодора о носилках, о шуме в нижнем коридоре и о закрытом подземном проходе.

— Если отец был жив после той ночи, — сказал Гектор, — то кто-то должен был обеспечить его безопасность. Одному человеку это было бы почти невозможно.

— Возможно, — ответил Лаомедонт. — Поэтому мы и ищем двенадцать воинов.

Приам посмотрел на сына.

— А если они не захотят говорить? Если каждый из них хранит свою часть тайны и считает, что возвращение правды принесёт больше беды, чем пользы?

— Тогда мы должны убедить их, что больше не собираемся скрывать прошлое, — ответил Гектор.

Лаомедонт покачал головой.

— Ты говоришь так, будто все они были верными слугами. А если среди них были предатели?

— Тогда мы должны найти и их, — спокойно сказал Гектор. — Но нельзя заранее объявлять виновными тех, чьи имена ещё даже не установлены.

Приам внимательно посмотрел на старшего сына.

— Ты всегда умел видеть в людях то, что другие предпочитали не замечать.

— Я просто знаю, что город нельзя защитить одной силой. Если люди перестанут доверять друг другу, стены уже не помогут.

Лаомедонт подошёл к столу и положил ладонь на письмо прежнего царя.

— Я не прошу возвращать ему трон. Я хочу знать, что с ним произошло. Если он жив, мы должны найти его. Если погиб, должны узнать, кто лишил его возможности проститься с семьёй.

Приам не сразу ответил.

— А если он сам не захочет возвращаться?

— Тогда это будет его решение. Но мы должны дать ему возможность его принять.

В этих словах было то, чего Приам давно не слышал от брата: не стремление к власти, не желание доказать своё право на наследство, а простая человеческая потребность вернуть утраченную связь с отцом.

— Я помогу тебе, — сказал он. — Но обещай мне одно: никакого тайного суда над людьми, которых мы ещё не выслушали.

— Обещаю.

Гектор посмотрел на обоих.

— Тогда позвольте мне заняться безопасностью города. Если Леонтий узнал о наших поисках, он может попытаться воспользоваться ими.

В Спарте Менелай выслушал Елену и Северия, не перебивая. На столе перед ним лежала карта островов Эгейского моря. Он отметил Тенос и некоторое время рассматривал морские пути.

— Я могу предоставить вам корабль, — сказал он. — Но не стану скрывать, что Агамемнон уже направил людей к побережью Малой Азии. Если он узнает, что вы ищете человека, связанного с прежним троянским царём, то может решить, что это часть подготовки к новому договору.

— А если он узнает, что речь идёт о человеке, который мог спасти царя? — спросила Елена.

— Тогда он попытается использовать его имя в собственных целях.

Северий покачал головой.

— Именно поэтому нам нельзя допустить, чтобы эта история стала известна слишком рано.

Менелай встал и подошёл к окну.

— Мой брат считает, что Троя ослаблена и её можно заставить подчиниться. Я не разделяю его уверенности. Но удержать его от войны становится всё труднее.

— Ты поговоришь с ним? — спросила Елена.

— Попробую. Только не жди, что он прислушается к моим словам. Агамемнон давно перестал различать осторожность и слабость.

— Тогда пусть хотя бы знает, что не все цари считают войну неизбежной, — сказала Елена.

Менелай повернулся к ней.

— Ты хочешь, чтобы я собрал тех, кто готов выступить против поспешного нападения?

— Я хочу, чтобы ты сделал то, что считаешь правильным. Но не позволяй моему имени становиться оправданием для чужой войны. Я не просила ни одного царя сражаться за меня.

Северий одобрительно посмотрел на неё.

— Елена права. Леонтий уже пытается превратить старые обиды в политическое оружие. Агамемнон может сделать то же самое с другой стороны.

Менелай снова взглянул на карту.

— Хорошо. Я направлю послания нескольким правителям. Пусть каждый сам решит, готов ли он поддержать войну, о которой его даже не спросили.

Он позвал слугу и распорядился подготовить корабль. Отправление назначили на следующий день после полудня.

Леонтий тем временем получил донесение от своих наблюдателей. Двое людей прибыли на Тенос, но старика, которого описал посыльный, не нашли. Местная женщина сказала, что он ушёл к северному берегу, однако никто не смог подтвердить, когда именно.

— Они знают, что за ними наблюдают, — сказал Леонтий капитану.

— Возможно, старик просто не желает встречаться с незнакомцами.

— А возможно, он уже получил предупреждение.

Капитан положил на стол небольшой пергамент.

— Есть ещё одна новость. Из Трои вышел гонец. Он направляется к северным поселениям и расспрашивает о бывших царских воинах.

Леонтий поднял голову.

— Кто его послал?

— Этого мы пока не установили.

— Иларион, — произнёс Леонтий. — Старый архивариус наконец понял, где искать.

Он подошёл к карте побережья и провёл пальцем вдоль линии островов.

— Если Северий доберётся до Теноса, он найдёт не только Аристеея. Он может узнать, кто ещё остался в живых.

— Что прикажете делать?

Леонтий некоторое время молчал. Ему хотелось немедленно отправить вооружённый отряд, схватить старика и заставить его рассказать всё, что он знает. Но он понимал, что такой поступок окончательно подтвердит его причастность к событиям прошлого.

— Найдите гонца. Заберите его бумаги, но не причиняйте ему вреда. Пусть думают, что он потерял их в дороге. И ещё: отправьте на Тенос второго человека. Не того, кто умеет угрожать, а того, кто умеет слушать.

— Кого именно?

Леонтий открыл небольшой ларец и достал старую табличку с именами.

— Найдите человека, который служил у Аристеея и после той ночи не вернулся в Трою. Если он жив, предложите ему встречу. Скажите, что я готов выслушать его.

Капитан удивлённо посмотрел на него.

— Вы хотите говорить с бывшим воином?

— Я хочу знать, кто из них ещё помнит, что такое верность.

Когда капитан вышел, Леонтий снова посмотрел на соединённые половинки застёжки. Он не испытывал облегчения оттого, что Аристей, возможно, жив. Напротив, возвращение этого человека означало, что прошлое, которое Леонтий столько лет пытался удержать под замком, наконец начало открываться.

Поздним вечером на Теносе старик Филон вернулся к своему дому. На этот раз он не стал зажигать свет. Сняв с полки деревянный ларец, он достал из него небольшой свёрток, перевязанный выцветшей кожаной лентой.

Внутри находилась старая бронзовая пластина с именами двенадцати воинов. Напротив каждого имени стояла отметка. Одиннадцать имён были перечёркнуты, но возле последнего сохранился знак, который никто не должен был увидеть.

Филон провёл пальцем по надписи, сделанной его собственной рукой много лет назад. Затем вынул из свёртка сложенное письмо, на котором не было ни печати, ни подписи.

Он знал, кому оно предназначалось. Знал и то, что после его отправки уже не сможет вернуться к прежней жизни.

В этот момент за дверью послышались осторожные шаги.

— Кто там? — спросил он.

— Человек, который ищет дорогу домой, — ответил незнакомый голос.

Старик замер. Эту фразу он слышал однажды много лет назад, ещё в Трое, от человека, которому обещал сохранить тайну. Он медленно поднялся, опираясь на трость, и подошёл к двери.

На пороге стоял незнакомец в дорожном плаще. Его лицо скрывала тень, но на груди, под краем одежды, виднелась серебряная застёжка с изображением льва и морской раковины.

— Ты опоздал, — тихо сказал Филон.

Незнакомец снял капюшон.

— Нет, Аристей. Я пришёл именно тогда, когда стало ясно, что ждать больше нельзя.

Старик долго смотрел на него, словно не верил собственным глазам. Потом отступил в сторону, пропуская гостя в дом.

На столе всё ещё лежала карта Трои, и теперь оба понимали, что дорога обратно уже началась.

Глава тридцать пятая. Возвращение свидетеля

Незнакомец вошёл в дом и остановился возле стола. Аристей закрыл дверь, задвинул деревянный засов и ещё некоторое время прислушивался к ночным звукам. За стенами тихо шумело море. Где-то неподалёку лаяла собака, а в соседнем доме плакал ребёнок. Обычная жизнь маленького поселения продолжалась, не подозревая, что в этой скромной хижине встретились люди, от которых когда-то зависела судьба целого царства.

— Сколько лет прошло, — произнёс Аристей, поворачиваясь к гостю. — Я уже не надеялся увидеть тебя.

— Я тоже не был уверен, что найду тебя живым.

— Ты ведь знал, где искать.

— Знал остров. Но не знал имени.

Аристей усмехнулся.

— Имя здесь никогда не имело значения. Для одних я был Филоном, для других — старым лекарем, для третьих — человеком, который слишком много молчит. А кем я был прежде, никого не интересовало.

Гость снял плащ и положил его на скамью. Это был мужчина лет шестидесяти, с усталым лицом и седыми волосами. На его правой щеке тянулся старый шрам.

— Ты всё ещё хромаешь? — спросил Аристей.

— Не так сильно, как ты.

— Значит, мы оба не стали моложе.

Они сели друг напротив друга. Аристей налил гостю воды и придвинул хлеб.

— Рассказывай. Что произошло?

— Северий нашёл твой след.

Старик замер.

— Северий?

— Да. Он получил твой перстень. Теперь знает, что ты, возможно, жив.

Аристей отвёл взгляд.

— Я надеялся, что он никогда не узнает.

— Почему? Он ведь был одним из тех, кому ты доверял.

— Именно поэтому. Я не хотел, чтобы он снова оказался перед выбором, который однажды уже разрушил его жизнь.

— Ты несправедлив к нему, — возразил гость. — Северий всю жизнь считал, что предал царя. Теперь у него появился шанс узнать правду.

Аристей медленно провёл рукой по лицу.

— Правда редко возвращает людям то, что у них отняли. Иногда она лишь заставляет заново пережить потерю.

— Но без неё они так и останутся пленниками чужой лжи.

Старик долго молчал. Потом достал из ларца бронзовую пластину с именами двенадцати воинов и положил её на стол.

— Ты помнишь, что случилось после той ночи?

— Помню.

— Тогда скажи мне, сколько из нас действительно погибло?

Гость посмотрел на пластину.

— Я знаю о семерых. Их имена были вычеркнуты из списков, но никто не видел тел. О судьбе остальных четверых мне ничего не известно. Ты был последним, кто мог собрать их вместе.

— Я пытался. Долгие годы пытался. Но после того, как нас объявили погибшими, каждый пошёл своей дорогой. Одни боялись Леонтия, другие боялись царской власти, третьи просто хотели забыть. А я остался здесь.

— Ты мог вернуться.

— Мог. Но тогда погиб бы человек, ради которого мы всё это затеяли.

Гость наклонился вперёд.

— Значит, он жив?

Аристей не ответил сразу. Он посмотрел на огонь светильника, словно пытался разглядеть в нём лицо давно ушедшего человека.

— Я не видел его много лет. Последний раз мы расстались на берегу, когда его увозили на корабле. Он был слаб, почти не мог стоять, но сохранил ясность мысли. Перед отплытием он сказал мне, что не хочет, чтобы его возвращение стало причиной новой войны.

— И ты выполнил его просьбу?

— Я выполнил её настолько, насколько мог.

— А теперь?

Аристей поднял глаза.

— Теперь я не знаю, чего хочет он сам. Но если Северий действительно нашёл дорогу к нам, значит, молчать больше нельзя.

В Трое Иларион получил известие от гонца, отправленного к северной гавани. Тот вернулся с небольшим кожаным мешочком, в котором находились две старые таблички и обрывок письма. На одной табличке значилось имя начальника караула — Эвандр. На другой была запись о выдаче лодки неизвестному человеку в ночь исчезновения прежнего царя.

— Кто подписал распоряжение? — спросил Иларион.

— Подписи нет, господин. Только печать гавани.

Архивариус внимательно осмотрел оттиск.

— Это не царская печать.

— Я тоже так подумал.

— Это знак морского союза.

Гонец кивнул.

— Один старый рыбак вспомнил, что в ту ночь видел у пристани несколько человек в одинаковых плащах. Они не были похожи на воинов дворцовой охраны. Один из них хромал.

Иларион поднял голову.

— Хромал?

— Да. Рыбак сказал, что человек опирался на короткий посох и держался за левый бок. Но лица он не рассмотрел.

Иларион осторожно положил табличку на стол.

— Похоже, Аристей действительно был там.

— Значит, он помог похитить царя?

— Или помог ему покинуть город. Разница между этими двумя событиями иногда определяется только тем, кто держит оружие у человека за спиной.

В этот момент вошёл Феодор.

— Иларион, у нас неприятности. На южной дороге задержали двух людей. Они расспрашивали о северной гавани и пытались выяснить, кто отправил гонца.

— Кто они?

— У одного нашли знак морского союза. Второй назвался торговым служителем, но при нём обнаружили письмо без подписи.

Иларион взял письмо. Внутри было всего несколько слов: «Не позволяйте старым именам вернуться к жизни».

— Это предупреждение или угроза? — спросил Феодор.

— Возможно, и то и другое. Но теперь я уверен, что наши поиски кому-то мешают.

Приам узнал о задержании людей позднее. Он приказал не допрашивать их с применением силы и распорядился пригласить Лаомедонта и Гектора.

— Леонтий начинает нервничать, — сказал Гектор, выслушав доклад.

— Или хочет, чтобы мы так думали, — заметил Лаомедонт.

Приам внимательно посмотрел на обоих.

— Я не собираюсь позволять ему превращать город в поле тайных расправ. Мы уже слишком дорого заплатили за старые ошибки.

— Но если он узнает, что отец мог быть жив, он постарается уничтожить свидетелей, — сказал Лаомедонт.

— Поэтому мы должны действовать осторожно. И прежде всего защитить тех, кто ещё может рассказать правду.

Гектор подошёл к окну. С южной стены доносились голоса воинов, сменявших караул.

— Я усилю охрану гавани и дворца. Но хочу предупредить вас об одном. Сегодня утром ко мне пришёл посланник от жителей нижнего города. Люди обеспокоены слухами о новой высадке. Они не понимают, почему мы продолжаем искать тайны прошлого, когда опасность уже стоит у наших ворот.

— Они правы, — тихо сказал Приам.

Лаомедонт удивлённо взглянул на брата.

— Ты не можешь бросить поиски.

— Я и не собираюсь. Но Гектор напомнил нам о том, что важнее всего. Если мы потеряем город, то, возможно, найдём отца, но уже не сможем вернуть ему родину.

Он повернулся к сыну.

— Сделай всё необходимое для защиты людей. А поиски Аристеея мы продолжим без ущерба для обороны.

Гектор кивнул.

— Я поговорю с Парисом и Дорием. Они смогут помочь мне организовать жителей возле южной стены.

— И не забывай, — добавил Приам, — что люди должны не только защищать город, но и верить, что город защищает их.

На Теносе Аристей и его гость продолжали разговор до глубокой ночи.

— Ты должен знать ещё кое-что, — сказал гость. — Леонтий ищет тебя.

Старик спокойно посмотрел на него.

— Я этого ожидал.

— Он отправил людей на остров. А ещё передал через посыльного предложение встретиться с одним из бывших воинов твоего отряда.

— Значит, он тоже собирает своих свидетелей.

— Или пытается уничтожить их раньше, чем они заговорят.

Аристей поднялся и подошёл к ларцу. Достав оттуда маленький деревянный футляр, он открыл его и показал гостю несколько писем, перевязанных тонкой нитью.

— Здесь письма людей, которых я считал погибшими. Они приходили в разное время, из разных мест. Каждый из них просил не искать его и не раскрывать имени.

Гость взял верхнее письмо.

— Ты отвечал?

— Только один раз. Я написал, что пока мы живы, наша клятва не окончена.

— И что они ответили?

— Ничего.

Аристей закрыл футляр.

— Возможно, теперь пришло время собрать их снова. Не для войны и не ради трона. Нам нужно закончить то, что мы начали много лет назад.

— А если Леонтий окажется быстрее?

— Тогда придётся встретиться с ним лицом к лицу.

Гость внимательно посмотрел на старика.

— Ты готов снова увидеть его?

Аристей ответил не сразу.

— Я готов увидеть любого человека, который был рядом с нами в ту ночь. Даже если он считает меня своим врагом.

На рассвете к острову подошёл небольшой корабль. На его борту находились Северий и Елена. Путешествие прошло спокойно, хотя Северий несколько раз выходил на палубу, чтобы осмотреть берег. Елена заметила его тревогу.

— Ты боишься, что мы опоздали?

— Я боюсь, что мы пришли слишком поздно для тех, кто уже погиб из-за этой тайны.

— Тогда хотя бы не заставляй себя отвечать за всё, что произошло до нашего появления.

Северий посмотрел на неё.

— Ты говоришь так, будто знаешь, что я чувствую.

— Нет. Но я знаю, что значит жить с чужим поступком, который однажды изменил твою судьбу. Я слишком долго пыталась понять, почему люди решали за меня, что мне следует делать. Теперь я не хочу повторять их ошибок.

Когда корабль приблизился к пристани, Северий увидел на берегу человека, стоявшего рядом с лодкой. Тот опирался на посох, а его левая рука была прижата к груди. Старик смотрел прямо на прибывших.

Северий узнал его не сразу. Слишком много лет прошло с тех пор, как он видел Аристеея в последний раз. Но когда тот сделал несколько шагов навстречу, сомнений уже не осталось.

— Аристей...

Старик остановился.

— Здравствуй, Северий.

Они долго смотрели друг на друга, не находя слов. Елена стояла чуть поодаль и понимала, что перед ней разворачивается встреча двух людей, которые слишком долго носили в себе одну и ту же боль.

Наконец Северий подошёл ближе.

— Я думал, ты погиб.

— Я тоже долго думал, что ты меня забыл.

— Я не забывал. Я просто не знал, где искать.

Аристей посмотрел на него с грустной улыбкой.

— Теперь знаешь. Но прежде чем мы заговорим о прошлом, я должен показать тебе кое-кого.

Он обернулся к дому. В дверях появился человек со шрамом на щеке, которого Северий прежде не видел. Тот медленно спустился по ступеням и остановился рядом с Аристееем.

— Познакомьтесь, — сказал старик. — Это человек, который в ту ночь вывез прежнего царя из Трои. И человек, который знает, где он находится сейчас.

Северий побледнел. Елена невольно сделала шаг вперёд, а незнакомец внимательно посмотрел на обоих и произнёс:

— Но прежде чем вы отправитесь к нему, вы должны узнать, почему он до сих пор не вернулся домой. Дело не только в Леонтии. Сам царь однажды попросил нас не допустить его возвращения, даже если он будет умолять об этом.

Глава тридцать шестая. Клятва, данная царём

Северий долго не мог произнести ни слова. Он смотрел на незнакомца, пытаясь понять, что скрывается за его последними словами. За годы службы при дворе ему доводилось слышать самые невероятные признания, но ничто не могло подготовить его к мысли, что прежний царь Трои не только пережил ту страшную ночь, но и сам пожелал остаться вдали от родины.

— Ты хочешь сказать, что он жив? — наконец спросил Северий.

— Я хочу сказать, что видел его после того, как корабль покинул троянский берег. Я разговаривал с ним, выполнял его распоряжения и оставался рядом до тех пор, пока он не решил, что больше не нуждается в моей защите.

— Как тебя зовут?

— Меня звали Менестей. Я служил в царской охране, но в ту ночь был не воином, а человеком, которому поручили сохранить чужую жизнь.

Аристей присел на деревянную скамью. Видимо, встреча с Северией отняла у него больше сил, чем он хотел показать.

— Менестей был одним из двенадцати, — сказал он. — Самым молодым в нашем отряде. Именно ему доверили вывести царя из города.

— А остальные? — спросила Елена.

— Каждый из них получил отдельное поручение. Мы договорились не искать друг друга, пока не станет ясно, что опасность миновала. Но опасность не исчезла. Она просто научилась ждать.

Северий повернулся к Менестею.

— Почему царь запретил возвращаться?

— Потому что считал, что его появление вызовет новую борьбу за власть. Он знал о существовании договора с морским союзом, знал о тайных соглашениях и понимал, что некоторые влиятельные люди готовы пойти на всё, лишь бы сохранить свои привилегии. Но главным его страхом была не собственная жизнь.

— Что же он боялся потерять?

— Своих сыновей.

Северий опустил глаза.

— Лаомедонт и Приам?

— Да. Царь был убеждён, что если вернётся, то оба окажутся перед выбором между отцом и царством. Один станет наследником, другой — соперником, даже если ни один из них этого не захочет. Он видел, как люди вокруг них уже начали готовить почву для раздора. И решил исчезнуть, чтобы не дать им повода.

— Но ведь они считали его погибшим! — воскликнула Елена. — Разве это не причинило им ещё большую боль?

Менестей посмотрел на неё.

— Причинило. И он знал об этом. Но тогда ему казалось, что это меньшая цена, чем новая война внутри царского дома.

— Он ошибся, — тихо произнёс Северий.

— Возможно. Но не нам судить о его решении, пока мы не услышали его самого.

Старый воин достал из-под одежды небольшой кожаный мешочек и положил перед Северией.

— Он передал это для тебя. Сказал, что однажды ты придёшь, если сумеешь простить себя за то, чего не совершал.

Северий развязал шнурок. Внутри лежала небольшая золотая пластина с царской печатью. На обратной стороне были выгравированы слова:

«Тот, кто сохранил верность молчанием, не должен считать себя предателем. Но молчание не освобождает от обязанности сказать правду, когда приходит время».

Северий сжал пластину в ладони. Он вспомнил ту ночь, когда Леонтий сообщил ему о смерти царя. Вспомнил, как пытался добиться объяснений, как получил приказ не вмешиваться, как в конце концов подчинился, убедив себя, что дальнейшее сопротивление лишь погубит тех, кого ещё можно спасти.

— Значит, он знал, что я не предавал его, — произнёс Северий.

— Он знал, что ты пытался исполнить приказ, не понимая всей его цены, — ответил Менестей. — Но теперь всё изменилось. Он стар, Северий. И, возможно, впервые за много лет хочет увидеть родных.

Аристей поднял голову.

— Тогда почему ты сказал, что он запретил возвращаться даже в том случае, если сам попросит об этом?

Менестей помолчал.

— Потому что есть ещё одна причина. И её он не доверил ни тебе, ни мне.

В Трое тем временем обстановка становилась всё напряжённее. Леонтий получил известие, что Северий и Елена прибыли на Тенос. Его люди сообщили также, что на острове был замечен Менестей, которого много лет считали погибшим.

Леонтий долго ходил по каюте, не произнося ни слова. Затем остановился возле стола и положил на него обе половины серебряной застёжки.

— Они собрались, — сказал он.

Капитан стоял у двери.

— Кто, господин?

— Те, кто должен был навсегда исчезнуть из моей жизни.

— Прикажете отправить корабль на Тенос?

— Нет. Пока нет.

Капитан удивлённо поднял глаза.

— Но если они встретятся с Северией, он узнает всё.

— Северий уже знает достаточно. Иначе не отправился бы туда.

Леонтий взял одну из застёжек и повернул её в пальцах.

— Скажи мне, капитан, ты когда-нибудь задумывался, почему люди начинают войну?

— Из-за земли, власти, богатства, обид.

— Это причины, которые они называют вслух. Но настоящая причина чаще всего одна: кто-то однажды решил, что только он имеет право распоряжаться чужой судьбой.

Он подошёл к карте Трои.

— Я не собирался убивать царя. Я хотел, чтобы он перестал мешать тем, кто мог удержать союз от распада. Я верил, что старый порядок уже не способен защитить страну. И когда он отказался принять мои условия, я позволил другим совершить то, чего сам не решился сделать.

— Вы говорите о той ночи?

Леонтий резко посмотрел на капитана.

— Я говорю о том, что слишком долго считал необходимым.

Капитан опустил голову.

— А теперь?

— Теперь мне нужно узнать, что именно рассказал Менестей. Если царь действительно жив, его возвращение может уничтожить не только меня. Оно разрушит все соглашения, заключённые за последние годы.

— Может быть, стоит договориться с ним?

Леонтий усмехнулся.

— Ты плохо знаешь этого человека. Он никогда не соглашался на сделку, если считал её несправедливой. Даже когда такая сделка могла спасти ему жизнь.

Он приказал приготовить небольшое судно и выбрать трёх людей, которые умели бы держать язык за зубами. Но прежде чем капитан успел выйти, Леонтий добавил:

— И ещё. Если кто-нибудь попытается добраться до царя раньше меня, остановите его. Живым или мёртвым — мне всё равно, кто именно это будет.

На Теносе Елена вышла из дома и направилась к берегу. Ей хотелось побыть одной, осмыслить услышанное и решить, как вести себя дальше. Встреча с Аристееем напомнила ей о собственной юности, о страхе, который она пережила перед свадьбой, и о человеке, который однажды помог ей выбраться из беды, не требуя ничего взамен.

Она вспомнила его слова: «Сегодня меня зовут Аристей. Завтра, возможно, я буду другим человеком».

Теперь эти слова обрели иной смысл. Возможно, он говорил не только о себе. Возможно, вся его жизнь была попыткой защитить людей, которым приходилось жить под чужими именами.

К ней подошёл Северий.

— Ты о чём-то задумалась?

— О том, что мы всё время ищем виновных, а почти не спрашиваем, что заставило людей поступать именно так.

— Это не значит, что их нужно оправдывать.

— Конечно. Но если мы хотим понять, что произошло, придётся услышать и тех, кого мы считаем виновными.

Северий посмотрел на море.

— Ты говоришь о Леонтии?

— И о нём тоже. Я не знаю, что он совершил. Но знаю, что однажды он был человеком, которому доверяли. Аристей, Менестей, возможно, и сам прежний царь. Нельзя превратить такого человека в чудовище одним только решением.

— Ты слишком милосердна к тем, кто способен причинять зло.

— Нет, Северий. Я просто не хочу, чтобы мы стали похожи на них.

Северий некоторое время молчал.

— Менестей обещал рассказать нам остальное утром. Он хочет, чтобы мы сначала выслушали Аристеея.

— А ты готов?

— Не знаю. Я много лет ждал этого разговора, но теперь боюсь услышать ответ.

Елена положила руку ему на плечо.

— Тогда хотя бы не забывай, что правда нужна не только тебе.

Вечером Аристей долго сидел у открытого окна. В доме было тихо. Менестей спал в соседней комнате, а Северий и Елена остановились у Мелиты. Старик достал из ларца бронзовую пластину с именами двенадцати воинов и положил её рядом с картой Трои.

Он помнил каждого из них. Помнил, как они вместе охраняли царя, как спорили после долгих дежурств, как мечтали вернуться домой после очередного похода. Среди них были люди разных характеров: суровые и весёлые, молчаливые и разговорчивые, верные и сомневающиеся. Они не были легендарными героями. Просто однажды каждый из них оказался перед выбором, от которого зависела чужая жизнь.

Аристей вынул из ларца ещё одну вещь — небольшую детскую деревянную лошадку. Её когда-то вырезал для него сын, которого он больше никогда не увидел. Мальчик умер задолго до исчезновения царя, но старик сохранил игрушку, словно вместе с ней мог удержать часть прежней жизни.

Он провёл пальцем по потёртой гриве.

— Прости меня, — прошептал он.

В дверь осторожно постучали.

— Филон, ты не спишь? — послышался голос Мелиты.

— Нет. Входи.

Женщина принесла ему тёплый отвар.

— Сегодня ты выглядишь особенно усталым.

— Сегодня ко мне вернулось прошлое.

— И оно принесло с собой беду?

Аристей задумался.

— Возможно. Но иногда беда начинается не тогда, когда прошлое возвращается, а тогда, когда люди слишком долго отказываются его помнить.

Мелита поставила чашу на стол.

— Ты ведь не собираешься снова уходить?

— Пока не знаю.

— Тогда хотя бы скажи мне правду. Ты тот человек, которого ищут?

Старик посмотрел на неё.

— Да.

Она не стала задавать новых вопросов. Только села рядом и некоторое время молчала.

— Я не знаю, кем ты был прежде, — наконец сказала она. — Но знаю, каким ты стал здесь. И если тебе придётся уехать, я не стану удерживать. Только не думай, что должен снова исчезнуть ради того, чтобы другие могли спокойно жить.

Эти слова неожиданно глубоко тронули Аристея. Он впервые за много лет почувствовал, что его жизнь на острове была не просто укрытием от прошлого. Здесь его ждали, здесь ему доверяли, и здесь он снова стал человеком, а не тенью чужой истории.

На следующее утро Менестей собрал всех в доме. Северий сел напротив него, Елена устроилась возле окна, а Аристей остался стоять у стола.

— Теперь я расскажу, что произошло после того, как мы вывезли царя из Трои, — начал Менестей. — Но сначала вы должны понять, что его исчезновение было не единственным событием той ночи.

Он достал из дорожной сумки небольшой свиток.

— В тот вечер царь получил письмо. В нём говорилось, что один из его сыновей находится под угрозой. Автор письма утверждал, что если царь не покинет дворец добровольно, его семья пострадает.

— Какой сын? — спросил Северий.

— Имя не было указано.

— А царь поверил этому письму?

— Не сразу. Он приказал проверить сведения. Но когда вернулся посланник, выяснилось, что письмо содержало правду: во дворце действительно готовилось покушение. И целью был не только царь.

Северий почувствовал, как холодеют его руки.

— Кто ещё был под угрозой?

Менестей посмотрел на него, затем перевёл взгляд на Елену и Аристея.

— Все дети царского дома. Но особенно один из них.

— Лаомедонт? — спросил Аристей.

— Нет. Приам.

Северий поднялся.

— Ты хочешь сказать, что исчезновение царя было связано с попыткой убить Приама?

— Именно. Царь понял, что его присутствие может стать поводом для расправы над сыновьями. Он решил исчезнуть, чтобы заставить заговорщиков изменить планы. Но прежде чем покинуть Трою, он приказал нам сохранить одну тайну.

Менестей развернул свиток. На нём была изображена небольшая печать, которую Северий узнал сразу. Это был знак старого царского дома, использовавшийся лишь в особых случаях.

— Он велел передать эту печать только тому, кто однажды сможет доказать, что два сына царя не должны стать врагами.

Северий медленно сел.

— Значит, всё это время мы искали не только царя.

— Да, — ответил Менестей. — Мы искали возможность предотвратить то, чего он боялся больше собственной смерти.

Аристей посмотрел на карту Трои. Теперь он понимал, почему царь так долго запрещал возвращаться и почему его просьба была столь настойчивой. Но в словах Менестея оставалась одна недосказанность, которая не давала ему покоя.

— Ты сказал, что царь поручил сохранить тайну. Но почему ты не рассказал нам о ней раньше?

Менестей медленно свернул свиток.

— Потому что печать предназначалась не Лаомедонту и не Приаму. Она предназначалась человеку, который ещё не родился в ту ночь, когда исчез царь. Человеку, чьё появление должно было изменить судьбу троянского дома.

Он посмотрел на Северия.

— И теперь этот человек уже живёт в Трое. Его зовут Парис.

Глава тридцать седьмая. Наследник тайны

Несколько мгновений никто не произносил ни слова. Имя Париса прозвучало в маленьком доме на Теносе так неожиданно, словно кто-то открыл дверь, за которой все эти годы скрывалось нечто гораздо более страшное, чем они предполагали.

Первым заговорил Северий.

— Объясни, Менестей. Как мог царь знать о человеке, который ещё не родился?

— Он не знал его имени. Не знал, каким будет его лицо и какую судьбу ему приготовит жизнь. Но он знал, что в царском доме появится ребёнок, которому предстоит соединить две ветви рода, разделённые старой враждой.

Аристей медленно подошёл к столу.

— Ты говоришь о старшем наследнике?

— Я говорю о том, кто сможет отказаться от наследства ради сохранения семьи.

Северий нахмурился.

— Но Парис — сын Лаомедонта. Он родился задолго до возвращения отца в Трою. Приам и Гекуба воспитывали его как собственного сына, не раскрывая происхождения. Что именно могло быть известно прежнему царю?

Менестей развернул свиток ещё раз.

— Когда царь покинул Трою, он оставил распоряжение, которое должно было быть исполнено только при определённых обстоятельствах. Он предвидел, что однажды Лаомедонт вернётся, а его сын окажется между двумя семьями и двумя представлениями о долге. Поэтому царь не хотел, чтобы Парис получил власть только на основании крови. Он хотел, чтобы тот сам сделал выбор.

— Какой выбор? — спросила Елена.

— Признать, что он принадлежит не одной семье, а всему дому Приама. И понять, что право на наследие не даёт права распоряжаться чужими судьбами.

Северий задумался.

— Значит, печать должна попасть к Парису?

— Не сама по себе, — ответил Менестей. — Её нельзя вручить ему как награду или знак превосходства над братьями. Царь говорил, что печать должна быть открыта лишь тогда, когда два сына его дома смогут стоять рядом и не видеть друг в друге соперников.

Аристей посмотрел на старого воина.

— Но Лаомедонт и Приам уже стоят рядом. Они вместе защищают город.

— Возможно. Однако царь говорил не только о них. Он говорил о тех, кто придёт после них.

Северий поднялся и подошёл к окну.

— Мы должны сообщить об этом в Трою.

— Не торопись, — остановил его Менестей. — В свитке есть ещё одно условие. Человек, который передаст печать, должен сначала рассказать Парису правду о той ночи. Не легенду о погибшем царе, не историю о заговорщиках, а всю правду, насколько она ему известна.

— А если Парис откажется принимать её?

— Тогда печать останется у нас.

Елена внимательно посмотрела на Менестея.

— Ты говоришь о нём так, словно уже знаешь, каким он стал человеком.

— Я видел его однажды, много лет назад. Он был совсем ребёнком. Его принесли во дворец после возвращения из одного дальнего поселения. Он держал в руках деревянную игрушку и не хотел отдавать её служителю, который пытался помочь ему переодеться. Тогда я подумал, что этот мальчик не станет человеком, который легко расстаётся с тем, что любит.

Аристей впервые за всё утро улыбнулся.

— Иногда именно такие люди оказываются способны отказаться от власти.

В Трое Парис тем временем помогал Гектору осматривать южные укрепления. После ночного нападения оборона города была усилена, но жители нижних кварталов всё ещё тревожились. Многие опасались, что новая высадка произойдёт неожиданно, и просили разрешить семьям переселиться ближе к дворцу.

— Нельзя заставлять людей покидать дома, — сказал Парис. — Если мы начнём эвакуацию без необходимости, возникнет паника.

— Я согласен, — ответил Гектор. — Но необходимо подготовить безопасные помещения. Особенно для стариков, женщин и детей.

Они остановились возле небольшой мастерской, где несколько мужчин укрепляли деревянные ставни. Хозяин, пожилой гончар по имени Филокл, вышел к ним, вытирая руки о передник.

— Господин Гектор, — обратился он, — говорят, что ахейцы собирают большой флот. Это правда?

Гектор посмотрел на Париса.

— Мы располагаем сведениями о передвижении кораблей. Но пока никто не объявлял нам войны.

— А если объявят?

— Тогда город будет защищаться.

Гончар опустил голову.

— Мне уже нечего защищать, кроме мастерской. Два сына погибли на море, жена умерла прошлой зимой. Если начнётся война, я не смогу даже уйти отсюда.

Парис положил руку ему на плечо.

— Ты не останешься один. Мы организуем помощь тем, кто не сможет самостоятельно покинуть опасные районы. И если понадобится, твоя мастерская будет защищена наравне с дворцом.

Гончар посмотрел на него с недоверием, но затем кивнул.

Когда они отошли, Гектор тихо сказал:

— Ты умеешь разговаривать с людьми так, будто знаешь их всю жизнь.

— Потому что они не обязаны доказывать мне, что заслуживают внимания.

Гектор улыбнулся.

— Иногда мне кажется, что ты лучше меня понимаешь, зачем мы защищаем этот город.

— Не говори глупостей. Ты защищаешь его каждый день, а я лишь пытаюсь не забывать, ради кого мы это делаем.

Они прошли ещё несколько шагов. Впереди, у ворот, стоял Дорий. Он разговаривал с двумя воинами и держал в руках небольшой свиток.

— Вы вовремя, — сказал он, увидев братьев. — Пришло сообщение от Агенора. Он просит срочно встретиться с нами.

— Что случилось? — спросил Парис.

— Он обнаружил в старых записях имя человека, который может быть связан с исчезновением царя.

Гектор нахмурился.

— Кто?

— Эвандр, начальник караула северной гавани. Он исчез из Трои сразу после той ночи, но несколько лет спустя его имя появилось в списках морского союза.

Парис обменялся взглядом с Гектором.

— Значит, у Леонтия были люди не только во дворце, но и в гавани.

— Возможно, — ответил Дорий. — Но Агенор утверждает, что Эвандр мог знать нечто, чего не знал даже сам Леонтий.

В Спарте Агамемнон получил донесение о прибытии Северия и Елены на Тенос. Он прочитал его дважды, затем положил на стол.

— Значит, Менелай решил вмешаться в троянские дела, — произнёс он.

Советник, стоявший напротив, осторожно ответил:

— Царь Спарты утверждает, что его интересует лишь безопасность торговых путей.

— Менелай всегда предпочитал называть осторожностью то, что другие называют нерешительностью.

Агамемнон подошёл к карте.

— Кто такой Аристей?

— Бывший командир царской охраны. Считался погибшим.

— А теперь жив?

— Похоже на то.

Агамемнон задумался.

— Если он действительно был связан с исчезновением прежнего царя, то может располагать сведениями о старом договоре. А это уже не частное дело Трои.

— Вы намерены направить к нему посланника?

— Нет. Сначала я хочу знать, кто ещё ищет этого человека. Передайте нашим людям в портах, чтобы они следили за кораблями, прибывающими с Теноса. И пусть выяснят, куда направится Северий.

Советник поклонился, но не ушёл.

— Господин, есть ещё один вопрос. Менелай собирается обратиться к нескольким царям с предложением не начинать войну без общего решения.

Агамемнон усмехнулся.

— Пусть обращается. Пока он пишет письма, я буду готовить флот.

— А если другие цари поддержат его?

— Тогда им придётся объяснить, почему они предпочитают наблюдать за усилением Трои, вместо того чтобы остановить её сейчас.

Он провёл пальцем по побережью Малой Азии.

— Мне не нужен повод для войны, который можно оспорить. Мне нужно положение, при котором никто не сможет отказаться от участия.

На Теносе Северий и Елена готовились к возвращению. Аристей стоял у двери, наблюдая, как Менестей собирает свои вещи.

— Ты поедешь с нами? — спросил Северий.

— Нет, — ответил Менестей. — Мне нужно остаться здесь ещё на несколько дней.

— Почему?

— Потому что на острове появились люди Леонтия. Я хочу выяснить, кто их прислал и что им известно.

Аристей резко повернулся.

— Ты не должен рисковать.

— Я рисковал гораздо больше, когда впервые вывез царя из Трои. Тогда у меня не было ни оружия, ни уверенности, что мы доберёмся до берега. Теперь у меня хотя бы есть возможность выбирать.

Северий протянул ему руку.

— Если узнаешь что-нибудь важное, отправь сообщение через Менелия, нашего старого связного в Спарте. Он знает, как передать письмо, не привлекая внимания.

Менестей пожал ему руку.

— А ты постарайся не опоздать.

— Куда?

— К человеку, которого ищешь всю жизнь.

Аристей подошёл к Северии и вложил ему в ладонь небольшой деревянный футляр.

— Здесь печать. Не открывай его без Лаомедонта и Приама. И ни в коем случае не показывай Леонтию.

Северий внимательно осмотрел футляр.

— Ты доверяешь мне?

— Я доверяю тому человеку, которым ты был до той ночи. И надеюсь, что ты сумеешь снова им стать.

Елена наблюдала за ними и понимала, что эти люди постепенно возвращают себе не только правду, но и собственное достоинство. Однако её тревожило другое: почему прежний

царь так настойчиво запрещал возвращаться? Если его исчезновение было лишь способом защитить сыновей, то почему спустя столько лет опасность не миновала?

Перед отплытием она спросила Аристея:

— Ты знаешь, где сейчас царь?

Старик долго смотрел на неё.

— Знаю место, откуда он отправил последнее письмо. Но не знаю, жив ли он там до сих пор.

— А если его уже нет?

— Тогда мы хотя бы перестанем искать призрак и сможем похоронить его по-настоящему.

Корабль покинул остров ближе к вечеру. Северий стоял на корме, держа футляр в руках. Елена подошла к нему.

— Ты думаешь о Парисе?

— Да. И о том, что ему предстоит узнать.

— Он не ребёнок. Он сможет принять правду.

— Я боюсь не этого. Я боюсь, что правда о прежнем царе заставит его усомниться в собственной семье. Он ведь вырос сыном Приама и Гекубы, а теперь узнал, что его отец — Лаомедонт. И вот снова ему предлагают принять ещё одну тайну, которая может изменить всё.

Елена посмотрела на приближающийся горизонт.

— Тогда не превращай правду в испытание. Расскажи ему то, что знаешь, и оставь право решать за ним.

Северий кивнул.

В это время в Трое Агенор передавал Иларионy найденную запись об Эвандре. Внизу документа стояла дата, совпадавшая с днём исчезновения прежнего царя. Рядом была сделана короткая приписка: «Лодка возвращена без пассажира».

Иларион перечитал её несколько раз.

— Значит, царь мог покинуть гавань не на том судне, которое мы искали, — произнёс он.

Агенор посмотрел на него.

— Или лодка вернулась пустой, потому что пассажира пересадили на другой корабль.

Архивариус медленно свернул документ.

— Нам придётся проверить все суда, вышедшие из Трои в ту ночь.

— Это почти невозможно. Прошло слишком много лет.

— Иногда достаточно найти одну запись, которую забыли уничтожить.

В этот момент в комнату вошёл посыльный и передал Иларионy письмо без печати. Архивариус развернул его и прочитал короткую фразу:

«Не ищите царя там, где его оставили. Ищите того, кто получил приказ вернуть его».

Иларион поднял глаза на Агенора.

— Похоже, кто-то хочет, чтобы мы нашли не только Аристея.

За окном уже садилось солнце. На улицах Трои зажигались огни, и город готовился к очередной ночи тревожного ожидания. Никто пока не знал, что в старых записях обнаружилась новая зацепка, а на далёком Теносе один из бывших царских воинов уже получил письмо с теми же словами, которые когда-то произнёс исчезнувший правитель: «Если придёт время возвращаться, не верьте тому, кто первым назовёт себя моим спасителем».

Глава тридцать восьмая. Возвращение из тени

Дорога с Теноса к Трое оказалась долгой не столько из-за ветров и волнения моря, сколько из-за мыслей, от которых Северий не мог избавиться даже тогда, когда корабль шёл под полными парусами. Деревянный футляр, переданный ему Аристееем, лежал в небольшой дорожной сумке, спрятанной под его одеждой. Северий не открывал его и не пытался угадать, что именно скрывается за печатью. Он слишком хорошо знал цену поспешным выводам. За

долгие годы служения прежнему царю он научился понимать: иногда человек совершает большее предательство, пытаясь приблизиться к правде раньше назначенного часа, чем тот, кто сознательно хранит молчание.

Елена стояла у борта, глядя на береговую линию, постепенно исчезавшую за морской дымкой. Ветер трепал её волосы, а лицо оставалось задумчивым.

— Ты думаешь о царе? — спросил Северий, подойдя к ней.

— О нём, о Трое, о людях, которые столько лет жили рядом с тайной и даже не подозревали, что она существует. И ещё о том, сколько бед может принести возвращение одного человека, если его слишком долго считали мёртвым.

— Именно поэтому он и не возвращается сам, — ответил Северий. — По крайней мере, пока не убедится, что его появление не разрушит того, ради чего он покинул город.

Елена повернулась к нему.

— Но разве можно бесконечно оберегать людей от правды? Они уже воюют из-за договора, которого, возможно, давно не существует. Леонтий собирает войска, Агамемнон готовит флот, а в Трое братья пытаются понять, кто они друг другу. Разве скрытый царь способен остановить всё это?

Северий некоторое время молчал.

— Не знаю. Но теперь я понимаю, почему прежний царь боялся своего возвращения. Он оставил город не потому, что перестал любить его. Возможно, он любил его настолько, что предпочёл потерять собственное имя, лишь бы не стать причиной новой распри.

— А если его сыновья уже достаточно взрослые, чтобы самим решить свою судьбу?

— Тогда, может быть, именно это и станет причиной его возвращения.

Елена снова посмотрела на море. Она вспомнила старого Аристея, его хромоту, усталые глаза и странную печаль человека, который слишком долго жил под чужим именем. Теперь она понимала, что его молчание было не слабостью. Он охранял не только царя, но и обещание, данное когда-то человеку, которому доверял.

В это время на другом корабле, далеко от Теноса, Менестей внимательно изучал береговые огни. Он не последовал за Северией, решив остаться на острове, чтобы проследить за людьми Леонтия. Перед отплытием он получил от Аристея небольшую записку, которую прочитал уже после того, как корабль Северия исчез за горизонтом.

В ней было всего несколько строк:

«Если они ищут царя, значит, кто-то уже сообщил им, что он жив. Но опасность не в том, что его найдут. Опасность в том, что к нему первым придёт человек, который знает, как заставить его вернуться».

Менестей перечитал записку и спрятал её за пазуху. Он знал, что Леонтий не откажется от поисков. И теперь, когда старые свидетели начали возвращаться из небытия, оставаться в стороне становилось всё опаснее.

В Трое утро началось с тревожного сообщения от южных дозорных. Несколько кораблей были замечены далеко за линией горизонта. Они не приближались к берегу, но и не уходили в открытое море. Их движение было слишком осторожным, чтобы принять его за обычное торговое плавание.

Гектор стоял на стене рядом с начальником караула и рассматривал море через небольшую бронзовую трубу.

— Они наблюдают за нами, — произнёс он. — Не хотят вступать в бой, пока не узнают, насколько мы готовы.

— Людей Леонтия?

— Скорее всего. Но я не стану утверждать этого, пока не увижу их знаков.

К ним поднялся Парис. Он выглядел утомлённым: последние дни почти не спал, проводя много времени среди воинов и жителей южных кварталов. За его плечом висел лук, а на руке темнела повязка, закрывавшая неглубокую рану, полученную во время первой высадки.

— Отец просил тебя вернуться во дворец, — сказал Гектору Парис. — Приам собирает совет.

— А ты?

— Я останусь здесь. Хочу поговорить с дозорными.

Гектор посмотрел на брата с лёгкой улыбкой.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь одновременно быть воином, посланником, лекарем и защитником каждого жителя города?

— Нет. Но если я уйду, кто-нибудь из них решит, что царевичам интереснее заседать во дворце, чем видеть, что происходит за его стенами.

— Тогда оставайся. Только не забывай, что рана на твоей руке ещё не зажила.

Парис усмехнулся.

— Ты говоришь как Гекуба.

— Значит, у нас с ней одинаковые причины беспокоиться.

Они некоторое время молча смотрели на море. Потом Гектор положил руку брату на плечо.

— Знаешь, Парис, я всё чаще думаю, что отец слишком долго пытался защитить нас от прошлого. Но теперь прошлое само пришло к нашим воротам.

— Возможно, оно пришло не для того, чтобы наказать нас, — ответил Парис. — Может быть, оно хочет, чтобы мы наконец перестали жить чужими решениями.

Гектор ничего не ответил, но слова брата запомнил.

Во дворце тем временем собрались Приам, Лаомедонт, Агенор, Феодор и Иларион. Дорий тоже присутствовал на совете, хотя формально никто не требовал его участия. Он сам попросил разрешения остаться, узнав, что обсуждаться будут старые записи северной гавани.

Иларион разложил перед собравшимися несколько пергаментов.

— Я сравнил записи о караулах, которые несли службу в ночь исчезновения прежнего царя, — начал он. — Теперь мне кажется, что мы слишком долго искали только тех, кто вывез его из дворца. Но необходимо выяснить и другое: кто должен был встретить его за стенами?

— Ты имеешь в виду Эвандра? — спросил Дорий.

— Да. Начальник караула северной гавани исчез в ту ночь. Позже его имя появилось в списках морского союза, однако ни одного достоверного свидетельства о его дальнейшей службе не сохранилось.

Агенор внимательно изучал пергамент.

— Я помню это имя. Эвандр был человеком осторожным, даже чрезмерно осторожным. Он никогда не принимал решения, не выяснив, кому оно выгодно.

— Такие люди иногда становятся опаснее открытых врагов, — заметил Феодор.

— А иногда именно они спасают тех, кого не могут защитить остальные, — возразил Лаомедонт. — Мы пока не знаем, кем был Эвандр.

Приам поднял голову.

— Что ещё удалось выяснить?

Иларион вынул из-под остальных листов небольшой фрагмент старой ведомости.

— В списке указано, что в ночь исчезновения царя из гавани вышла лодка без официального разрешения. Через несколько часов её вернули. Но в первоначальной записи есть одна странность: лодка была принята обратно не тем человеком, который выдал её перед отплытием.

— И кто принял её? — спросил Дорий.

— Имя не сохранилось. На месте подписи остался только знак. Я не смог определить, кому он принадлежал.

Феодор наклонился над пергаментом.

— Покажи.

Иларион передал ему лист. Феодор долго рассматривал едва заметную отметку, затем провёл пальцем вдоль края бумаги.

— Это не знак морского союза, — сказал он наконец. — И не знак двух львов.

— Ты узнаёшь его? — спросил Приам.

— Не совсем. Но я видел нечто похожее на печатях людей, которые отвечали за царские дороги и переправы. Они не подчинялись морскому союзу. Их служба существовала ещё при прежнем царе.

Лаомедонт внимательно посмотрел на Феодора.

— Ты хочешь сказать, что лодку мог встретить человек, действовавший по приказу самого царя?

— Я хочу сказать, что это возможно. И если так, то исчезновение царя было подготовлено не только его двенадцатью воинами. У него могли быть другие помощники, о которых мы ничего не знаем.

Приам откинулся на спинку кресла.

— Значит, мы снова стоим перед закрытой дверью.

— Нет, государь, — тихо произнёс Иларион. — Теперь мы хотя бы знаем, где искать ключ.

В полдень в город вошёл посланник Северия. Он прибыл один, на взмыленной лошади, и сразу потребовал встречи с Приамом. Его одежда была покрыта дорожной пылью, а на левом плече виднелась полоса засохшей крови.

Гектор, первым встретивший его у дворцовых ворот, приказал немедленно проводить гонца в зал совета.

— Откуда ты прибыл? — спросил Приам, едва посланник переступил порог.

— Из северной гавани, государь. Я должен был встретить корабль хранителя договора, но до сих пор не получил подтверждения его прибытия.

— Ты видел его?

— Нет. Но перед тем как отправиться сюда, я обнаружил возле причала двух незнакомцев. Они расспрашивали о корабле, который должен был прийти с Теноса. Один из них назвал имя Северия.

Гектор нахмурился.

— Они были вооружены?

— Да. Но оружие скрывали. Когда я попытался узнать, кто их послал, один из них ударил меня и приказал не вмешиваться.

— Ты видел их лица? — спросил Лаомедонт.

— Одного видел хорошо. У него на шее была небольшая подвеска в форме раскрытого крыла.

Иларион и Феодор переглянулись.

— Люди Леонтия, — произнёс Агенор.

— Возможно, — ответил Иларион. — Но знак крыла встречался и у тех, кто прежде служил другим господам. Не следует торопиться.

Приам поднялся.

— Гектор, усили охрану гавани. Не задерживайте всех подряд, но ни один незнакомый корабль не должен приблизиться к причалу без проверки. Парису сообщи, что он должен вернуться во дворец.

— Он не обрадуется, отец.

— Я не прошу его радоваться.

Гектор уже направился к двери, когда Иларион остановил его.

— Есть ещё одно обстоятельство. Посланник сообщил, что незнакомцы спрашивали именно о корабле Северия. Значит, они знают, что тот возвращается не один.

Елена.

Имя не было произнесено, но все поняли, о ком идёт речь.

Приам посмотрел на Лаомедонта.

— Если они попытаются использовать её, это будет означать, что Леонтий готов перейти к действиям, которые прежде считал для себя слишком опасными.

— Он уже перешёл эту черту, — ответил Лаомедонт. — Просто мы ещё не знаем, насколько далеко он готов зайти.

Вечером корабль Северия вошёл в северную гавань. Елена стояла рядом с ним, когда на причале показались вооружённые люди Гектора. Их появление не вызвало тревоги, но Северий сразу заметил, что среди встречавших не было обычных портовых служителей.

— Что-то случилось? — спросила Елена.

— В гавани были чужие люди. Видимо, нас ждали.

— Значит, они знают о футляре?

— Не обязательно. Но теперь мы должны быть осторожнее.

Гектор поднялся на борт и приветствовал их. Он обнял Елену, как близкого человека, которого давно не видел, затем обратился к Северии:

— Отец ждёт вас. И ещё он просил передать, что во дворце собрались все, кто должен присутствовать при открытии печати.

Северий внимательно посмотрел на него.

— Все трое?

— Приам, Лаомедонт и ты как хранитель договора. Парис тоже ждёт. Он уже знает, что ты привёз с Теноса нечто важное.

— А Дорий?

— Он тоже будет присутствовать. Не знаю, почему, но Иларион считает, что его присутствие необходимо.

Северий опустил глаза на сумку.

— Тогда, возможно, настало время узнать, что именно доверил нам прежний царь.

Елена услышала в его голосе не облегчение, а тревогу.

— Ты всё ещё боишься?

— Да, — честно ответил Северий. — Только теперь я боюсь не за себя.

Они сошли на причал. Впереди лежала дорога к дворцу, освещённая факелами. Город жил своей обычной вечерней жизнью: торговцы закрывали лавки, женщины возвращались с рынка, дети играли возле фонтанов. Кто-то спорил у дверей мастерской, кто-то торопился домой, чтобы успеть к ужину. И в этом простом движении жизни Северий вдруг почувствовал то, о чём когда-то говорил ему прежний царь: город существует не ради стен, дворцов и царских печатей. Он существует ради тех, кто каждое утро открывает двери своих домов и надеется, что следующий день будет мирным.

У ворот дворца Северий остановился и оглянулся на гавань. Вдалеке, за причалами, едва различался огонь небольшого судна, которое не входило в гавань, но и не уходило в открытое море.

— Что ты увидел? — спросил Гектор.

— Ничего, что можно было бы доказать, — ответил Северий. — Но мне кажется, кто-то хочет убедиться, что мы благополучно добрались до дворца.

— Люди Леонтия?

— Возможно. А возможно, те, кто боится не Леонтия, а самого возвращения царя.

Северий пошёл дальше, крепче прижимая к себе сумку с деревянным футляром. Он ещё не знал, что внутри него скрывается не только печать, но и последнее распоряжение прежнего царя, способное изменить судьбу всех, кто сейчас находился за дворцовыми стенами.

А далеко от Трои, в доме у моря, старый человек, которого местные жители знали под именем Филона, получил от Менестея короткое сообщение. Он прочитал его дважды, затем достал из сундука сложенную карту и долго смотрел на отмеченную на ней дорогу, ведущую к древнему святилищу за северными холмами.

Там, согласно последнему распоряжению царя, должен был находиться человек, которому было поручено вернуть его домой, если однажды Троя снова окажется перед угрозой гибели. Но Аристей знал и другое: тот, кто первым назовёт себя спасителем царя, может оказаться его самым опасным врагом.

Глава тридцать девятая. Тот, кто ждал возвращения

В ту ночь дворец Приама почти не спал. В большом зале, где прежде собирались царские советники, горели светильники, а на длинном столе лежали старые пергаменты, печати и деревянный футляр, который Северий привёз с Теноса. Приам, Лаомедонт и Северий сидели рядом. Напротив них расположились Гектор, Парис, Дорий, Иларион и Феодор. Елена, утомлённая дорогой, всё же отказалась уходить, сказав, что слишком долго была сторонним свидетелем чужих тайн и теперь хочет услышать правду до конца.

Северий положил футляр перед собой.

— Аристей просил открыть его только в присутствии тех, кому прежний царь доверил судьбу своего дома. Я долго думал, почему среди них должны быть не только его сыновья, но и Парис.

— Потому что он мой сын, — спокойно ответил Лаомедонт.

— Не только поэтому. Аристей сказал, что печать предназначена наследнику, который родился в ночь исчезновения царя. И что её смысл станет понятен лишь тогда, когда мы узнаем, почему прежний царь решил оставить её именно ему.

Парис посмотрел на футляр.

— Я не просил никакой печати. И не хочу, чтобы моё происхождение стало основанием для новых споров.

— Это я знаю, — сказал Приам. — Но отказываться от правды только потому, что она может оказаться тяжёлой, тоже нельзя.

Лаомедонт положил руку на плечо сына.

— Никто не станет заставлять тебя принимать то, чего ты не желаешь.

Северий достал из сумки маленький ключ, который передал ему Аристей. Замок поддался не сразу. Внутри лежала золотая пластина, обёрнутая тонкой тканью, и ещё один пергамент, запечатанный знаком прежнего царя.

Приам долго смотрел на печать, прежде чем коснуться её.

— Я помню этот знак, — произнёс он. — Отец пользовался им в последние годы своей жизни.

— Тогда ты должен знать, — сказал Северий, — что вскрывать письмо имеешь право ты и Лаомедонт. Я лишь хранитель.

Лаомедонт кивнул брату. Приам осторожно снял печать.

Письмо было написано рукой прежнего царя. Почерк оказался неровным, словно автор торопился или испытывал боль.

«Моим сыновьям, если когда-нибудь они прочтут эти слова вместе.

Я не знаю, сколько времени пройдёт до того дня. Возможно, меня уже не будет среди живых. Возможно, вы будете считать меня человеком, который предал свой дом, оставив его без объяснений. Но если это письмо дошло до вас, значит, настало время исполнить то, что я не смог завершить при жизни.

Я покинул Трою не ради спасения собственной жизни. Я ушёл, потому что понял: мой дворец стал местом, где каждый шаг моих сыновей может оказаться последним. Одни желали власти, другие боялись потерять влияние, третьи были готовы использовать даже кровь царского дома ради своих замыслов.

Я надеялся, что моё исчезновение остановит их. Я ошибался. Но возвращение не должно стать новым поводом для вражды.

Моё старшее право принадлежит Лаомедонту, моё доверие принадлежит Приаму, а моя надежда связана с теми, кто родится после нас. Не ищите между собой победителя. Власть, полученная ценой унижения брата, однажды обернётся проклятием для его детей.

Особенно прошу вас помнить об Александре. Его рождение стало причиной моего последнего решения, но не должно становиться причиной его несчастья. Он не обязан отвечать за то, что мы, взрослые мужчины, не сумели защитить свой дом.

Печать, которую вы найдёте в футляре, не даёт права на престол. Она подтверждает обещание, данное мною человеку, который однажды должен будет решить, что важнее: царское наследие или человеческая жизнь».

Парис опустил глаза. Он не ожидал услышать своё настоящее имя в письме, написанном много лет назад, но сильнее всего его поразили последние слова.

— Какое обещание? — спросил он.

Северий развернул золотую пластину. На ней была выгравирована короткая надпись:

«Когда наследник узнает правду, он должен найти того, кто получил приказ вернуть царя. Но пусть не верит первому, кто назовёт себя исполнителем этого приказа».

Иларион придвинулся к столу.

— Значит, мы должны найти человека, которому было поручено вернуть прежнего царя в Трою.

— Именно, — ответил Северий. — И, судя по всему, этот человек всё ещё жив.

— Или кто-то хочет, чтобы мы так думали, — заметил Феодор.

В зале наступила тишина. Каждый понимал, что письмо не завершило старую историю, а открыло её новую, ещё более опасную часть.

В это же время в доме у северной гавани Агенор беседовал с Дорием. После возвращения в Трою они несколько раз пытались поговорить, но каждый раз между ними оставалось слишком много невысказанного. Дорий не мог забыть, что всю жизнь считал Агенора своим отцом, а теперь узнал, что тот знал о его происхождении гораздо больше, чем когда-либо признавался.

— Ты опять не спишь, — заметил Агенор.

— А ты опять делаешь вид, что не знаешь почему.

Агенор сел напротив него.

— Я не стану просить тебя простить меня сегодня. Возможно, ты никогда не сможешь этого сделать.

— Ты боишься, что я уйду?

— Да.

— Почему?

Агенор посмотрел на него с горечью.

— Потому что я слишком хорошо помню тот день, когда впервые взял тебя на руки. Ты был совсем маленьким, ничего не понимал, а я уже знал, что однажды мне придётся объяснять тебе, почему твоя настоящая мать не могла быть рядом. Я думал, что смогу прожить всю жизнь, не причиняя тебе боли. Но, как оказалось, иногда молчание причиняет её больше, чем правда.

Дорий долго смотрел на человека, которого ещё недавно без колебаний называл отцом.

— Я не знаю, кем ты теперь для меня являешься, — произнёс он наконец. — Но я помню, кто учил меня держать меч, кто сидел рядом, когда я болел, кто ругал меня за безрассудство и радовался моим первым победам. Я не могу вычеркнуть это из своей жизни.

— И не должен.

— Но я хочу знать, что случилось с моей матерью.

Агенор отвёл взгляд.

— Я не знаю, где она сейчас. В тот день, когда ты был передан мне, Клеомена попросила лишь об одном: чтобы ты вырос и никогда не узнал, что твоё детство было куплено ценой её разлуки с тобой. Я обещал ей, что не позволю никому использовать тебя.

— А потом сам использовал мою жизнь, скрывая правду.

— Да. И это моя вина.

Дорий поднялся и подошёл к окну. За ним темнело море, а вдалеке мерцали огни кораблей.

— Я хочу найти её, — сказал он. — Не для того, чтобы обвинить. Я хочу хотя бы однажды увидеть её и услышать, как она произносит моё имя.

Агенор не стал удерживать его.

— Если ты решишь отправиться на поиски, я пойду с тобой. Но обещать, что мы найдём её живой, не могу.

— Мне не нужны обещания. Мне нужна правда.

Агенор медленно кивнул. Впервые за долгое время он почувствовал, что Дорий говорит с ним не как с врагом и не как с отцом, а как с человеком, которому ещё предстоит заслужить право оставаться рядом.

За пределами Трои, в небольшом укреплённом лагере у побережья, Леонтий получил известие о возвращении Северия. Его капитан, высокий мужчина с обветренным лицом, стоял возле стола и ждал распоряжений.

— Он привёз футляр? — спросил Леонтий.

— Да. По словам наших людей, футляр был при нём ещё до входа во дворец.

— И кто присутствовал при открытии?

— Приам, Лаомедонт, Парис, Гектор, Дорий и несколько старых советников.

Леонтий усмехнулся.

— Значит, они наконец собрались всей семьёй. Жаль, что для этого им понадобилось столько лет лжи.

— Приказать людям проникнуть во дворец?

— Нет. Пока не надо.

Капитан удивлённо посмотрел на него.

— Если они получили письмо прежнего царя, то теперь могут узнать, где он находится.

— А если не получили? Или если получили, но не поняли? Мы не знаем, что именно было в футляре.

— Тогда зачем ждать?

Леонтий подошёл к окну. За ним стояли корабли, готовые выйти в море. Он давно привык, что люди считают его человеком, который стремится к власти ради самой власти. Но в глубине души он продолжал убеждать себя, что когда-то действительно хотел другого. Он видел, как старый царь терял контроль над союзниками, как торговые города начинали действовать каждый по собственному усмотрению, как царские решения становились предметом бесконечных споров. Леонтий считал, что способен удержать всё это в единой системе. Он не замечал, как постепенно сама система превратилась для него в оправдание любого насилия.

— Мы должны найти Эвандра, — произнёс он.

— Того самого начальника северной гавани?

— Да. Он знает, кто получил приказ вернуть царя. И, вероятно, знает, почему тот приказ так и не был исполнен.

— А если Эвандр уже мёртв?

— Тогда мы найдём того, кто похоронил его.

Капитан помедлил.

— Есть ещё кое-что. Один из наших людей видел возле гавани человека с раскрытым крылом на подвеске. Он утверждает, что тот не принадлежит к нашим отрядам.

Леонтий резко повернулся.

— Где он сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.